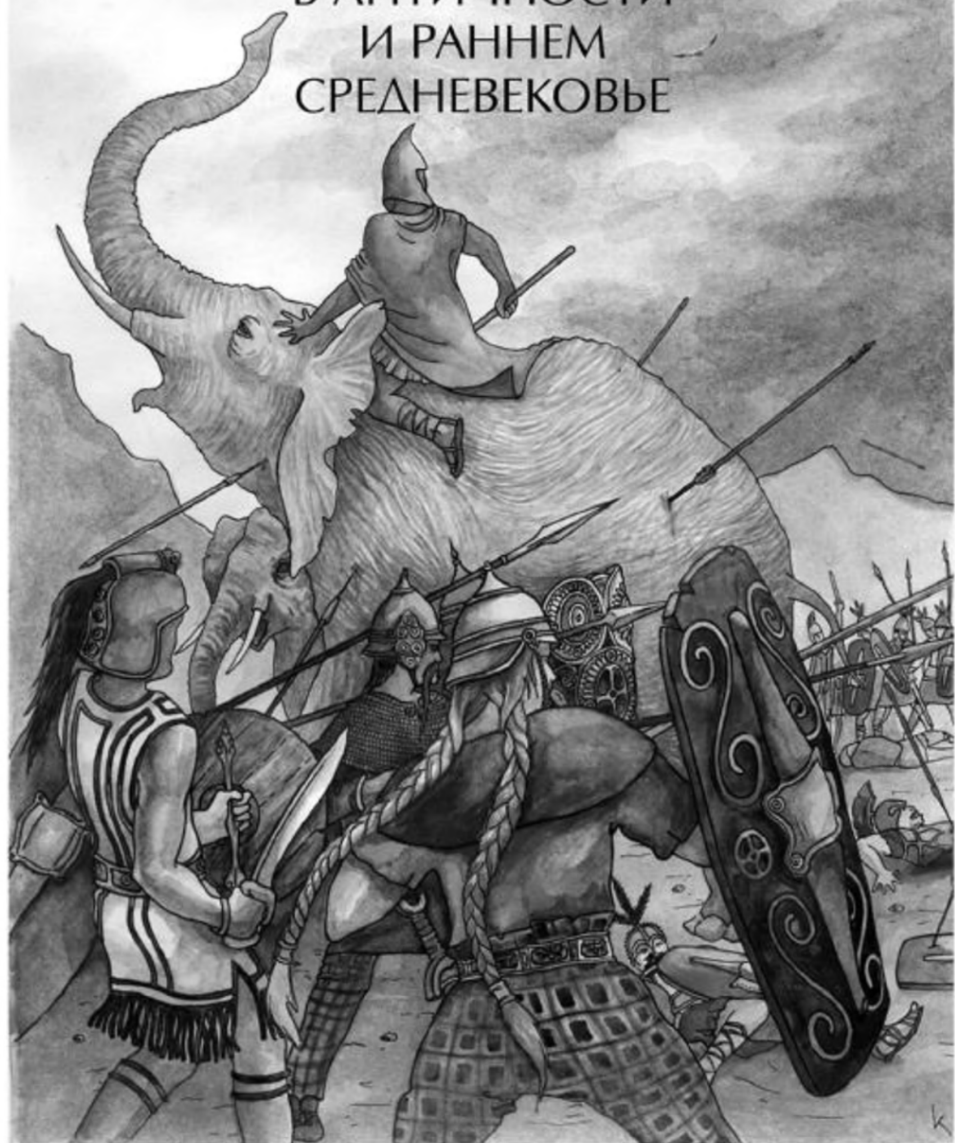

А. В. БАННИКОВ, А. А. ПОПОВ

БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АНТИЧНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Ministry of Culture of Russian Federation
Saint-Petersburg State University of Culture and Arts
Department of History

Andrej V. Bannikov, Artem A. Popov

**WAR ELEPHANTS IN ANTIQUITY
AND EARLY MIDDLE AGES**

Saint-Petersburg
Publishing house of Saint-Petersburg
State University of Culture and Arts
2013

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств
Кафедра истории

А. В. Банников, А. А. Попов

**БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АНТИЧНОСТИ
И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Санкт-Петербург
Издательство СПбГУКИ
2013

УДК 94"652/653"

ББК 63.3(0)32

Б23

Монография издается по решению
Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского
государственного университета культуры и искусств

Рецензенты:

К. В. Вержбицкий, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Древней Греции и Рима исторического
факультета Санкт-Петербургского государственного университета
Н. Н. Каретникова, кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой истории Санкт-Петербургского
государственного университета культуры и искусств

Банников, Андрей Валерьевич

Б23 Боевые слоны в Античности и раннем Средневековье /
А. В. Банников, А. А. Попов ; М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос.
ун-т культуры и искусств, каф. истории. – Санкт-Петербург :
Изд-во СПбГУКИ, 2013. – 168 с. : 12 с. ил.

ISBN 978-5-94708-150-3

Книга посвящена одному из наиболее интересных сюжетов, касающихся военного дела Древнего мира – боевым слонам, чья история прослеживается от эпохи Александра Великого до периода правления Сасанидов. Предпринимается первая в отечественной историографии попытка обобщить и систематизировать весь накопленный материал по данной теме. Рассматриваются причины, обусловившие начало, расцвет и закат «эпохи боевых слонов».

Для специалистов по истории военного дела Античности и раннего Средневековья.

УДК 94"652/653"

ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-94708-150-3

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств», 2013

Bannikov, Andrey V.

War Elephants in Antiquity and Early Middle Ages / A. V. Bannikov, A. A. Popov. – Saint-Petersburg : Publishing house of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts, 2013. – 168 p., ill.

This book is dedicated to the one of the most interesting themes in the art of warfare in Ancient World – the history of war elephants, «tanks» of Antiquity. The main idea of this research is the most correct and full reconstruction of the history and the role of war elephants on the battlefields and in wars of Hellenistic and Roman times, from Alexander the Great to Sassanid epoch.

ВВЕДЕНИЕ

В научной литературе существует большое количество трудов, освещающих самые разные области военного дела древних. Однако такой немаловажный сюжет, как использование на полях сражений слонов, и по сей день остается, как правило, вне поля зрения ученых. Подобное упущение не может не удивлять, поскольку гигантские четвероногие принимали участие почти во всех крупных сражениях, начиная с эпохи Александра и вплоть до времени Цезаря.

На сегодняшний день основным исследованием, посвященным данной теме, является монография отставного артиллерийского полковника наполеоновской армии П. Д. Арманди «*Histoire militaire des éléphants, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'introduction des armes à feu*» («Военная история слонов с древнейших времен до изобретения огнестрельного оружия»)¹. Созданный им труд — плод многолетних и кропотливых изысканий, в процессе которых автор изучил практически все литературные, эпиграфические и нумизматические источники, известные в его время, где можно было бы почерпнуть информацию о боевых слонах.

В своей книге П. Д. Арманди дает описание большого количества битв, произошедших в период так называемой «эпохи боевых слонов». В отличие от целого ряда военных историков этот исследователь не стремится критически переосмыслить сведения своих источников и лишь пересказывает ту версию, которая кажется ему заслуживающей наибольшего внимания.

¹ *Armandi P. D. Histoire militaire des éléphants, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'introduction des armes à feu. Paris, 1843.*

Для П. Д. Арманди приводимые им описания имеют далеко не случайный характер: все они естественным образом должны подвести читателя к мысли, что слоны хотя иногда и были полезны на полях сражений, но гораздо чаще становились причиной поражений своих войск, и лучшее средство для борьбы с этими ужасными гигантами — европейская дисциплина и выгучка (особенно когда речь идет о римлянах). Появление слонов в составе многих армий древности было шагом назад в военном искусстве. Именно поэтому римляне, оценив все достоинства и недостатки нового вида войск, перестали использовать его.

Материал, собранный и обработанный П. Д. Арманди, послужил фундаментом для монографий Г. Х. Скалларда² и Дж. М. Кистлера³. Первую из этих двух работ, которая посвящена исключительно античному периоду, по праву причисляют к классике мировой историографии. Вторая повествует о той роли, которую сыграли слоны в военном деле разных народов на протяжении всей мировой истории⁴.

² *Scullard H. H. The Elephant in the Greek and Roman World. London, 1974.*

³ *Kistler J. M. War elephants. Lincoln; London. 2007.*

⁴ Нельзя сказать, что до этих двух монографий не выходило никаких трудов обобщающего характера о боевых слонах. Уже в 1855 г. появилось исследование Шарффа «О природе и использовании африканских слонов древними» (*Scharff. De natura et usu elephantorum Africanorum apud veteres*), где данному вопросу было уделено основное внимание. В 1964 г. в Ростокском университете была защищена диссертация В. Кребса «Слоны в древних армиях» (*Krebs W. Elefanten in den Heeren der Antike // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Jg. 13. 1964*), в которой военная история слонов изложена от Александра до Сасанидов. Кроме того, за этот период вышло большое количество зарубежных публикаций, посвященных отдельным вопросам, связанным с боевыми слонами (*Philipp J. Wie hat Hannibal die Elefanten ueber die Rhone gesetzt // Klio.*

К несомненным достоинствам труда Г. Х. Скалларда можно отнести его критическое отношение не только к античной литературе, но и к современным исследованиям. Этот выдающийся британский ученый рассмотрел целый ряд дискуссионных вопросов о значении слонов на полях сражений в эпоху эллинизма и римского владычества.

Монография Дж. М. Кистлера, американского ученого, имеющего сертификат корняка, крайне важна для реконструкции основных событий истории древности, в которых принимали участие боевые слоны. Автор, будучи ревностным христианином-пресвитерианином, выступает в том числе и против негуманного отношения людей к этим животным, превращенным еще в древности в страшное оружие убийства. Однако в силу того, что Дж. М. Кистлер зачастую использовал античную литературную традицию в переложении современных ученых, в его работе присутствуют некоторые, порой весьма досадные, неточности⁵.

Из последних исследований, связанных с интересующим нас сюжетом, можно выделить хорошо иллюстрированную научно-популярную работу К. Носова, в которой автор попытался осветить не только античный, но также и средневековый период военной истории слонов⁶. К сожа-

нию, столь широкий замысел оказалось практически невозможно реализовать в рамках очень небольшой по объему монографии, где доля иллюстративного материала зачастую доминирует над содержательной частью книги⁷.

Несмотря на то что ученые, занимавшиеся боевыми слонами, попытались как можно полнее раскрыть затронутую ими тему, некоторые аспекты ее до сих пор остаются неизученными. Это объясняется прежде всего тем, что основное внимание уделялось периодам эллинизма и Пунических войн. Значительно меньше интереса, например, вызвало вторичное появление слонов на полях сражений в III–VI вв. н. э. Попыткой заполнить образовавшуюся лакуну стали две интересные и важные публикации, специально посвященные использованию боевых слонов в армиях Сасанидов. Первой из них была статья Ф. Рейнса⁸. Положения и гипотезы, выдвинутые этим исследователем, встретили поддержку и были развиты М. Б. Чарльзом⁹. Оба ученых весьма критически относятся к информации историков древности и Средневековья о боевых слонах в войсках Новоперсидского царства. По их

1911. Bd. 11. S. 343–354; *Visscher F. de*. Encore les éléphants d'Annibal // *L'Antiquité classique*. 1962. T. 31. P. 234–235; *Rogers A. C.* The Use of Elephants in the Ancient World // *Slingshot*. March, 1967. № 10. P. 6–7; *Russell K.* The Elephants in the Mediterranean Wars // *Slingshot*. May 1980. № 89. P. 39–42; July 1980. № 90. P. 24–27; September 1980. № 91. P. 27–29; November 1980. № 92. P. 39–41).

⁵ См.: *Нефедкин А. К.* Новая книга о боевых слонах [ред. на: Kistler J. M. War Elephants. Westport; London: Praeger, 2006] // *Para bellum*. 2009. № 31. С. 105–108.

⁶ *Nossov K.* War Elephants. Oxford; New York, 2008.

⁷ Из публикаций, появившихся за последнее время, можно отметить также следующие статьи и монографии: *Monestier M.* Les animaux-soldats: Histoire militaire des animaux des origines à nos jours. Le Cherche-midi, 1996; *Richardson Th., Stevens D.* The Elephant Armour // *Royal Armouries Yearbook*. 1996. Vol. 1. *Schneider P.* De l'Hydaspe à Raphia: rois, éléphants et propagande d'Alexandre le Grand à Ptolémée IV // *Chronique d'Égypte*. 2009. LXXXIV. P. 310–334; *Fargues C.* Les Éléphants de guerre // *Histoire antique et médiévale*. Septembre 2010. № 51. P. 66–73.

⁸ *Rance Ph.* Elephants in Warfare in Late Antiquity // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. XLIII. Fasc. 3–4. 2003. P. 355–384; *Peine Ф.* Боевые слоны в военном деле поздней античности // *Para bellum*. 2008. № 29. С. 5–30; № 30. С. 31–52.

⁹ *Charles M. B.* The Rise of the Sassanian Elephant Corps: Elephants and the Later Roman Empire // *Iranica Antiqua*. 2007. Vol. XLII. P. 301–346.

мнению, у Сасанидов слоны исполняли роль скорее вспомогательных войск, служили для перевозки обозных грузов, а также для придания величия двору персидских владык, нежели использовались в качестве боевого средства на полях сражений. Если же слоны и производили порой замешательство в рядах противника, то это происходило по причине отсутствия у неприятеля необходимого опыта борьбы с ними.

Практически совершенно не изученным остается вопрос об использовании боевых слонов в Греко-Бактрии и индо-греческих государствах. Данный сюжет был затронут только в исследовании В. П. Никонорова о военном деле в древней Бактрии¹⁰. Можно добавить, что в монографии Д. Хэда, посвященной вооружению эпохи эллинизма и Пунических войн, была сделана реконструкция греко-бактрийского боевого слона¹¹, основой для которой послужил фалар, хранящийся в настоящее время в Эрмитаже. Впоследствии эта реконструкция была использована в книге Дж. Вэрри по истории военного дела в Античности уже в качестве эталона боевого слона эпохи диadoхов¹².

Таким образом, предлагаемый вниманию читателя труд является первой в отечественной историографии попыткой обобщить и систематизировать *весь* накопленный материал по данной теме, изложив при этом свои взгляды на причины, обусловившие начало, расцвет и закат «эпохи боевых слонов»

Пользуясь случаем, авторы выражают глубокую признательность В. П. Никоно-

рову и А. К. Нефедкину, предоставившим в их распоряжение большое количество отечественных и зарубежных публикаций, которые оказались весьма полезными при работе над настоящей книгой, А. Я. Тыжову, сделавшему перевод ряда стихотворных фрагментов источников, а также сотрудникам Государственного Эрмитажа М. М. Дандамаевой и О. Л. Семеновой, благодаря участию которых авторы получили возможность лично исследовать фалары с изображением боевых слонов.

¹⁰ *Nikonorov V. P. The Armies of Bactria (700 BC — 450 AD). Vol. I. Stockport, 1997. P. 37.*

¹¹ *Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars (359 BC to 146 BC). Goring-by-Sea, 1982. P. 184. Fig. 183.*

¹² *Вэрри Дж. Войны античности от греко-персидских войн до падения Рима. М., 2004. Рис. 10.*

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О БОЕВЫХ СЛОНАХ

1. ЧТО БЫЛО ИЗВЕСТНО ДРЕВНИМ О СЛОНАХ

О слонах греки не знали практически ничего вплоть до VI в. до н. э. «Слоновую кость, — пишет Павсаний, — которая употреблялась для разных изделий и бывала в руках у художников, конечно, все знали с давнего времени; самих же животных, прежде чем македоняне не перешли в Азию, вначале никто не видал, кроме самих индийцев, ливийцев или их соседей. Это видно из Гомера, который ложа и жилища самых богатых царей разукрашивает слоновой костью, а о слоне как живом звере нигде не упоминает; если бы он его видел или слышал о нем, то, мне кажется, он упомянул бы о нем гораздо скорее, чем о сражении пигмеев с журавлями» [Paus., I, 12, 4; пер. С. П. Кондратьева]. Возможно, первым из эллинов, кто узнал об этих животных не понаслышке, был Скилак Кариандийский, который, находясь на службе у персидского царя Дария I, покорил и исследовал долину Инда [Herod., IV, 44]. Сведениями Скилака воспользовался впоследствии Гекатей Милетский¹, согласно которому боевой слон был одним из символов Индии [Aelian., Animal., XIII, 22].

Ктесий Книдский (V–IV вв. до н. э.) составил описание Индии, в котором он сообщает о слонах-«стеноразрушителях» [Phot., 45 a, 32]. Эта информация подтверждается и другими, более поздними греческими авторами, например Аристотелем [Arist., Hist. anim., I, 610 a, 15–16], Онесикритом Астипалейским² и Неархом [Strab., XV, 1, 43], участниками походов Александра Великого, а также Мегасфеном — послом Селевка Никатора при дворе индийского царя [Arr., Ind., 13, 1–14, 9].

Тем не менее слон очень долго оставался для древних загадочным животным, о котором ходили самые невероятные рассказы. Так, например, по словам римского историка Габиния «в то время как прочие животные убегают от огня, слоны воюют с огнем и защищаются от него, потому что огонь губит лес; слоны яростно сражаются с людьми, причем посылают вперед разведчиков; когда они видят, что те обратились в бегство, они сами также убегают; будучи ранеными, слоны протягивают в знак просьбы о защите ветви, траву или пыль» [Strab., XVII, 3, 8; пер. Г. А. Страпановского]. Столь же маловероятными были познания древних и в отношении способа

¹ Rawlinson H. G. Intercourse between India and the western world from the earliest times to the fall of Rome. Cambridge, 1926. P. 19–20.

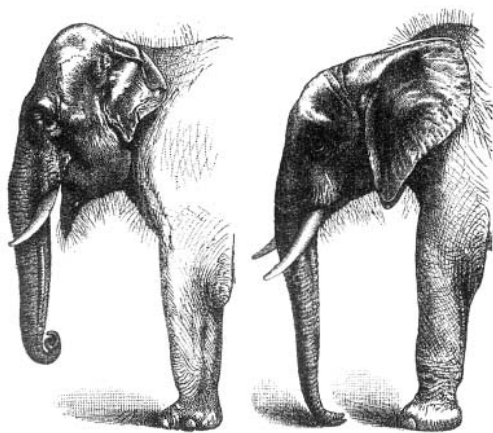
² «Не только Онесикрит, но и другие утверждают, что индийские слоны крупнее и сильнее ливийских. Встав на задние ноги, они хоботом опрокидывают башенные зубцы и вырывают деревья с корнем» [Strab., XV, 1, 43; пер. Г. А. Страпановского]. Об этом же говорит и Элиан [Aelian., Animal., XVII, 29].

размножения слонов: «Спариваются слоны и производят детенышей как лошади, большей частью весной. Когда у самца наступает время спаривания, он становится диким и охвачен бешенством. В это время он испускает какое-то жировое вещество через дыхательные отверстия, расположенные около висков. У самок происходит то же самое, лишь только открываются такие отверстия. Самки носят детенышей самое большее 18 месяцев и самое меньшее 16 месяцев; кормит мать 6 лет» [Strab., XV, 1, 43; пер. Г. А. Страпановского]. Еще менее определенными были познания греков и римлян относительно продолжительности жизни слона. Древние исследователи считали, что огромные звери живут 200 и даже более лет [Plin., NH, VIII, 10]. Онексирит полагает, что некоторые из этих животных могут дожить и до 500 лет, а в 200 лет они только достигают расцвета своих физических сил [Strab., XV, 1, 43]. Если верить Флавию Филострату, то Аполлоний Тианский во время своего путешествия по Индии будто бы видел слона, который когда-то сражался в войске Пора против Александра Великого. Четвероногий гигант бился столь храбро, что македонский завоеватель принял решение посвятить его Солнцу. На бивнях животного он приказал вырезать по-гречески следующую надпись: «Александр, сын Зевса, посвящает Аянта Гелиосу». Индийцы весьма почитали этого слона. Его умащали елеем и украшали лентами, на бивни ему надевали золотые кольца. «По расчетам местных жителей, — сообщает Филострат, — со времени битвы минуло целых триста пятьдесят лет, не говоря уже о годах, прожитых слоном до битвы» [Philostrat., Apollon. vit., II, 12; пер. Е. Г. Рабинович]. В подтверждение идеи о необычайной продолжительности жизни слонов Филострат приводит рассказ бывшего нумидийского царя Юбы, якобы

самолично поймавшего слона, на бивне которого было тавро, сделанное 400 лет назад [Philostrat., Apollon. vit., II, 13].

Однако уже в древности некоторые натуралисты подвергали сомнению, рассказы о необычайной продолжительности жизни слонов. Аристотель, который, по видимому, первым из греческих ученых имел возможность изучить это животное³, полагал, что слон живет 120–200 лет [Arist., Hist. anim., IX, 72], а Страбон — что слоны живут столько же, сколько и люди, правда допускал, что некоторые из животных могут доживать до 200 лет [Strab., XV, 1, 43]. Слоны действительно являются долгожителями в животном мире. В этой связи интересным представляется тот факт, что после победы над Филиппом V римляне запретили македонскому царю содержать боевых слонов [Liv., XXXIII, 30, 6]. Известно, что македоняне не использовали этих животных, когда они вели войну с римлянами. Также представляется маловероятным, чтобы индийские или африканские слоны могли быть доставлены в Македонию: в первом случае этому воспротивились бы Селевкиды, а во втором — Птолемеи, которые сами весьма нуждались в этом грозном боевом средстве. Поэтому, вероятно, что у Филиппа были лишь те животные, которые сражались еще под знаменами Антигона Гоната. К началу войны с Римом те из них, которые оставались в живых, уже состарились и стали непригодными для участия в сражениях. Однако сам факт, что царь содержит четвероногих гигантов, заставил римлян внести в мирный договор пункт, запрещавший ему делать это в будущем.

³ Armandi P. D. Histoire militaire des éléphants, depuis les temps les plus reculés jusqu' à l'introduction des armes à feu. Adamant Media Corporation, 2007. P. 41–43. (Далее страницы указываются по этому изданию.)

Индийский и африканский слоны
(Webster N. New International Dictionary of the English
Language. 1911. P. 710)

Согласно индийскому трактату «Артхашастра», лучшими считались слоны, достигшие 40-летнего возраста; 30-летние слоны были менее пригодны для использования их человеком, а 25-летние — самыми плохими (Art., II, 31). Более молодых слонов, очевидно, не имело смысла отлавливать.

Древние знали о существовании нескольких видов слонов. В Индии различали болотных, горных и равнинных животных [Philostrat., Apollon. vit., II, 12]. О нравах каждой из этих пород Филострат сообщает следующее: «Слонов, выловленных на болотах, индусы считают скудоумными и слабосильными, горных — злонравными, коварными и недоступными приручению, кроме как по собственной их воле; а вот слоны с равнины якобы и добродушны, и покорны, и к подражанию склонны — они и пашут, и пляшут, и бьют ногами оземь в лад со свирелью» [Philostrat., Apollon. vit., II, 13; пер. Е. Г. Рабинович].

Кроме индийских древние знали также и о существовании *африканских*, или *ливийских*, слонов. Установилось мнение, что

представители этого вида значительно уступали по своим природным качествам индийским собратьям. Считалось даже, что африканского слона одолевал необоримый страх при встрече с индийским [Plin., NH, X, 3]⁴. Античные авторы объясняли это тем, что индийский слон был гораздо крупнее африканского [Polyb., V, 84, 5; Liv., XXXII, 39, 13; Plin., NH, X, 3; Diod., II, 42, 1–2; App., Syr., 31; Strab., XV, 1, 43]. «Насколько ливийский слон больше нисейского жеребца, настолько же индийские слоны больше ливийских», — утверждает Филострат [Philostrat., Apollon. vit., II, 12; пер. Е. Г. Рабинович]. В действительности соотношение размеров двух видов является прямо про-

тивоположным тому, каким его считали древние: африканский слон (*Loxodonta africana*) достигает веса 4000–7000 кг, при том что высота в холке у него составляет 3–4 м, а индийский слон (*Elephas maximus, indicus*) весит 2000–5000 кг при высоте в холке 2–3,5 м.

Г. Дельбрюк, пытаясь объяснить подобное противоречие между свидетельствами античных авторов и данными современной науки, пришел к выводу, что основную роль играли не столько размеры животных, сколько искусство их корнаков: индийцы — вожаки слонов в армиях сирийских царей — были гораздо более умелыми в этом отношении, чем их противники, не обладавшие большим опытом в дрессировке четвероногих гигантов⁵. Однако более правдоподобным выглядит предположение Ф. Уолбанка, полагающего, что в птолемеевских и карфагенских арми-

⁴ «Indicum Africi pavent nec contueri audent».

⁵ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории: в 4 т. Т. I. Античный мир. СПб., 1994. С. 185.

ях использовали так называемых лесных слонов (*Loxodonta Africana cyclotis*). Самцы данного вида достигали в среднем высоты 7–8 футов (ок. 2–2,5 м), что значительно меньше роста индийских слонов⁶.

С этим мнением соглашается и Д. Хэд⁷. Лесной слон был некогда весьма распространен в Северной Африке. Уже Геродот сообщает, что на территории, простиравшейся к западу от реки Тритона, во множестве водились различные виды животных, в том числе и слоны [Herod., IV, 191]. Сегодня этот подвид обитает в экваториальной части Африканского континента⁸.

Охота на слонов в древности требовала столько же усилий и была столь же масштабным предприятием, как и военный поход. Когда карфагенский полководец Гасдрубал вступил в пределы Нумидии, ведя с собой армию, чтобы завоевать эту страну, то ему удалось усыпить бдительность ее жителей, заявив, что он прибыл лишь для того, чтобы произвести отлов слонов [Frontin., Strateg., IV, 7, 1].

Сохранилось несколько описаний того, как происходил отлов слонов. Они схожи друг с другом и разнятся лишь в мелочах. «Охота на слонов, — пишет Страбон, — ведется таким образом: место, лишенное растительности, приблизительно 4 или 5 стадий в окружности, обводят глубокоим рвом, а вход соединяют весьма узким мостом.

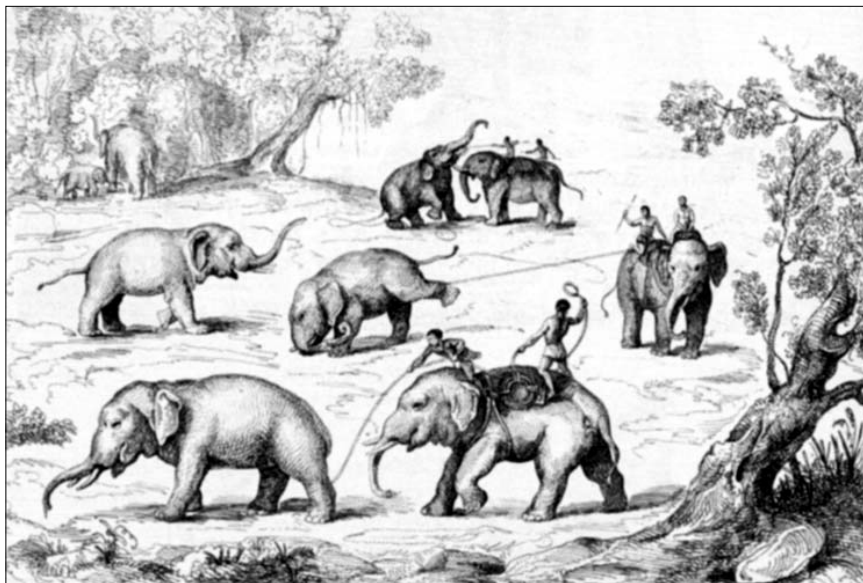
Нынешняя территория обитания
Loxodonta Africana cyclotis (Les Éléphants /
sous la direction du Dr. J. Shoshani.
Paris, 1993. P. 45)

Затем в загон впускают трех или четырех самых смиренных самок, а сами охотники поджидают, лежа в засаде, в укрытых хижинах. Днем дикие слоны не приближаются к загону, а ночью входят туда поодиночке. Когда слоны вошли в загон, охотники незаметно запирают выход, затем впускают туда самых сильных прирученных слонобойцов и заставляют их биться с дикими и вместе с тем изнуряют голодом. Как только слоны начинают ослабевать, самые храбрые корнаки незаметно спускаются в загон и каждый подлезает под брюхо своего ездового слона, а оттуда переползает под брюхо дикого слона и связывает ему ноги. После этого корнаки велят прирученным слонам бить связанных слонов, пока те не повалятся на землю. Когда дикие слоны упадут на землю, охотники привязывают ремнями из бычьей кожи диких животных за шеи к шеям ручных слонов. Для того чтобы слоны, встряхивая, не сбросили охотников при попытке сесть на них, на шеях

⁶ Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius: in 3 vol. Vol. I. Oxford, 1957. P. 164. В настоящее время существуют еще два подвида: азиатский суматранский слон (*Elephas maximus sumatranus*), рост в холке у него составляет 3,2 м, вес 4000 кг, и большой азиатский слон с о-ва Шри-Ланка (*Elephas maximus maximus*), длина которого может быть от 6,7 до 8 м, рост в холке — 3,5 м, вес — 5500 кг. (Shoshani J. Étude comparative des éléphants actuels // Les Éléphants / sous la direction du Dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 46–51).

⁷ Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars (359 BC to 146 BC). Goring-by-Sea, 1982. P. 186.

⁸ Sukumar R. The Living Elephants: Evolutionary, Ecology, Behavior and Conservation. Oxford, 2003. P. 54.

Охота на слонов. Гравюра XIX в.
(Марко Поло. Книга чудес света. М., 2009. С. 246)

слонов кругом делают надрезы и по ним обматывают ремни; таким образом, боль заставляет их терпеть оковы и сохранять спокойствие. Из числа пойманных слонов охотники отбирают бесполезных для работы по старости или по молодости, а остальных отводят в стойла. Здесь их стреноживают, привязывают за шеи к крепко вколоченному столбу и укрощают голодом. Затем восстанавливают силы животных, давая им в пищу зеленый тростник и траву. Потом слонов учат слушаться приказаний — одних словами команды, других заволакивают ритмичным напевом под звуки бубнов» [Strab., XV, 1, 42; пер. Г. А. Стратановского].

Согласно Плинию Старшему, для отлова слонов из заграждений выстраивалось длинное дефиле, один конец которого был закрыт. В этот проход слонов заго-

няли всадники на специально обученных лошадях. Попавших сюда слонов запирали и умирляли голодом [Plin., NH, VIII, 25]⁹. «Буйные слоны, — пишет Плиний, — укрощаются голодом и ударами плети. Рядом с ними ставят других слонов, которые сдерживают беснующегося цепями» [Plin., NH, IX, 27]¹⁰.

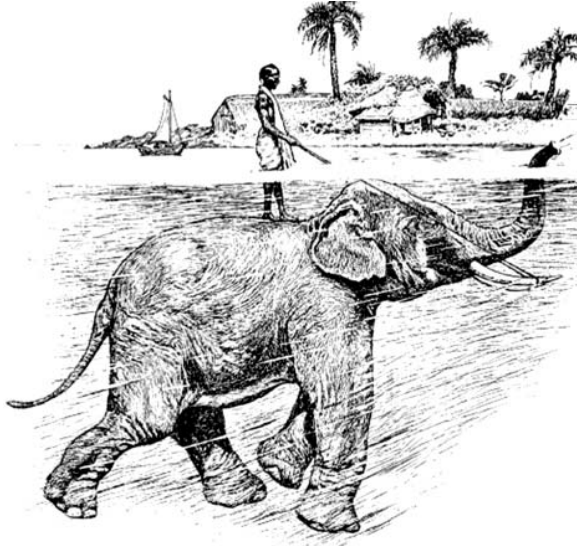
Древние не только отлавливали диких слонов, но также пытались разводить этих животных в неволе. Элиан сообщает, что Птолемею II Филадельфу был подарен маленький слоненок, который «был воспитан там, где говорят по-гречески» [Aelian.,

⁹ «equitatu cogeant in vallem manu factam et longo tractu fallacem cuius inclusos ripis fossisque fame domabant».

¹⁰ «domantur autem rabidi fame et verberibus, elephantis aliis admotis, qui tumultuantem catenis coercent».

Animal., XI, 25]. Согласно тому же автору, слоны, принявшие участие в зрелищах, устроенных Германником, родились в Риме [Aelian., Animal., II, 11].

Считалось, что нет другого животного, столь же преданного и покорного человеку, как слон. «Слон лучше всех прочих животных поддается приручению и, будучи хоть раз приневолен служить человеку, затем все готов от него снести, выказывая ему всяческое повиновение и ревностную любовь, так что с радостью, подобно малому щенку, берет пищу из человеческих рук, а подошедшего хозяина ласкает хоботом и позволяет ему даже класть голову себе в глотку, держа рот открытым, сколько потребуется» [Philostrat., Apollon. vit., II, 11; пер. Е. Г. Рабинович]. Страбон утверждает, что слонов легко обучить даже метать в цель камни, пользоваться оружием и ходить под ярмом [Strab., XV, 1, 43]. Во время сражения некоторые слоны выносят из боя своих корнаков, истекающих кровью, или же защищают тех, кто ползает перед их передними ногами [Strab., XV, 1, 42]. «Слон, — передает Арриан, — наиболее разумное животное из всех; некоторые из них, подняв своих вожаков, убитых на войне, уносили, чтобы похоронить; другие прикрывали собой, как щитом, лежащих на земле, иные сами подвергались опасности, защищая упавших; а иной из них, в раздражении убив своего вожака, умирал от раскаяния и печали» [Arr., Ind., 14, 4; пер. О. В. Кудрявцева].

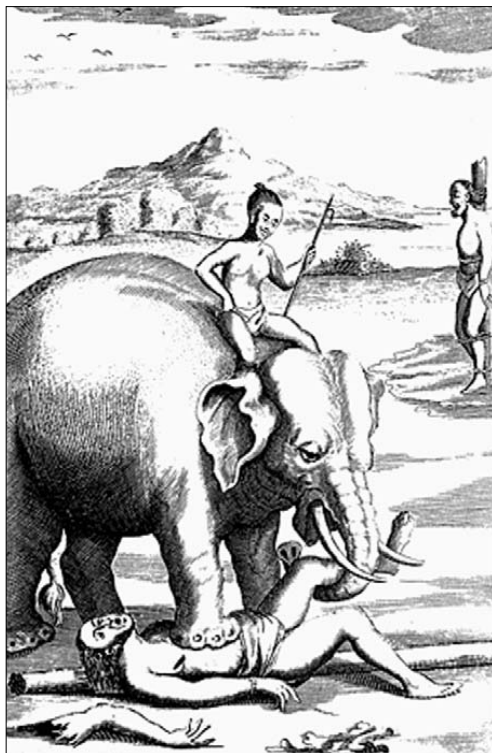

Слон, переплывающий реку. Гравюра 1894 г.
(Les Éléphants / sous la direction du Dr. J. Shoshani.
Paris, 1993. P. 45)

Древними были подмечены многие замечательные качества слонов, позволившие человеку найти самое разнообразное применение четвероногим великанам. Слоны обладают чудовищной силой, не сопоставимой с силой ни одного другого из наземных животных. Согласно подсчетам ученых Нового времени, слон может поднять хоботом вес в 200 фунтов (90,72 кг), а бивнями — 1000 фунтов (453,59 кг)¹¹. Во время переходов он может нести на себе груз до 2500 фунтов (1133,98 кг) и проходить с такой ношей 12–15 лье (54–67,5 км) в день.

Наиболее известный случай применения физической силы слонов в древности относится к временам Адриана. Известно, что этот император использовал слонов

¹¹ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 4.

Слон, выступающий в роли палача
(Knox R. *An Historical Relation of the Island Ceylon*.
London, 1681. P. 23)

для осуществления одной из самых сложных с точки зрения античной механики операций. По его приказу греческий инженер Детриан с помощью 24 слонов поднял знаменитый колосс Нерона и в стоячем положении перенес его на другое место [SHA, *Nadrian.*, 19, 12]. Высота этой статуи составляла 110 футов (ок. 33,53 м), согласно Плинию [Plin., HN, XXXIV, 18], или 120 футов (36,58 м), согласно Светонию [Suet., *Nero*, 31].

Слоны не боятся воды и хорошо плавают. Согласно утверждению П. Д. Ар-

манди, в XIX в. индийцы использовали огромных четвероногих всякий раз, когда переправляли через реки товары или воинские отряды. При этом люди прыгали в воду и плыли, держа за уши или хвост животного¹². О подобной способности слонов знали уже в древности [Strab., XV, 1, 43; Philostrat., *Apollon. vit.*, II, 12]¹³ и поэтому часто использовали их при переправах армий через бурные и полноводные потоки. Известно, например, что Пердикка, переправляясь через рукав Нила, выстроил слонов в один ряд, чтобы ослабить напор воды [Diod., XVIII, 33, 35]. Также поступил и Ганнибал, когда его армия форсировала Пад [Liv., XXI, 47, 4]. Наконец парфянский царь Вологез верхом на слоне переплыл через реку Арсаний [Tas., *Annal.*, XV, 15].

Уже в древности слонов стали использовать в качестве палачей¹⁴. В Индии их обучали умерщвлять преступников как одним ударом, так и последовательно ломая им кости, чтобы несчастные как можно дольше страдали от мучений. Большое количество подобных рассказов можно найти в античной истории. Так, после смерти Алек-

¹² Armandi P. D. *Histoire militaire*... P. 5.

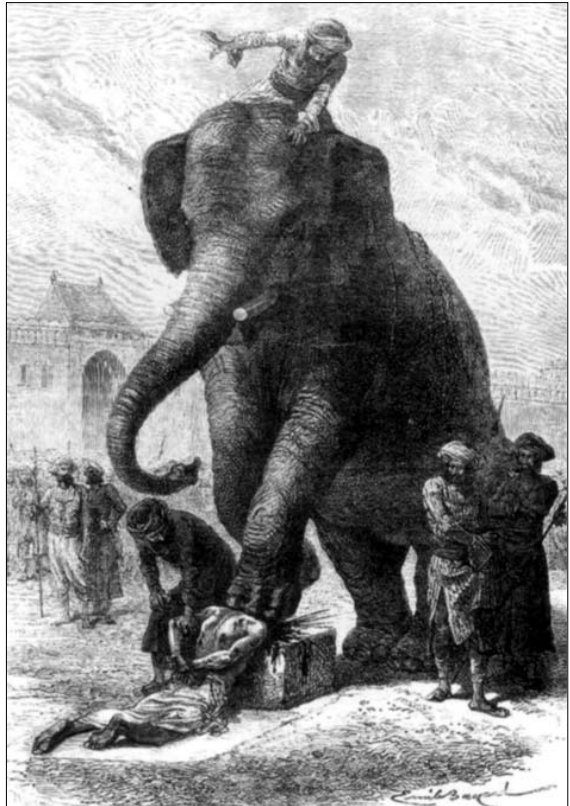
¹³ Если верить рассказам античных авторов, то при переправах через реки более крупные слоны переносят детенышей на своих бивнях, придерживая их при этом хоботами [Philostrat., *Apollon. vit.*, II, 14]. Об этом же см. Armandi P. D. *Histoire militaire*... P. 5.

¹⁴ П. А. Арманди объясняет этот феномен природной склонностью слона к убийству [Armandi P. D. *Histoire militaire*... P. 241], впрочем, в этом пороке скорее стоит обвинять человека, а не животное, которое он сделал покорным исполнителем своей воли.

Такой способ умерщвления осужденных применялся в некоторых странах до начала XX в. (Kistler J. M. *War Elephants*. Lincoln; London, 2007. P. 182)

сандра Пердикка, ставший регентом царства, приказал бросить под ноги слонам 300 македонян, бывших зачинщиками мятежа; Гамилькар точно так же расправлялся с взбунтовавшимися наемниками; Птолемей Филопатор был намерен аналогичным образом покарать восставших евреев¹⁵.

Считается, что в отличие от собак или лошадей, которые являются домашними животными, слоны — это представители дикой фауны¹⁶. Вместе с тем в античной литературе сохранилось достаточно много рассказов, говорящих об уме и смекалке слонов [Philostrat., *Apollon. vit.*, II, 15]. Древние полагали, что четвероногий гигант обладает почти человеческим разумом [Strab., XV, 1, 29]. Эти качества слонов позволили людям обучать их самым невероятным трюкам: «Я сам видел слона, — сообщает Арриан, — играющего на кимвалах, и других — танцующих, видел, как пара кимвалов была прилажена к двум передним его ногам, а к так называемому хоботу еще третьи кимвалы. И он попеременно ритмично

ударял хоботом по кимвалам, находящимся на каждой его ноге; другие же танцевали, ведя вокруг него хоровод, поднимая и сгибая передние ноги попеременно и ритмично; и так они двигались, как будто бы играющий на кимвалах был их руководителем» [Arr., *Ind.*, 14, 5–6; пер. О. В. Кудрявцева].

Необычайного совершенства в искусстве дрессировки слонов достигли римляне. Среди театрализованных представлений, в которых приняли участие четвероногие гиганты, одним из наиболее удивительных было показанное Германиком. Во время

¹⁵ Armandi P. D. *Histoire militaire...* P. 241.

¹⁶ Jaynes M. From War Elephants to Circus Elephants: Humanity's Abuse of Elephants // *Journal for Critical Animal Studies*. Vol. VII. 2009. Issue 1. P. 76.

этого зрелища слоны исполняли военный танец с оружием, а также шутовскую пантомиму, когда четверо животных несли носилки, на которых лежала слониха, изображавшая роженицу, только что разрешившуюся от бремени [Plin., HN, VIII, 2]. Но самым впечатляющим номером, который могли видеть римляне, были, конечно же, слоны-канатоходцы, взбиравшиеся по тросам, натянутым от основания арены к ее вершине, и тем же путем спускавшиеся обратно. Такое представление было устроено Германиком [Plin., HN, VIII, 2, 3]¹⁷, Нероном [Suet., Nero, 11] и Гальбой [Suet., Galba, 6].

2. БОЕВЫЕ СЛОНЫ

Вопреки всем вышеприведенным примерам и утверждениям древних естествоиспытателей именно римляне посчитали слонов «тупоумными» и непригодными для использования на войне [[Caes.], Bell. Afr., 27]¹⁸. Но тем не менее война очень долго была, пожалуй, самой главной сферой деятельности этих огромных животных. Вслед за индийцами слонов вывели на поля сражений диадохи и их преемники — сирийские Селевкиды, египетские Лагиды, македонские Антигониды, затем карфагеняне, нумидийцы, сами римляне и, наконец, персидские Сасаниды. Все эти народы с разным успехом использовали слонов в своих военных кампаниях, и уже

в древности многие сомневались в необходимости и целесообразности их участия в военных действиях.

Несмотря на то что в различных государствах древности имелись определенные особенности в использовании боевых слонов, многое было общим и не зависело от национальных традиций. Слоном управлял корнак, который сидел на его шее. Поскольку первые корнаки, увиденные греками, были индийцами, слово «индиец» (*Indus*, Ἰνδός) превратилось в технический термин, которым стали обозначать всех погонщиков независимо от их происхождения¹⁹. Полибий, например, использует его в отношении погонщиков карфагенских слонов, которые, несомненно, были африканцами [Polyb., I, 40, 15]²⁰. В словаре александрийского грамматика Гезихия слово «инд» превратилось в название профессии: «Инд — человек, чтобы управлять слоном (или: воспитывать слона) из Эфиопии»²¹.

Свои команды корнак подавал голосом или с помощью особого инструмента, имевшего на одном конце металлическое острие и крюк. Греки называли такое стрекало ἄρπη [Aelian., Animal., XIII, 9], а римляне — *cuspis*²². Когда животное переставало повиноваться голосу, то погонщик хлопал его стрекалом по спине или колот в шею или уши.

Чтобы придать слонам более внушительный вид, их покрывали особого рода пурпурными попонами (πορφύραι), а так-

¹⁹ Walbank F. W. A Historical Commentary... P. 103.

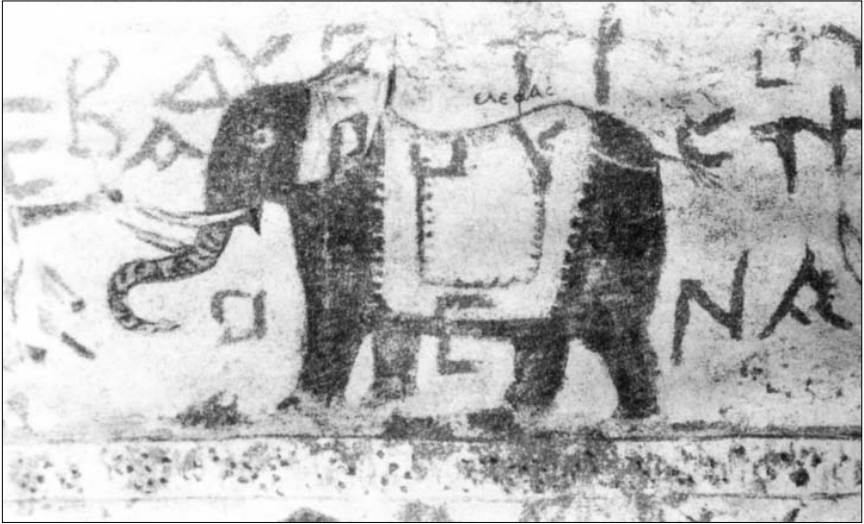
²⁰ Кроме названия Ἰνδός греческие авторы используют слово ἡγεμόνος — вожак [Diod., XIX, 17, 5; Plut., Pyrr., 26, 15], которому соответствуют латинские *rector* [Liv., XXXVII, 40, 4] или *magister* [Liv., XXVII, 49, 1].

²¹ Цит. по: Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 22.

²² Armandi P. D. Histoire militaire... P. 256.

¹⁷ «Postea et per funes incessere... Mirum maxime et adversis quidem funibus subire, sed regredi magis utique pronis» («После этого они взошли по канатам... Величайшим чудом было уже то, что они поднялись по идущим вверх канатам, но еще более поразительным было то, что они спустились по канатам, идущим вниз»).

¹⁸ «...rudes enim elephanti».

Изображение слона на стене в гробнице эллинистического времени (Мирисса, Палестина) (Sekunda N. *Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies (168–145 BC). Vol. I: The Seleucid Army under Antiochus IV Epiphanes.* Stockport, 1994. Fig. 58)

же украшали золотыми и серебряными предметами [Plut., Eumen., 14; Flor., I, 24]²³. Уши слонов раскрашивали в красный, голубой или белый цвета²⁴. На голову надевали налобник с плюмажем из перьев [Liv., XXXVII, 40, 3–4; Amm., XXV, 3, 11].

Для защиты животных от ран их могли облачать в специальные панцири [Maccab., I, 6, 43; [Caes.], Bell. Afr., 72; 86] (см. вкл., рис. 1). На бивни надевали стальные острия, для того чтобы сделать более смертоносными их удары. Кроме этого, к груди или бивням слонов могли

прикреплять копыта или окованные железом колья. Согласно Силию Италику, именно так были экипированы слоны карфагенян [Sil. Ital., Punic., IX, 581]²⁵.

Перед началом сражения животных старались привести в ярость. Для этого их кормили ладаном и поили вином (Maccab., I, 6; cf. Curt., VIII, 13)²⁶.

²⁵

Stat niveis longum stipata per agmina vallum
Dentibus, atque ebori praefixa cominus hasta
Fulget ab incurvo devecta cacumine cuspis.

(Стоит стеной нескончаемая вереница,
ошетилившаяся белоснежными
Клыками, а копыта прикреплены прямо к бивням,
Над загнутыми вершинами которых
возвышаясь сверкают наконечники);

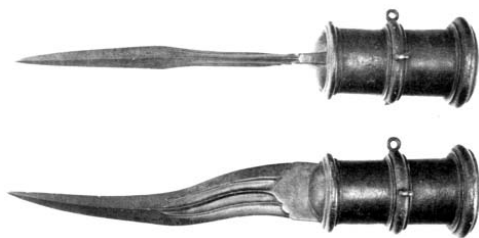
см. Armandi P. D. *Histoire militaire...* P. 258.

²⁶ «Et elephantis ostenderunt sanguinem uvae et mori, ad acuendos eos in praelium» («И они дали слонам кровь винограда и тутовых ягод, чтобы возбуждать их для битвы»)

²³ «Elephantis immensae magnitudinis, auro, purpura, argento et suo ebone fulgentibus, aciem utrumque vallaverat» («С обеих сторон он защитил строй большим количеством слонов, блиставших золотом, пурпуром, серебром и поражавших своими бивнями»).

[Flor., I, 24].

²⁴ Armandi P. D. *Histoire militaire...* P. 257.

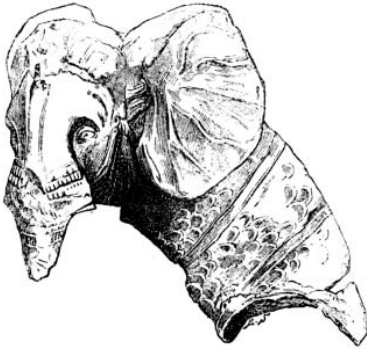
Кинжалы, которые использовали в качестве наконечников на бивнях слонов в XVII в. Такие кинжалы часто дополнительно покрывали ядовитым составом (Королевская оружейная палата (Лидс)) (Kistler J. M. War Elephants. Lincoln; London, 2007. P. 193). Кинжалы, подобные этим, использовали и в античное время

В эпоху эллинизма на спинах слонов часто устанавливали башни, в которых находилось несколько воинов, вооруженных сариссами, либо метательным оружием различного вида [Polyb., V, 84, 1–6; Liv., XXXVII, 40, 4]. Неизвестно, были ли знакомы с подобными сооружениями индийцы. Царь Пор, например, сражался в битве при Гидаспе, сидя на слоне верхом [Plut., Alex., 60]. В «Артхашастре» — индийском трактате, посвященном военному делу, также нет сведений о башне на спине слона. Впрочем, это еще не значит, что индийцы не знали о возможности устанавливать на спинах слонов неких сооружений, которые, вполне возможно, стали прототипами позднейших эллинистических башен²⁷.

²⁷ Согласно свидетельству Диодора Сицилийского [Diod., II, 17, 8], уже на слонах индийского царя Стабробата, против которого вела войну Семирамида, имелись башни. Другое указание на то, что башни на слонах могли устанавливать еще в доэллинистическую эпоху, содержится во фрагменте анонимной истории, найденном в монастыре Св. Саввы (Fr. Sabbaiticum), рассказывающем о приготовлении к войне Дария III, которому индийцы привели слонов: «Были же у него и слоны, приведенные из Индии, которые имели снаряжение следующего вида: оборудованные деревянные башни, с которых мужи сражались оружием, были установлены на спинах слонов» (цит. по: Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов // ВДИ. 2010. № 2. С. 99). Однако большинство исследователей подвергают сомнению все эти сообщения и считают, что у индийцев, по крайней мере до их знакомства с греками, на слонах сидели только корнак и один воин (там же. С. 100).

Мегасфен, побывавший в Индии при дворе царя Чандрагупты I, основателя династии Маурьев, оставил описание своего путешествия, от которого дошли только отрывки. Одно сообщение Мегасфена, сохраненное Страбоном, заставляет нас по-новому взглянуть на вопрос о башнях на слонах в войске Маурьев. Мегасфен красочно описывает парад армии Чандрагупты I [Strab., XV, 1, 52]. В числе прочего он говорит и об экипаже, который несло на себе гигантское четвероногое. Он состоял из корнака и трех воинов-стрелков. Встает вопрос: как трое лучников располагались на спине животного? Были они в башне или сидели на попоне? Ясно, что если бы стрелки сидели друг за другом, то им было бы очень трудно, практически невозможно эффективно использовать свое оружие. Таким образом, логичным будет предположить наличие на спине слона небольшой башенки, скорее всего, в виде плетеной корзины, где помещались воины. Если верить Филострату, то в I в. н. э. индийцы использовали башни, которые, впрочем, они могли позаимствовать от греков [Philostrat., Apollon. vit., II, 12]²⁸.

²⁸ В современной зарубежной историографии утвердилось мнение, что изобретателем подобного рода сооружений был царь Пирр. Это предположение было сначала высказано П. Гуковским, а затем поддержано Г. Скаллардом и другими исследователями (Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов. С. 96, примеч. 1).

Фрагмент статуэтки, изображающей боевого слона.

Фото В. Френера (Froehner W. Collection J. Gréau. Catalogue des bronzes antiques. Paris, 1885. Pl. 5), прорисовка Ч. Даремберга и Э. Саглио (Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments. Paris, 1877–1919. S. v. «Elephas». Fig. 2625)

Эллины превратили слонов в некоторое подобие современной бронетехники. Уже П. Д. Арманди сравнивает боевых слонов с артиллерией, в одном случае он делает это с точки зрения организации данных видов войск²⁹, а в другом — сравнивает эффект, который они производили на поле сражения³⁰.

Если верить тому, что сообщает Плутарх, башни на спинах слонов устанавливали уже во времена диадохов [Plut., Eum., 14]³¹. Но, по мнению некоторых исследователей, подобное утверждение является анахронизмом, отражающим укоренившееся в более поздний период представление о том, как должны были выглядеть боевые

Фалар с острова Сарк, изображающий слона, облаченного в броню (Allen D. F. The Sark Hoard. Oxford, 1971. Pl. XIIb)

слоны³². Однако если мы учтем, что основным источником для Плутарха был в данном случае Иероним из Кардии, участник

²⁹ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 250–252.

³⁰ Ibid. P. 309–310.

³¹ Плутарх дает такое описание армии Антигона, преследующей врага на просторах Паретакены, одной из областей Ирана: «Воины шагали в строгом порядке, блеснуло на солнце золото оружия, стали видны башни на слонах и пурпуровые покрывала, которыми украшали животных, когда вели их в сражение...» [Plut., Eum., 14; пер. А. П. Каждана].

³² Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars (359 BC to 146 BC). Goring-by-Sea, 1982. P. 185. Мы можем со всей определенностью утверждать, что при Александре башен на слонах еще не было. На животном сидели только погонщик-индеец и воин-македонянин, вооруженный сариссой [Diod., XVIII. 27. 1] (Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов. С. 101).

описываемых событий, то мы можем с большой долей доверия отнестись к этой информации³³.

Для придания башням большей прочности на их стенки могли вешать щиты. Варрон даже полагает, впрочем, ошибочно, что именно сияние этих щитов послужило причиной тому, что римляне стали называть слонов «луканскими быками» [Varro, De ling. Lat., VIII, 39]³⁴.

Не совсем ясно, сколько людей находилось в башне. Согласно Гелиодору, в ней размещалось шесть воинов, два из которых стояли впереди, два — у правой стороны и два — у левой [Heliodor., Aethiopic., IX, 17]. Ливий утверждает, что в битве при Магнесии в башнях на слонах Антиоха было по четыре воина [Liv., XXXVII, 40, 3–4]. Филострат сообщает, что воинов было 10–15 человек [Philostrat., Apollon. vit., II, 12]. Наконец, в Первой книге Маккавеев говорится, что в башне на слоне размещалось 32 человека и к тому же были установлены метательные машины [Massab.,

I, 6]. Чтобы решить вопрос, сколько же в действительности могло находиться людей в башне на спине слона, П. Д. Арманди предлагает взять за основу для расчетов силу и размеры этого животного. Максимальный вес, который оно могло поднять, варьировался от 2000 до 2500 фунтов (от 907,18 до 1133,98 кг). Такой груз слон мог нести медленным шагом, сопровождая караван, но не на поле сражения, где он должен был сохранять подвижность. В античную эпоху боевой слон был страшен, прежде всего, неудержимой силой своего натиска. Солдаты, находившиеся в башне, играли лишь второстепенную роль. Вряд ли у них была возможность эффективно использовать свое метательное оружие во время бега животного, когда башня на его спине должна была раскачиваться из стороны в сторону. В лучшем случае они могли метнуть дротик наугад в стоящих плотной массой врагов. Характерно, что у нас нет ни одного изображения лучника в башне на слоне. На фаларах из Эрмитажа или на блюде из Капены мы видим воинов, вооруженных метательными копьями. Это не случайно, поскольку лучнику было бы очень сложно, находясь на весьма ограниченном пространстве, натягивать тетиву лука, не говоря уже о ведении прицельной стрельбы³⁵. Гораздо больше пользы могло принести размещение в башне воинов, вооруженных сариссами. Этим оружием можно было нанести тяжелые ранения слонам противника, а также неоднократно, в прямом смысле слова, обрушивать его на головы вражеских воинов. Но и в этом случае, вряд ли в башне могли на-

³³ По мнению А. К. Нефедкина, башни на слонах появились в армии Антигона в период между 320 и 317 гг. до н. э. (Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов. С. 103). «Сама же идея прикрепления башни к спине животного, очевидно, пришла от обычных фортификационных сооружений, у которых зубцы защищали стреляющих со стен от метательного оружия противника. Башня, с одной стороны, представляла платформу для боя находившимся в ней воинам и придавала им большую устойчивость, необходимую для стрельбы, а с другой — защищала экипаж от вражеского метательного оружия и избавляла от обязательного ношения щита и прочего тяжелого защитного вооружения, мешающего стрельбе» (там же. С. 104).

³⁴ «Quare ego arbitror, potius lucas luce, quod longe relucebant propter in auratis regios clypeos, quibus eorum tum ornatae erant turre» («Луканскими они были названы, как я полагаю, более из-за видневшегося отовсюду сияния (luce) позолоченных царских щитов, которыми были тогда украшены башни»).

³⁵ Впрочем, существуют свидетельства античных авторов, согласно которым на Востоке (в армиях Селевкидов, а потом уже и Сасанидов) воины в башнях были лучниками (Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов. С. 105).

ходиться более двух человек, так чтобы при этом они не мешали друг другу³⁶.

Кроме дротиков и сарисс воины в башнях могли использовать различные зажигательные снаряды, так, по крайней мере, утверждает поэт Силий Италик (Sil. Ital., Punic., IX, vers. 577)³⁷.

Таким образом, увеличение количества людей в башне не только не давало никакого положительного результата, но даже, напротив, было совершенно нежелательным. В битве при Магнесии на слонах находилось сверхнормативное количество людей; это объясняется тем, что животным, по замыслу Антиоха III, предстояло не атаковать противника, а играть роль живых крепостей и стоять на месте, отражая его атаки.

Однако слоны могут нести на себе не только четырех, но и намного большее количество людей. Конечно же, 32 человека со своим вооружением весили почти столько, сколько само животное, поэтому подобную информацию не стоит воспринимать всерьез³⁸. Но медленным шагом

слон вполне мог нести на себе 10–15 человек, о которых упоминает Филострат. Подтверждение этому мы находим в источниках намного более позднего периода. Согласно утверждению Марко Поло, раджа Мьяна имел в своем распоряжении две тысячи больших слонов, «и на каждого слона приказал он приладить деревянный теремец, крепкий, красивый и приспособленный к бою; в каждом теремце было по двенадцати воинов, в ином шестнадцать, а в ином и побольше»³⁹. П. Д. Арманди не верит этому сообщению венецианца, считая, что тот следовал слухам и молве, «раздутым национальным честолюбием»⁴⁰. Но тем не менее это описание подтверждается еще более поздним свидетельством, исходящим от русского путешественника Афанасия Никитина. «Слоном, — пишет Никитин, — к голове и бивням привязывают большие кованые мечи, по кантару⁴¹ весом, да облачают слонов в доспехи булатные, да на слонах сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, да все с пушками да со стрелами»⁴². В другом месте он описывает торжественное появление султана, со своим эскортом: «На байрам бесерменский совершил султан торжественный выезд: с ним двадцать визиров великих выехало да слонов триста, облаченных в булатные доспехи, с башенками, да и башенки окованы. В башенках по шесть человек в доспехах с пушками и пищалями, а на большом слоне по двенадцать человек. И на каждом слоне по два знамени больших, а к бивням привязаны большие мечи

³⁶ Возможно, что сама конструкция башни определяла, сколько воинов находилось в ней. В башнях с двумя зубцами с боковой стороны было не более трех человек, а в башнях с тремя зубцами могло стоять и большее количество людей (Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов. С. 105).

³⁷ Liventi dorso turris, flammaque, virisque,
Et jaculis armata sedet...

(Башня на иссиня-черной спине грозна
и огнем, и мужами,
И дротами)

³⁸ А. К. Нефедкин приводит два возможных объяснения данной цифры. Согласно версии немецкого библиста А. Ральфа, она появилась в результате ошибки, допущенной в греческой рукописи, и вместо «тридцати» (Λ') в рукописи первоисточника должно было стоять «четыре» (Δ'). По мнению польского исследователя Н. Секунды, в тексте Библии нет ошибки, но в данном случае речь идет не о количестве людей, находившихся на спине животного, а о численности экипажа в башне и отряда поддержки, который должен был следовать за сло-

ном (Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов. С. 110).

³⁹ Марко Поло. Книга чудес света / пер. И. П. Минаева. М., 2009. С. 244.

⁴⁰ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 442.

⁴¹ Кантар (арабск.) — мера веса, ок. 50 г.

⁴² Афанасий Никитин. Хождение за три моря / пер. А. Д. Желтяков, Л. С. Семенов. Л., 1986. С. 47.

Греко-бактрийская армия ведет бой с индийцами.
Рис. И. В. Кирсанова

весом по кантару, а на шее — огромные железные гири⁴³. А между ушей сидит человек в доспехах с большим железным крюком — им слона направляет»⁴⁴. Наконец, Никитин упоминает и о менее многочисленном экипаже в башнях на спинах животных: «И пошли с ними сто слонов в доспехах и с башенками, а на каждом слоне по четыре человека с пищалыми»⁴⁵. Все эти разнообразные свидетельства позволяют утверждать, что русский путешественник писал о том, что видел сам, а не услышал от кого-то. Впрочем, столь значительные отряды в башнях свидетельствуют лишь о том, что слон у индийцев перестал играть роль живого тарана, опрокидывавшего боевые порядки противника, как это было во времена вторжения в Индию Александра, но превратился в подобие некой медленно перемещающейся по полю сражения крепости, гарнизон которой с большого расстояния обстреливает противника⁴⁶. Конечно же, такая схема ведения боя была совершенно неприемлема в античное время.

Согласно расчетам П. Д. Арманди, реальный вес, который нес слон, должен был составлять около 1200 фунтов (544, 31 кг). Приблизительно столько и весила башня вместе с 5–6 воинами⁴⁷. Не будем также

забывать, что даже если этот вес не замедлял движения животного, башня имела вполне определенные размеры, не превышавшие полтора метра в длину и ширину. Таким образом, мы приходим к заключению, что оптимальное количество воинов в башне на спине слона было два или три человека, но в случае необходимости там могло находиться и большее количество людей. По-видимому, четыре воина, как в армии Антиоха в битве при Магнесии, — это максимально допустимое количество⁴⁸.

Наличие или отсутствие башен на слонах определялось не только размерами животных. Вероятно, существовало правило, по которому слоны делились на несколько групп. Самые большие и сильные из них могли нести на себе башню с четырьмя солдатами, как это было в битве при Магнесии. На фаларах, хранящихся в Эрмитаже, или блюде из некрополя Капены (см. вкл., рис. 2) представлен средний вариант: экипаж состоит из погонщика и двух «стрелков-копейщиков» (всего три человека). На монетах Александра мы встречаем «боевой расчет» из погонщика и всадника, сидящих верхом на слоне⁴⁹. И наконец, «легкий» боевой расчет состоял из одного человека, одновременно выполнявшего функцию погонщика и воина.

⁴³ Гири могли быть орудием поражения противника в ближнем бою.

⁴⁴ Афанасий Никитин. Хожение за три моря. С. 53.

⁴⁵ Там же. С. 54–55.

⁴⁶ По мнению А. К. Нефедкина, максимально возможное количество воинов (12 чел.) сидело на слоне во время торжественных шествий, которые должны были продемонстрировать всем силу и мощь армии, а во время боевых действий на слонах находилось от трех до шести человек, включая погонщика (Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов. С. 113).

⁴⁷ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 262. Ср.: Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов. С. 112, примеч. 65.

⁴⁸ «Напротив каждой стороны можно было поместить только двух человек, и едва осталось бы место, чтобы они могли свободно действовать и чтобы разместить там какой-то запас метательного оружия. Даже два человека с каждой стороны сильно мешали бы друг другу пользоваться луком или пикой, особенно если ширина башни не превышала пять футов. Несомненно, именно поэтому напротив каждой боковой стороны ставили по одному человеку, в то время как напротив передней — двух. Такое расположение солдат на слонах Антиоха, вероятно, было в битве при Магнесии» (Armandi P. D. Histoire militaire... P. 263–264).

⁴⁹ Holt F. L. Alexander the Great and the Mystery of the Elephant Medallions. Pl. 2–5, 11–13.

По мнению некоторых ученых, башни могли устанавливаться только на спинах индийских слонов, африканские же лесные слоны были для этого слишком малы⁵⁰. Данное предположение очевидным образом противоречит описанию битвы при Рафии, сделанному Полибием, согласно которому в составе обеих армий, сирийской и египетской, были слоны с башнями на спинах. Поэтому М. Б. Чарльз выдвигает гипотезу, согласно которой в армии Птолемея IV также были индийские слоны. Опираясь на данные Полибия, Ливия и Аппиана, исследователь приходит к выводу, что даже карфагеняне в ходе Пунических войн не устанавливали башни на спинах слонов⁵¹. Индийские слоны, захваченные египтянами у Селевкидов, могли якобы даже давать потомство в Египте⁵². Данная теория скорее оригинальна, чем убедительна. Африканские слоны, которых использовали Птолемеи, карфагеняне и нумидийцы были не настолько малы, чтобы не поднять башню с 2 или даже 3 легковооруженными воинами. Вопреки утверждению М. Б. Чарльза в наших источниках можно отыскать вполне конкретные указания, подтверждающие это. Нумидийский царь Юба, боровшийся вместе с помпеянами против Цезаря, привел своим союзникам слонов, на которых были установ-

лены башни [[Caes.], Bell. Afr., 30]. После поражения помпеянцев большое количество этих зверей попало в руки победителей. Позднее они были использованы Цезарем во время цирковых зрелищ, устроенных им для народа. Согласно утверждению Плиния, во время одного из этих боев Цезарь вывел на арену 20 слонов, на которых находилось 60 бойцов, следовательно, по три человека в башне [Plin., HN, VIII, 7]⁵³. Несомненно, это были африканские слоны, захваченные в битве при Тапсе, поскольку вряд ли в Риме после крушения державы Селевкидов могли тогда видеть индийских слонов.

Гипотезу М. Б. Чарльза, о том, что карфагеняне не устанавливали башен на спинах слонов, поддерживает и Дж. Тойнби⁵⁴. Их мнение, как было уже отмечено выше, базируется на том, что в наших литературных источниках нет упоминаний о башнях на слонах в карфагенских армиях. Однако это не совсем так. О башнях на карфагенских слонах говорит поэт Лукреций [Lucret., De rer. nat., V, vs. 1302]:

Там и луканских волов, змееруких
и видом ужасных,
С башней на спинах, сносить приучили
ранения пуны
И на войне приводить в смятение
полчища Марса⁵⁵.

(Пер. Ф. Петровского)

Даже если слова Лукреция являются всего лишь укоренившимся представле-

⁵⁰ *Amara O. A. Les soldats d'Hannibal. Clermont-Ferrand, 2009. P. 27.*

⁵¹ *Charles M. B. Elephants at Raphia: Reinterpreting Polybius 5. 84–5 // Classical Quarterly. 2007. № 57. P. 308.* Индийские слоны в египетской армии появились после победы, одержанной Птолемеем III над Селевком Каллиником в 3-й Сирийской войне (246–241 гг. до н. э.). Надпись из Адулиса, описывающая успехи египетских войск в этой войне, упоминает о том, что Птолемею достались слоны побежденного противника (*Абакумов А. А. Бовые слоны эллинистического Египта // Para bellum. 2010. № 32. С. 14.*)

⁵² *Gowers W. African elephants and ancient authors // African Affairs. 1948. 47. P. 174.*

⁵³ «Iurumque totidem turriti cum sexagenis propugnatoribus, eodem quo priores numero peditum, et pari equitum ex adverso dimicantes».

⁵⁴ *Toynbee J. M. C. Animals in Roman Life and Art. London, 1973. P. 34.*

⁵⁵ Inde boves Lucas turrito corpore tetros
Anguimano belli docuerunt volnera Poeni
Sufferre, et magnas Marlis turbare catervas

(см. также: Sil. Ital., IV, vs. 598–599; IX, vs. 239–240; 577–578).

нием о боевых слонах, мы тем не менее не можем предположить, что карфагеняне, видевшие башни на слонах Пирра, упустили бы случай воспользоваться этим полезным изобретением. К тому же использование башен нумидийцами является вполне определенным доказательством того, что они научились этому от карфагенян. По всей видимости, недалеко от истины Д. Хэд, полагающий, что карфагеняне пусть не всегда, но все же использовали башни с экипажем, состоящим из двух метателей дротиков, подобно тому как это было в армии эпирского царя⁵⁶.

Всем слонам давали имена, некоторые из них сохранила для нас историческая традиция. Самого большого и сильного слона в армии Пирра звали Никон [Plut., Руг., 33, 5]; в армии Антиоха III были слоны Аякс и Патрокл, специально обученные искать в реках брод [Plin., VIII, 11], у карфагенян самого храброго слона звали Сур: в бою против римлян он дрался так отчаянно, что потерял один бивень [Plin., NH, VIII, 8]. За свою отвагу слоны получали

знаки воинского отличия в виде серебряных украшений [Plin., VIII, 11].

Участие слонов в военных действиях неизбежно было связано с получением животными ранений различной тяжести. Несомненно, что существовали особые врачи, специализировавшиеся на лечении раненых или заболевших животных. Некоторые сведения об этом сохранил для нас Страбон. Согласно ему, «слоны страдают множеством болезней, которые с трудом поддаются лечению. Лекарством против глазной болезни служит промывание глаз молоком; от большинства же других болезней помогает питье черного вина; при ранениях применяют топленое коровье масло (так как оно выводит из тела острые кусочки железа), а нарывы размягчают, прикладывая кусочки свинины» [Strab., XV, 1, 43; пер. Г. А. Стратановского; cf. Arr., Ind., 14, 9].

Какой бы большой ни была польза, которую могли принести слоны на полях сражений, древние очень быстро поняли, что использование огромных животных в военных целях было сопряжено с большим риском для собственных армий. «Когда они одновременно напуганы и ранены, — сообщает Плиний, — они упрямо отступают назад и столь же страшны для своих, как и для неприятеля» [Plin., NH, VIII, 9]⁵⁷. Повернувшие вспять животные очень часто были причиной крупных военных неудач тех армий, в которых они использовались. «Это двоякий род помощников, и в отношении своих они сильнее неистовствующ. Ведь на врага они идут по приказу, а на своих их гонит страх» [Curt., VIII, 14]⁵⁸. Иногда даже одного крика раненого зверя было достаточно для того, чтобы

⁵⁶ Head D. *Armies of the Macedonian and Punic Wars* (359 BC to 146 BC). Goring-by-Sea, 1982. P. 187. А. К. Нефедкин справедливо отмечает, что «в военном деле обычно заимствуется само снаряжение, как оно есть, а уже затем в него вносятся технические усовершенствования» (Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов. С. 106). Кроме приведенных выше свидетельств, касающихся использования карфагенянами башен, можно вспомнить о комментарии Суды к слову «торакион» (s. v. *τοράκιον*):

«“Торакион” — это приспособление у слона. Ганнибал, военачальник карфагенян, имея слонов, носящих торакионы, приготовил безопасный и легкий путь, отрубив из кузовов животных ветви деревьев как можно выше» (цит. по: Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов. С. 106). Существуют также нумизматические и иконографические свидетельства, изображающие карфагенских слонов с башнями (там же. С. 106–107).

⁵⁷ *Vulnerati et terribi retro semper cedunt, haud minore partium suarum pernicie.*

⁵⁸ «*Anceps genus auxilii est, et in suos acrius furit. In hostem enim imperio, in suos pavore agitur.*»

слоны отказывались слушаться команд погонщиков и в страхе бежали сквозь ряды своих собственных войск [Curt., IX, 2]⁵⁹. Согласно Аппиану, некоторые люди, чувствуя из-за этого недоверие к четверногим гигантам, называли их «общими врагами» («κοινούς πολεμίους» [App., Iber., 46]).

3. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СЛОНОВ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ И ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТИХ ЖИВОТНЫХ

На основании тех сведений, которые сохранились в наших источниках, мы можем представить, каким образом был организован этот род войск. Слоны были собраны в отряды, имевшие следующие названия:

I. ФАЛАНГА (64 слона).

II. КЕРАТАРХИЯ, полуфаланга (32 слона).

III. ЭЛЕФАНТАРХИЯ (16 слонов).

IV. ИЛАРХИЯ (8 слонов).

V. ЭПИТЕРАРХИЯ (4 слона).

VI. ТЕРАРХИЯ (2 слона).

VII. ЗООАРХИЯ (один слон).

Главного командующий слонами имел звание *элефантарха* (ἐλεφαντάρχης, или *magister elephantorum*). Под командованием этого офицера находились *кератарх*, *иларх* и другие военачальники⁶⁰.

⁵⁹ «Quum uno aut altero vulneratis, caeteros in fugam declinare videamus» («Мы видим, что всякий раз, когда один или другой получают рану, остальные обращаются в бегство»).

⁶⁰ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 251–252.

Существовали ли какие-то правила использования слонов во время боя? Несомненно. Сражения диадохов, развернувшиеся после смерти Александра, наглядно показывают, как предпочитали располагать слонов в этот период. В битве в Паретакене (317 г. до н. э.) между Антигоном Одноглазым и Эвменом боевой порядок сторон был приблизительно одинаковым. Эвмен поставил 40 своих слонов перед правым крылом и 45 — перед левым. Однако вместо того, чтобы образовать из слонов прямую линию, он выстроил их полумесяцем («ἐν ἑπικαμπίῳ»), выступающая сторона которого была обращена к неприятелю, а края отодвинуты к собственной кавалерии. В промежутках между слонами располагались стрелки и пращники [Diod., XIX, 27, 5]. Такое построение позволяло избежать сразу двух неприятных моментов, связанных с участием в сражении огромных четвероногих: ставить слонов слишком близко к кавалерии было нельзя, чтобы не испугать лошадей. С другой стороны, если разместить их слишком далеко впереди, то они не смогли бы ни защитить фланг боевого порядка, ни получить поддержку, если окажутся отрезанными неприятелем от своих войск. Расположение, избранное Эвменом, позволяло устранить оба этих обстоятельства⁶¹. Тот же прием Эвмен повторил и в следующем году в битве в Габиене [Diod., XIX, 40, 3].

В 301 г. до н. э. в сражении при Ипсе слоны Селевка находились, очевидно, позади своей армии. Селевк ввел их в дело только в тот момент, когда кавалерия Деметрия уже готова была нанести удар по его пехоте [Plut., Demet., 28–30]. Уроки истории бывают небесполезны для тех, кто умеет делать из них правильные выводы. Битва при Ипсе навсегда сохранилась в па-

⁶¹ Ibid. P. 92.

мяти эпирского царя Пирра, принявшего в ней участие на стороне Антигона. Насколько мы можем судить на основании тех фрагментарных описаний, которые сохранили нам наши источники, Пирр обычно ставил своих слонов во второй линии боевого построения [Frontin., Strateg., IV, 13; Flor., I, 13; Oros., IV, 4, 8].

Таким образом, уже первые столкновения греко-македонской армии со слонами наглядно продемонстрировали, что эти гиганты являются универсальным средством борьбы с вражеской кавалерией. С другой стороны, как отмечалось выше, участие слонов в военных действиях могло быть столь же опасным для собственных войск, как и для армии противника. Именно два данных фактора и определили те тактические приемы, которые были выработаны эллинистическими полководцами при использовании боевых слонов: во-первых, животных размещали на флангах против неприятельской кавалерии, а во-вторых, держали в резерве и вводили бой лишь в самый разгар сражения. Первый прием мог быть эффективным лишь в том случае, когда только одна из противоборствующих сторон имела в своем распоряжении слонов; второй вообще не стоило применять, если неприятель также располагал ими. Когда каждый из противников обладал примерно равным количеством огромных животных, то их обычно размещали на флангах, и именно они начинали сражение [Polyb., V, 84]. Отступление слонов противника служило сигналом к началу кавалерийской атаки. Поскольку главными соперниками в эллинистическом мире были Птолемей и Селевкиды, то эта последняя схема получила наибольшее развитие в военной практике обоих государств.

Те же самые тактические приемы применяли и карфагеняне, по крайней мере во Вторую Пуническую войну. Так, в сра-

жении при Канусии Ганнибал бросил вперед своих слонов только после того, как бой принял ожесточенный характер и было неясно, на чей стороне окажется победа [Liv., XXVII, 14, 6]. В битве при Плаценции Магон разместил слонов во второй линии боевого порядка и пустил их в дело в тот момент, когда римская кавалерия попыталась атаковать карфагенян с фланга. Результат от этого маневра был точно такой же, как в сражении при Ипсе или Геракле: лошади римских всадников пришли в ужас, перестали слушать своих хозяев и поскакали прочь⁶² [Liv., XXX, 18]. Однако в Первую Пуническую войну карфагеняне чаще использовали слонов в качестве живого тарана против тяжелой пехоты неприятеля, чтобы прорвать или хотя бы привести в замешательство его боевые порядки. Данный факт объясняется тем, что противники пунийцев не располагали сильной и многочисленной конницей, по крайней мере такой, которая могла бы противостоять нумидийским, ливийским или испанским всадникам, находящимся на службе у Карфагена. Зато римские легионы представляли реальную опасность для карфагенской пехоты. Но для того, чтобы прорвать плотный пеший строй неприятеля, необходимо было обладать достаточно большим количеством огромных четвероногих. В Первую Пуническую войну и во время подавления восстания наемников карфагеняне им располагали. Во Вторую Пуническую войну слонов карфагенянам стало не хватать, поэтому изменились и тактические приемы их использования.

⁶² «Mago ad primum equitum motum paratos elephantos exemplo in praetium induxit ad quorum stridorem odoremque et adspectum territi equi, vanum equestre auxilium fecerunt» («Магон, как только кавалерия начала наступление, двинул в бой бывших у него наготове слонов. Лошади испугались их рева, запаха и вида, и атака кавалерии оказалась бесполезной»).

Карфагеняне захватывают лагерь восставших наемников.
Рис. И. В. Кирсанова

Карфагеняне применяли слонов также и для штурма вражеских укрепленных позиций. С помощью этих животных Ганнон захватил лагерь восставших наемников [Polyb., I, 74, 5], а Ганнибал бросил их на штурм лагеря римлян, осаждавших Капую, и тем лишь с большим трудом удалось отразить натиск ужасных зверей [Liv., XXVI, 6, 1]⁶³.

4. СПОСОБЫ БОРЬБЫ СО СЛОНАМИ

Появление слонов на поле сражения всегда внушало ужас тем, кто видел их впервые. Считалось, что никакая воинская доблесть не может устоять перед силой этих гигантов [Plut., Pyrr., 21]⁶⁴. Поэтому люди стремились придумать различные, порой весьма странные способы борьбы с ними. Наиболее простым, естественным и неизменно дававшим положительные результаты было применение огня. Огонь римляне использовали против слонов Пирра в двух последних сражениях. В битве при Аускуле (279 г. до н. э.) они бросали в башни на спинах животных зажженные факелы так, что горящие обломки падали на головы врагов [Flor., I, 13, 9; cf. Oros., IV, 21]. В сражении при Беневенте слоны эпирского царя

оттеснили римлян до самого лагеря. Однако те накануне заготовили множество зажигательных стрел, обмотанных паклей, а также пропитанные смолой плети. Находившиеся в лагере солдаты стали метать горящие стрелы в башни на слонах и в то же время поджигали свои плети и били ими по спинам животных [Oros., IV, 5], которые в страхе обратились назад и смяли боевые порядки греческих войск.

Другой способ борьбы с громадными зверями заключался в использовании «ежей». «Ежи» (*stimuli, tribuli, murices*) с давних времен применялись против вражеской кавалерии. Эти приспособления представляли собой три железных шипа, имеющих общее основание. Шипы располагались таким образом, что как бы «еж» ни упал, один из них всегда был обращен вверх. Иногда вместо «ежей» могли использовать доски или брусья, пробитые гвоздями⁶⁵. Именно такой способ защиты применили жители Мегалополя против македонских слонов в 318 г. до н. э.

Похожий прием был использован Птолемеем и Селевком в битве при Газе (312 г. до н. э.). «Перед своими войсками они расположили людей, несущих колья, обитые железом и соединенные цепями. Они приказали приготовить это как защиту против слонов, ведь, разместив эти приспособления, можно было легко помешать движению животных» [Diod., XIX, 83, 2]. В результате слонам Деметрия так и не удалось прорваться через это заграждение, и победа осталась за союзниками.

Согласно свидетельству Дионисия, готовясь к битве при Аускуле, римляне построили 300 повозок странной конструкции. «По бокам повозок выступали подвижные вертикальные брусья с торчащими

⁶³ «et castris praerant L. Porcius Licinius et T. Popilius legati; pro vallo acriter propugnant elephantosque transgredientes in ipso vallo conficiunt» («Начальники лагеря Луций Порций Лицин и Тит Попилий упорно бились перед валом и убили слонов, уже взбиравшихся на вал» (пер. М. Е. Сергеев)).

⁶⁴ «римляне считали, что перед этой силой, словно перед прибывающей водой или разрушительным землетрясением, следует отступить, а не упорствовать и гибнуть понапрасну самой страшной смертью там, где нельзя помочь делу» (пер. С. А. Ошерова).

⁶⁵ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 289.

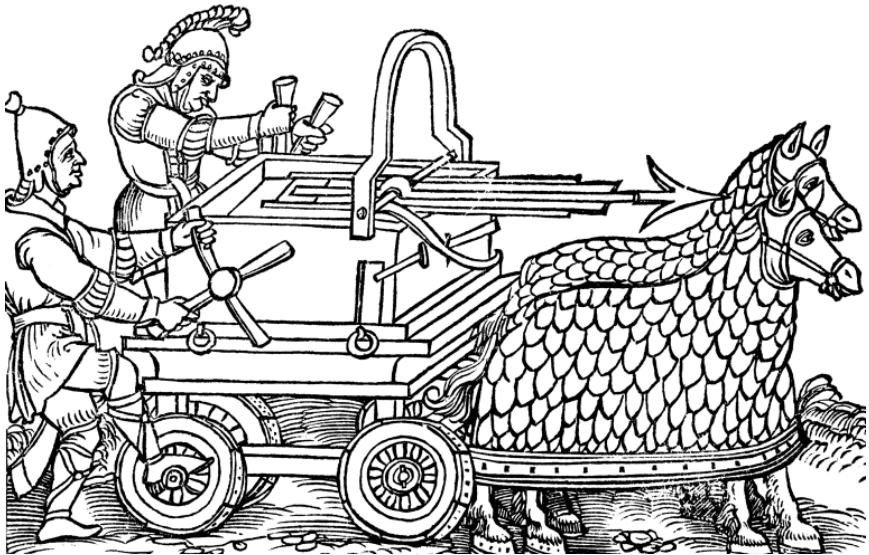

Изображение Карробаллисты на колонне Траяна
(Goldworthy A. The Complete Roman Army. London, 2003. P. 181)

остриями, на которых были установлены наклонные спицы, способные поворачиваться по желанию куда угодно. На концах брусьев крепились либо трезубцы, либо мечеобразные острия, либо серпы целиком из железа, некоторые же имели “вороны”, которые обрушивали сверху железные крюки. Ко многим из них были прилажены факелы, выступающие впереди повозок, обернутые просмоленной паклей. Люди в повозках должны были зажечь их, как только приблизятся к слонам, и осыпать огненными ударами их хоботы и морды. Кроме того, на этих че-

тырехколесных повозках стояло множество легковооруженных воинов – лучников, прашников и метателей железных колючек, а рядом с повозками размещалось еще больше бойцов» [Dionys., XX, 1, 6–7; пер. И. Л. Маяка; cf. Zon., VII, 6].

В 274 г. спартанцы для борьбы со слонами Пирра ночью выкопали ров, а справа и слева от него расставили колесницы, врытые в землю до уровня ступиц [Plut., Руг., 27]. Это помешало эпирскому царю бросить слонов в атаку, и двухдневный штурм города, предпринятый им, оказался безуспешным.

Ballista quadrirotis. Прорисовка миниатюры из анонимного трактата
«De rebus bellicis»

Если верить Вегецию, то против слонов могли также использовать крупные карробаллисты, которые размещались позади строя армии. «Их ставят на повозки, — пишет Вегеций, — запряженные парой коней или мулов, и когда чудовища приблизятся на полет копья, их пронзают этими копьями из баллист. Однако против слонов надо приделывать железные наконечники более широкие и более крепкие, чтобы их огромным телам наносить большие раны» [Veg., III, 24; пер. С. П. Кондратьева].

Наиболее странным способом борьбы со слонами было использование пороссячьего визга. Античные источники утверждают, что едва только слон слышал визг свиньи, как он тут же обращался в бегство⁶⁶.

Согласно сведениям Элиана, когда Антигон Гонат осадил Мегару, жители города, зная, что в македонской армии имеется множество слонов, обмазали смолой большое количество свиней, после чего подожгли смолу и выпустили несчастных животных в направлении лагеря македонян. Слоны были настолько испуганы визгом терзаемых болью свиней, что бросились бежать и привели в замешательство войска Антигона [Aelian., Animal., XVI, 36; cf. Polyen., IV, 6, 3]. Впрочем, в данном случае представляется, что всякое животное, подвергнутое столь жестокой экзекуции, могло бы своим пронзительным криком повергнуть

⁶⁶ «Ὁρροδεῖ ὁ ἐλέφας κεράστιν κριὸν καὶ χοίρῳ βοῶν» («Слон боится рогатого барана и визга свиньи»).

[Aelian., Animal., I, 38; VIII, 28; XVI, 36]. Плиний и Сенека говорят то же самое: «Minimo suis stridore terrentur» («Они пугаются самого слабого пороссячьего визга») [Plin., HN, VIII, 9]; «Elephantes porcina vox terret» («Пороссячий визг пугает слонов») [Seneca, De ira, II, 12].

в ужас любое живое существо. Возможно также, что слоны обратились в бегство, испугавшись не столько визга свиней, сколько пламени, которым те были объаты. Гораздо более интересным представляется случай, произошедший при осаде персидскими войсками города Эдессы (551 г. н. э.). Как сообщает Прокопий, персы подвели к городским стенам слона, на котором находился большой отряд лучников, обстреливавших защитников. Тогда римляне подвесили на башне за ногу живого поросенка. Пронзительный визг животного так испугал четвероного гиганта, что, не слушаясь погонщика, он стал отступать назад. После этого персы были вынуждены снять осаду [Procop., BG, IV, 14].

Слоны были страшны не только благодаря своей реальной физической силе. Их появление на поле боя очень часто производило зримый психологический эффект. Земля в прямом смысле слова дрожала, когда несколько десятков трехтонных гигантов неслись вперед подобно реке, прорвавшей плотину. Оглашая воздух трубным ревом, расправив свои окрашенные в яркие цвета уши, в блистающей на солнце броне, с султанами перьев, колыхающимися над головами, эти чудовища должны были казаться еще более огромными за счет башен с вооруженными людьми на их спинах. Неудивительно, что при виде подобного зрелища замирали сердца даже самых отчаянных храбрецов. Неоднократно, особенно когда война велась с народами, неизвестными с воинской дисциплиной, случалось, что одного появления слонов было достаточно, чтобы обратиться в бегство целые армии.

Цезарь отлично понимал важность психологического фактора в борьбе с огромными четвероногими, и, зная, что помпеянцы, укрепившиеся в Африке, намерены противопоставить ему большое количест-

во слонов, он решил заблаговременно подготовить своих солдат к встрече с этим опасным противником. «Он приказал переправить из Италии слонов, чтобы солдаты познакомились с внешним видом и особенностями этого животного и знали, в какую часть его тела можно легко попасть копьем и какая даже тогда остается неприкрытой, когда слон снаряжен в броню, так, чтобы можно было направлять в нее копья. Кроме того, надо было приучить лошадей к запаху, реву и внешнему виду этих зверей так, чтобы они перестали их бояться. Этим он много выиграл: его солдаты трогали этих животных руками и убеждались в их медлительности, всадники пускали в них копья с притупленными концами, лошади тоже привыкли к зверям благодаря их терпимости» [[Caes.], Bell. Afr., 72; пер. М. М. Покровского]⁶⁷.

Длительные войны с противником, постоянно использовавшим боевых слонов, должны были выработать у людей привычку к виду этих четвероногих, научить их преодолевать свой страх и продемонстрировать им, что, как бы ни был силен слон он, так же как и любое другое живое существо, чувствует боль и может быть ранен или убит. В древности знали о необычайной твердости кожи слона. Об этом качестве слонов сообщает нам поэт Лукан:

Слон, осыпанный множеством копий,
Каждое древко крушит, в спине
застрявшее жесткой,
Двигая кожей, с себя отрывает
торчащие стрелы.
Внутренность чрева цела,
и крови не пролили копья,

⁶⁷ Данное описание наглядно свидетельствует, о том, что нумидийцы, подобно другим народам, использовавшим боевых слонов, облачали этих животных в броню. По всей видимости, они переняли эту практику от карфагенян.

В тело вонзившись слегка.

Такое множество лезвий,

Дротиков столько и ран добить
одного неспособно!

[Lucan., Pharsal., VI, 209 sqq.;
пер. Л. Е. Остроумова]

Согласно Страбону, пешие воины маврусов «прикрываются слоновыми шкурами, как щитами», что, очевидно, нужно понимать в том смысле, что маврусы делали щиты из кожи этого животного [Strab., XVII, 3, 7]⁶⁸.

Однако не на всех участках тела кожа слона обладала одинаковой твердостью. Многочисленные столкновения с боевыми слонами научили древних не только стойко сражаться против них, но и находить на их теле уязвимые места, куда можно было бы нанести животному смертоносные раны. «Опыт борьбы против Пирра показал, что было очень легко перерубить их хобот» [Plin., NH, VII, 2]⁶⁹. Другим таким местом были ноги. Об этом сообщает нам Плиний Старший: «Теперь, когда охотятся на них ради слоновой кости, то стараются бросать им копья в ноги — это наиболее чувствительная часть их тела» [Plin., NH, VIII, 25]⁷⁰. Еще одним слабо защищенным участком тела слона был его живот [Plin., NH, X, 30]⁷¹. Тонкой и легкоранимой была также кожа под хвостом животного. Именно в это место старались поразить обратившихся в бегство слонов, чтобы привести их в ярость

и заставить бросаться на своих [Liv., XXI, 55, 11]⁷².

Уже в битве при Аускуле выяснилось, что в некоторых случаях даже один человек может выйти победителем в единоборстве со слоном⁷³. Согласно Плинию Старшему, Ганнибал устроил на потеху своим солдатам поединок слона с римским пленником, пообещав последнему свободу, если тот победит. Римлянин вышел победителем, чем весьма раздосадовал карфагенского вождя [Plin., NH, VII, 1]. Во время битвы евреев с войском царя Антиоха V слоны сирийцев сеяли повсюду опустошение и смерть в рядах восставших. «Тогда Елеазар, сын Саварана, увидел, что один из слонов покрыт броней царскою и превосходил всех, и казалось, что на нем был царь, — и он предал себя, чтобы спасти народ свой и приобрести себе вечное имя; и смело побежал к нему в средину отряда, поражая направо и налево, и расступались от него и в ту, и в другую сторону; и подбежал он под того слона, лег под него и убил его, и пал на него слон на землю, и он умер там» [Massab., I, 6, 43–46]. Подобный случай противоборства человека со слоном произошел в битве при Тапсе: «На левом фланге раненый слон от сильной боли бросился на безоружного обозного служителя, подмял его под ноги, а затем, став на колени, задавил его до смерти, причем поднял свой хобот и стал со страшным ревом ворочать им в разные стороны. Наш солдат не стерпел и с оружием в руках бросился на зверя. Когда слон заметил, что на него нападают с оружием, он бросил мертвого, обвил

⁶⁸ П. Д. Арманди отмечает, что даже в его время ружья недостаточно эффективны в борьбе со слонами и абиссинцы делают из кожи этого животного щиты, которые невозможно пробить пулями [Armandi P. D. Histoire militaire... P. 9].

⁶⁹ «Probiscidem eorum facillime amputari Pihri proeliorum experimentis patuit».

⁷⁰ «Nunc dentium causa pedes eorum iaculantur alioqui molissimos».

⁷¹ «durissimum dorso tergus, ventri molle» («Их кожа самая жесткая на спине и мягкая на животе»).

⁷² «insecuti aversos sub caudis, qua maxime mollice vulnera accipiunt, fodiebant» («Преследуя бегущих, кололи под хвост, где у них кожа тоньше и ранить их поэтому легче»).

⁷³ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 396.

Елеазар поражает сирийского слона
(Kistler J. M. War Elephants. Lincoln; London, 2007. P. 152)

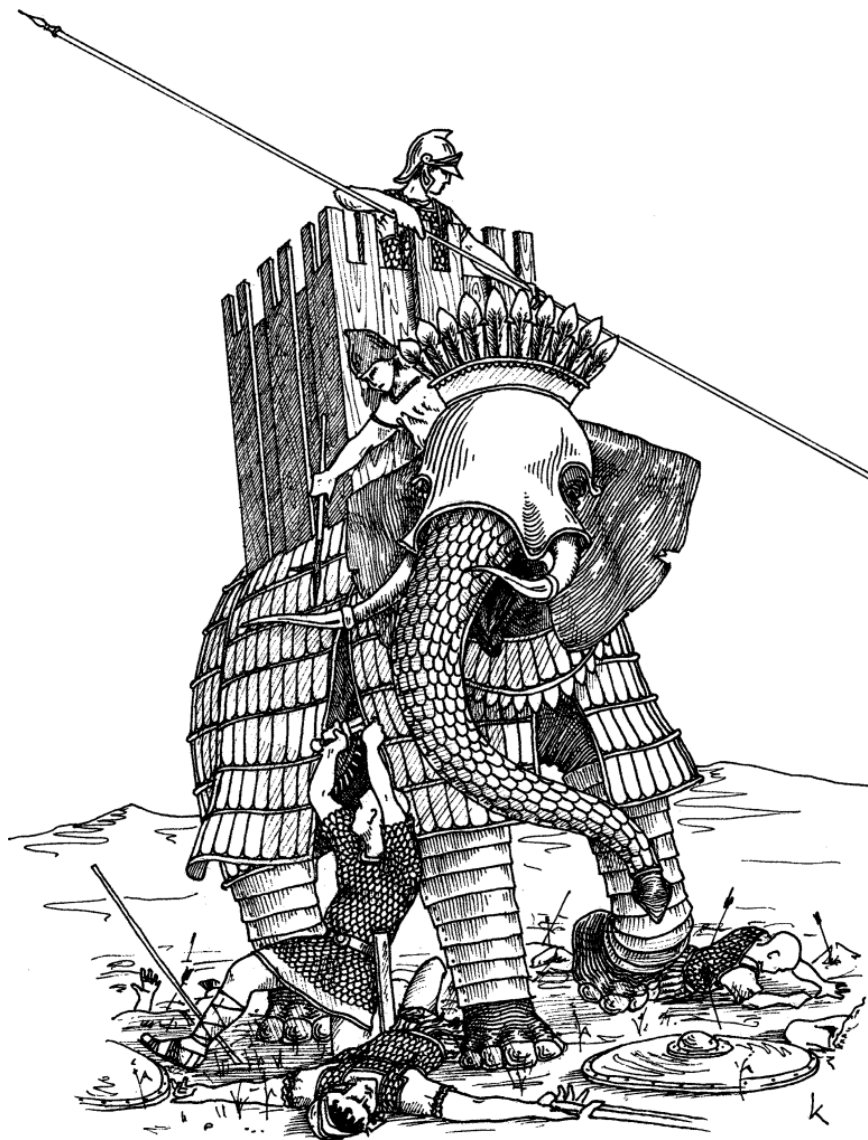
солдата хоботом и поднял вверх. Вооруженный солдат, понимая, что в подобной опасности нельзя терять голову, стал изо всех сил рубить мечом по хоботу, в который был захвачен. От боли слон наконец сбросил солдата, с страшным ревом повернул назад и бегом пустился к остальным животным» [[Caes.], Bell. Afr., 84]. Плиний рассказывает о том, как на арене цирка слон был повержен одним-единственным ударом копья: «Сильно удивились, когда другой слон был убит одним ударом. Копье попало ему под глаз и поразило жизненно важные органы головы»

[Plin., NH, VII, 20]⁷⁴. Если верить автору жизнеописания Коммода, император часто развлекался тем, что собственной рукой убивал в цирке диких зверей, в том числе и слонов [SHA, Comm., 12, 12]⁷⁵.

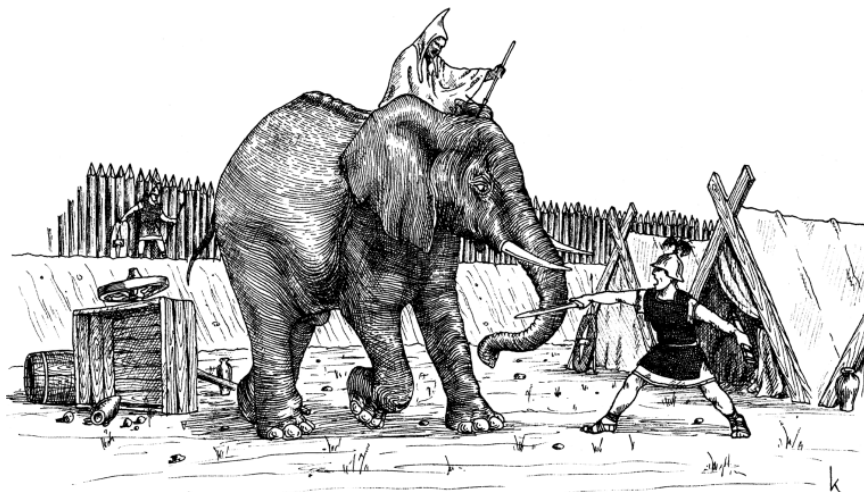
Чем больше армиям различных народов приходилось бороться на полях сражений против слонов, тем меньше они рассчитывали на какие-то хитроумные

⁷⁴ «Magnum et in altero miraculum fuit uno ictu occiso; pilum autem sub oculo adactum in vitalia capitis venerat».

⁷⁵ «ferarum autem diuersarum manu sua occidit, ita ut elephantos occideret, multa milia».

Подвиг Елеазара. Рис. И. В. Кирсанова

Бой римского солдата со сломом во время битвы при Тапсе.

Рис. И. В. Кирсанова

устройства или использование огня и тем больше старались отразить натиск четвероногих гигантов, полагаясь на мужество солдат, их дисциплину, опыт и выдержку. Наиболее успешно против слонов действовали отряды легкой пехоты: велиты, метатели дротиков, пращники, лучники и воины, вооруженные метательными шестами (фустибулами) [Liv., XXI, 55, 11; [Caes.], Bel. Afr., 83; Veg., III, 24]. В задачу таких отрядов входило либо забросать слонов издалека метательными снарядами и погнать их назад, либо окружить и убить (Liv., XXI, 55, 11)⁷⁶. Сохранилось описание подобного способа борьбы с этими животными, сделанное поэтом Сильвием Италиком [Sil. Ital., Punic., IV, vers. 615 sqq.]:

⁷⁶ «Eos velites ad id ipsum locate verutes coniectis et avertere» («Отряженные для этого велиты забросали их дротиками и обратили в бегство»).

Копья метают тогда и
частые стрелы пускают,
Раз уж им смерть не страшна,
на огромные плечи наносит
И на бока необъятные
жало копейное раны,
Множество копий торчит
из спины и из черной хребтины,
И наконец, как истратились
в долгом сражении копья,
Рухнула мощная глыба
и водный поток преградила⁷⁷.

(Пер. А. Я. Тыжова)

Часто главной мишенью стрелков становились не слоны, а управлявшие ими

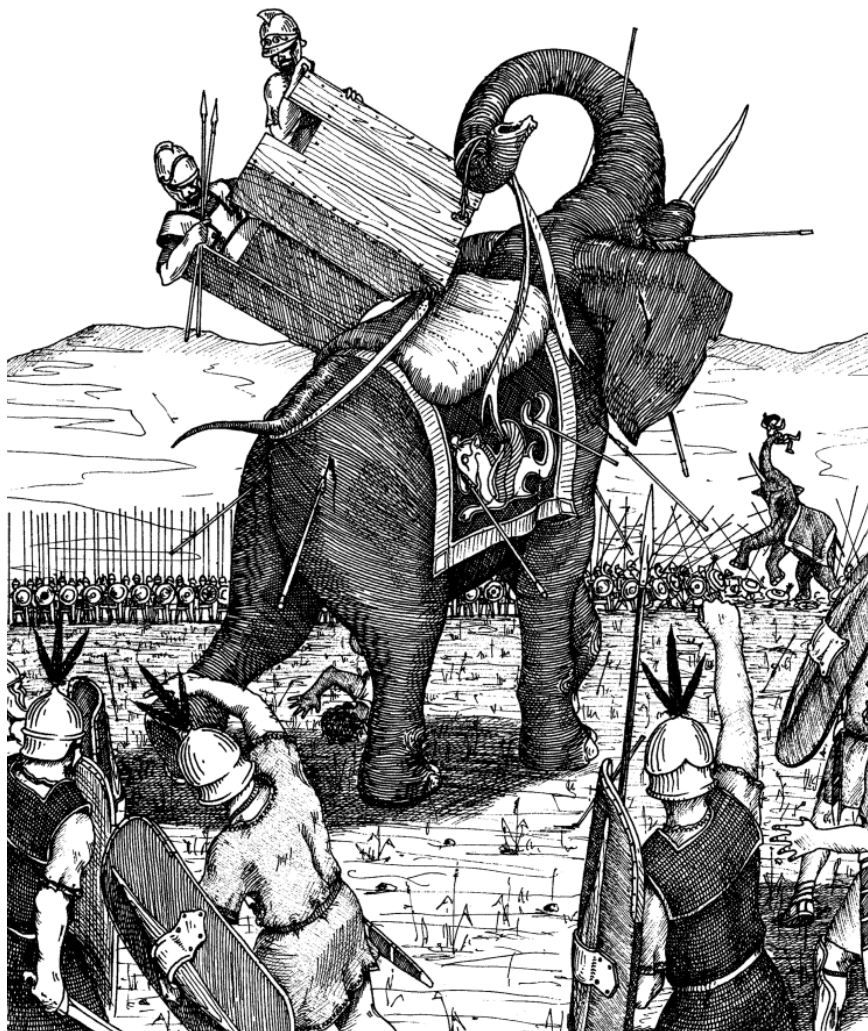
⁷⁷

Tum vero invadunt jaculis crebraque sagitta,
Ausi jam sperare necem, immensosque per armos
Et laterum extensus venit atra cuspide vulnus
Stat multa in tergo et nigranti lancea dorso,
Donec, consumptis longo certamine telis,
Concidit, et clausit magna vada pressa ruina.

Римляне подсекают слонам сухожилия на ногах в битве при Магнесии.

Рис. И. В. Кирсанова

Римляне отражают атаку карфагенских слонов в битве при Заме.

Рис. И. В. Кирсанова

корнаки, в которых летели камни, стрелы и дротики [Veg., III, 24]. После уничтожения погонщиков слонов могли захватить живьем. Иногда солдатам, которым предстояло бороться со слонами, перед началом боя раздавалось специальное оружие (топоры или кописы)⁷⁸, которым солдаты должны были подсекать жилы на ногах животных или обрубать им хоботы. Так, например, поступил Александр перед началом сражения при Гидаспе [Curt., VIII, 14; IX, 2].

Другим способом отразить атаку слонов было глубокое построение тяжелой пехоты [Polyb., I, 33, 9], которая могла образовать сплошной фронт или же фронт с определенными интервалами, как это было сделано в битве при Заме [Liv., XXX, 33, 1]. Даже если пехота образовывала сплошной фронт, солдаты могли расступаться, пропуская слонов. Когда же животные «оказывались в середине строя, то, окруженные отовсюду толпами вооруженных, они вместе со своими вожаками без малейшей раны <целые и невредимые> забирались в плен» [Veg., III, 24; пер. С. П. Кондратьева]⁷⁹.

Кроме обычных отрядов, которым приходилось бороться со слонами *ad hoc*, в некоторых древних армиях существовали постоянные подразделения, единственная задача которых заключалась в уничтожении животных противника. Известно, что во время Третьей Македонской войны в македонской армии были

созданы отряды *слоноборцев* (*elephantomatachae*) [Liv., XLIV, 41, 6]. Описание того, как выглядели слоноборцы, дает нам Вегеций: «...другие высылали против слонов одетых в брони воинов, притом так, что у них на руках, шлемах и на плечах были приделаны огромные железные острия, чтобы не смог схватить своим хоботом бойца, идущего на него» [Veg., III, 24; пер. С. П. Кондратьева].

Согласно некоторым нашим источникам, существовали не только пешие отряды, которые должны были бороться со слонами, но также и конные. Понятно, что всадники могли сражаться только на лошадях, специально приученных к виду и запаху этих животных. Такие кавалерийские отряды специального назначения были, как правило, составлены из жителей тех стран, в которых обитали слоны⁸⁰. О конных уничтожителях слонов сообщает, в частности, Вегеций, согласно которому «велиты были легковооруженные юноши с очень подвижным телом, которые, сидя верхом, искусно бросали дротики. Они, проезжая мимо слонов на своих конях, при помощи более крепких дротиков с широкими наконечниками убивали этих зверей» [Veg., III, 24; пер. С. П. Кондратьева].

Все тот же Вегеций передает, что против слонов использовали серпоносные колесницы: «...кроме того, запрягались в колесницу два покрытые броней коня; сидящие здесь клибанарии (одетые в кирасу воины) направляли на слонов сариссы, т. е. очень длинные копья. Так как они были защищены железным оружием, то им не причиняли вреда стрелки, ехавшие на чудовище, благодаря скорости коней они ускользали от нападения (озверевшего слона)» [Veg., III, 24; пер. С. П. Кондратьева].

⁷⁸ «Copidas vocant gladios leviter curvatos, falcibus similes, quibus appetebant bellarum manus» («Копи-сами называют слегка изогнутые мечи, напоминающие серпы, которыми отсекали хоботы слонам») [Curt., VIII, 14].

⁷⁹ П. Д. Арманди совершенно справедливо сравнивает слонов с серпоносными колесницами. Поэтому и способ борьбы с четвероногими гигантами в данном случае был совершенно аналогичен тому, который использовался против колесниц [Armandi P. D. Histoire militaire... P. 137].

⁸⁰ Например, Аппиан утверждает, что в битве при Заме против слонов сражались нумидийские всадники [App., Lib., VII, 40].

СЛОНЫ В ИНДИЙСКИХ АРМИЯХ. ПЕРВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ ГРЕКОВ С БОЕВЫМИ СЛОНАМИ. СЛОНЫ В АРМИЯХ ДИАДОХОВ. СЛОНЫ ПИРРА

1. СЛОНЫ В ИНДИЙСКИХ АРМИЯХ

Трудно сказать, начиная с какого времени люди стали использовать слонов в военных целях. Несомненно, что первыми на поля сражений гигантских четвероногих вывели индийцы. Свидетельство о наиболее раннем применении боевых слонов можно найти у Диодора Сицилийского, и относится оно к полубогатырским временам ассирийской царицы Семирамиды. Согласно рассказу Диодора, Семирамида решила пойти войной на Стабробата, царя Индии, в распоряжении которого находилось большое количество боевых слонов. Чтобы привести в замешательство индийцев, ассирийская царица приказала убить 300 тысяч черных быков и из их шкур, сшитых вместе и наполненных сеном, сделать искусственные подобию слонов. Приводить их в движение должен был всадник на верблюде, находившийся внутри каждого из таких манекенов. На все приготовления у ассирийцев ушло два года. Однако планам Семирамиды не суждено было осуществиться: она потерпела поражение и потеряла большую часть своего войска [Diod., II, 16].

По-видимому, ни один из народов, использовавших в своих армиях этот род войск, не достиг в деле обучения слонов таких успехов, каких добились индийцы. Индийский трактат о политике и военном деле «Артхашастра» (III в. до н. э.), автором которого был видный общественный деятель и литератор Каутилья, сообщает нам о самых разнообразных функциях, выполнявшихся слонами в индийских армиях. Сюда относятся «следование в авангарде; устройство спусков, стоянок и дорог; охват (противника) как руками; при переходе водных рубежей и спуске (т. е. помощь другим в это время); проникновение в трудные и опасные места; поджигание (чужого лагеря) и тушение огня (в своем стане); победа над одной из частей войска; соединение (своих) расчлененных (сил); расчленение соединенных (вражеских сил); (сеяние) страха и паники; придание величия; захват (противника); спасение (своих); разрушение стен, ворот и башен; перенесение казны» [Art., X, 4; пер. В. И. Кальянова]¹. Нечего и говорить, что ни в армиях Селевкидов, Птолемея или карфагенян слоны никогда не выполняли таких разнообразных функций. Любопытно отметить, что индийцы смогли научить

¹ Артхашастра. М., 1993. С. 422.

Рельеф из Матхуры (Индия),
изображающий боевого слона
(около III–II вв. до н. э.)

своих слонов не бояться огня, чего не сумели сделать и, судя по всему, даже не пытались добиться в эллинистических государствах. Согласно сообщению Флавия Филострата, индийские боевые слоны во время сражения владели хоботом, словно рукой, и метали в противника копья [Philostrat., Apollon. vit., II, 12] (см. вкл., рис. 3).

В древнеиндийских армиях существовало четкое соотношение количества слонов и числа колесниц, всадников и пехотинцев, входивших в каждое конкретное подразделение. Согласно древнему научному словарю «Амара Коша», низшее подразделение индийских армий состояло из одного слона, одной боевой колесницы, трех всадников и пяти пехотинцев. На слоне находилось по четыре человека, а на каждой колеснице — по двое. Из этого следует, что низшее звено индийских армий включало в себя 14 человек, 5 лошадей и 1 слона. Несколько подобных отрядов образовывали более крупные единицы, которые, в свою очередь, составляли армию². Подобное же соотношение представлено и в древне-индийском эпосе «Махабхарата», согласно которому идеальная армия состояла из 21 870 слонов, 21 870 колесниц, 65 610 всадников и 109 350 пехотинцев³.

Эти свидетельства показывают, насколько важное значение имели боевые слоны в военном деле индийцев. Древние авторы утверждают, что многие индийские государи располагали невероятным количеством гигантских животных. Так, например, Плутарх сообщает, что *гандабалы*

риты и пресии, намеренные сражаться с Александром, имели 6000 боевых слонов [Plut., Alex., 62].

2. БОЕВЫЕ СЛОНЫ В ЭПОХУ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

Впервые греки имели возможность увидеть боевых слонов в сражении при Гавгамелах (331 г. до н. э.). Если верить Арриану, в армии Дария III находилось 15 этих животных, которых привели на помощь ему индийцы. Однако, по-видимому, слоны использовались Дарием лишь для демонстрации царского величия и не были задействованы непосредственно во время битвы⁴. После победы, одержанной македонской армией, четвероногие гиганты достались Александру в качестве трофея. Перед вступлением в Сузы завоеватель

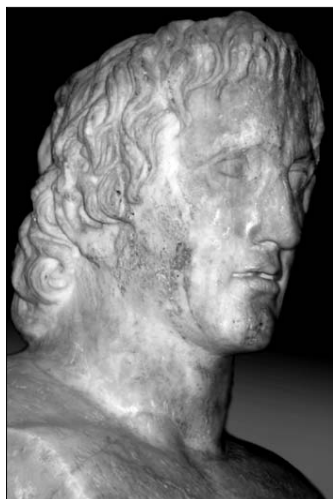
² Armandi P. D. Histoire militaire... P. 33.

³ Ibid.

⁴ Charles M. B. Alexander, Elephants and Gaugamela // Mouseion: Journal of the Classical Association of Canada. Vol. 8. № 1, 2008. P. 9–23.

Александр Великий.
Изображение на монете

Александр Великий (336–323 гг. до н. э.).
Мраморный бюст

получил в дар от местного сатрапа еще 12 животных. Позднее, во время индийского похода, македоняне захватили множество слонов, брошенных противником

на берегах Инда. Еще несколько десятков животных было приведено Александру правителем североиндийских территорий Таксилем [Арт., *Anab.*, III, 8; IV, 30; V, 3; Curt., V, 2; VIII, 12; Diod., XVII, 86].

Таким образом уже до битвы при Гидаспе в распоряжении Александра было большое количество слонов, которые, однако, не приняли активного участия в войне с Пором. Македоняне использовали их лишь как выючных животных, в том числе для перевозки разобранных по частям кораблей⁵. Данный факт можно объяснить тем, что переправа через Гидасп, задуманная македонским царем, должна была проводиться внезапно и втайне от противника. Кроме того, сам замысел Александра предполагал стремительные кавалерийские атаки, целью которых было окружение неприятеля. В подобных условиях слоны могли только препятствовать осуществлению планов великого завоевателя.

Война с индийским царем Пором с самого начала представлялась Александру не простой кампанией. Одно лишь форсирование Гидаспа стало примером воинского искусства, сопоставимого разве что с тщательно подготовленной переправой Ганнибала через Родан или хитроумным бегством Наполеона через Березину. На противоположном берегу реки македонскую армию ожидали войска противника под командованием сына Пора. Индийцы попытались воспрепятствовать продвижению Александра. Однако их тяжелые колесницы увязли в грязи и македоняне, разгромив неприятельский авангард, двинулись навстречу основным

⁵ Поход в Индию, как и остальные свершения Александра, с достаточной достоверностью были освещены прежде всего Птолемеем Лагом и Аристулом, полководцами македонского царя и участниками этих событий. Именно их труды и использовал Арриан.

силам индийского царя [Arr., Anab. V, 8, 4–15, 2].

Увидев, с какой армией предстоит сражаться, Александр, по преданию, воскликнул: «Наконец-то я вижу равную моему духу опасность; предстоит иметь дело со слонами и выдающимися мужами» [Curt., VIII, 14]. Действительно, в лице войск Пора завоевателям противостояла сплоченная национальная армия во главе с решительным и храбрым полководцем. Положение Александра усугубилось еще и тем, что количество войск, перешедших с ним Гидасп, было весьма незначительным: 5000 всадников и 6000 пехотинцев [Arr., Anab., V, 14]. После того как Пор узнал о форсировании Гидаспа Александром, он оставил часть своих сил в лагере, взял с собой 4000 всадников, 300 колесниц, 200 слонов, около 30 000 человек пехоты и устремился на македонян. «Накнувшись на такое место, где не было грязи, а песчаная поверхность, ровная и твердая, была удобна для конной атаки и маневрирования, он выстроил там войско. Впереди в одну линию стояли слоны, слон от слона на расстоянии не меньше плефра: Пор хотел растянуть линию своих слонов вдоль всей своей пехоты, чтобы всюду устрашали они александровых всадников. Он не допускал мысли, что враги отважатся пробраться между слонами: ни конники (лошади ведь слонов боятся), ни тем более пешие; на передовой линии тяжело-вооруженные воины отбросят нападающих, и они будут растоптаны слонами. За слонами стояла у него пехота, расположенная по этой второй линии так, что отдельные отряды можно было быстро выдвинуть между животными. На флангах стояла тоже пехота; по обеим сторонам ее выстроена была конница, и перед ней с обеих сторон находились колесницы» [Arr., Anab., V, 15, 4–7; пер. М. Е. Сергеенко]. Согласно утверждению Диодора,

диспозиция индийской армии напоминала укрепление города: слоны возвышались как башни, а солдаты между ними играли роль простенков [Diod., XVII, 87, 5; cf. Poliaen., IV, 3, 22].

Уже П. Д. Арманди выразил сомнение в том, что у Пора было 200 слонов, поскольку индийцам было бы практически невозможно разместить такое количество животных на должном расстоянии друг от друга по всей длине фронта пешего войска. Возможно, какая-то часть слонов была оставлена Пором в качестве резерва в тылу. Однако после того, как индийская армия была окружена, все слоны оказались вовлеченными в сражение. В неразберихе и общей панике слоны, лишенные вожаков, могли находиться в любой части поля битвы. По-видимому, некоторые из них даже оказались в тылу у македонян, которые раступались, чтобы пропустить метавшихся в ярости животных через свои ряды⁶.

Александр дал возможность передохнуть пехоте и использовал это время для правильной оценки тактической обстановки [Diod., XVII, 87, 5]. Вопреки расчетам противника, полагавшего, что фаланга начнет фронтальную атаку, македонский царь решил напасть основными силами своей кавалерии на левое крыло индийцев. «Кена с гиппархией Деметрия и его собственной он послал против правого крыла индов, велел ему захватить в тыл варварам, когда те поскачут, увидев идущую на них массу всадников. Пехоту он поручил Селевку, Антигену и Таврону, но приказал вмешаться в сражение только тогда, когда они увидят, что его конница привела в замешательство и пехоту, и конников врага» [Arr., Anab., V, 16, 2–3; пер. М. Е. Сергеенко]. Плутарх кратко описывает начало битвы при Гидаспе, указывая на причину, по которой

⁶Armandi P. D. Histoire militaire... 54–57.

Битва при Гидаспе. Индийские слоны опрокидывают македонскую кавалерию (Les Éléphants / sous la direction du Dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 45)

македонский царь начал сражение таким образом: «Испугавшись слонов и большого войска, Александр ринулся на левое крыло неприятеля сам, а Кену приказал напасть на правое» [Plut., Alex., 60; пер. М. Е. Сергеевко]. После победы над конницей Пора, стоявшей на флангах боевого порядка индийцев, Александр окружил пехоту противника своими войсками, таким образом поставив врага в столь же затруднительное положение, в котором оказались римляне в битве при Каннах.

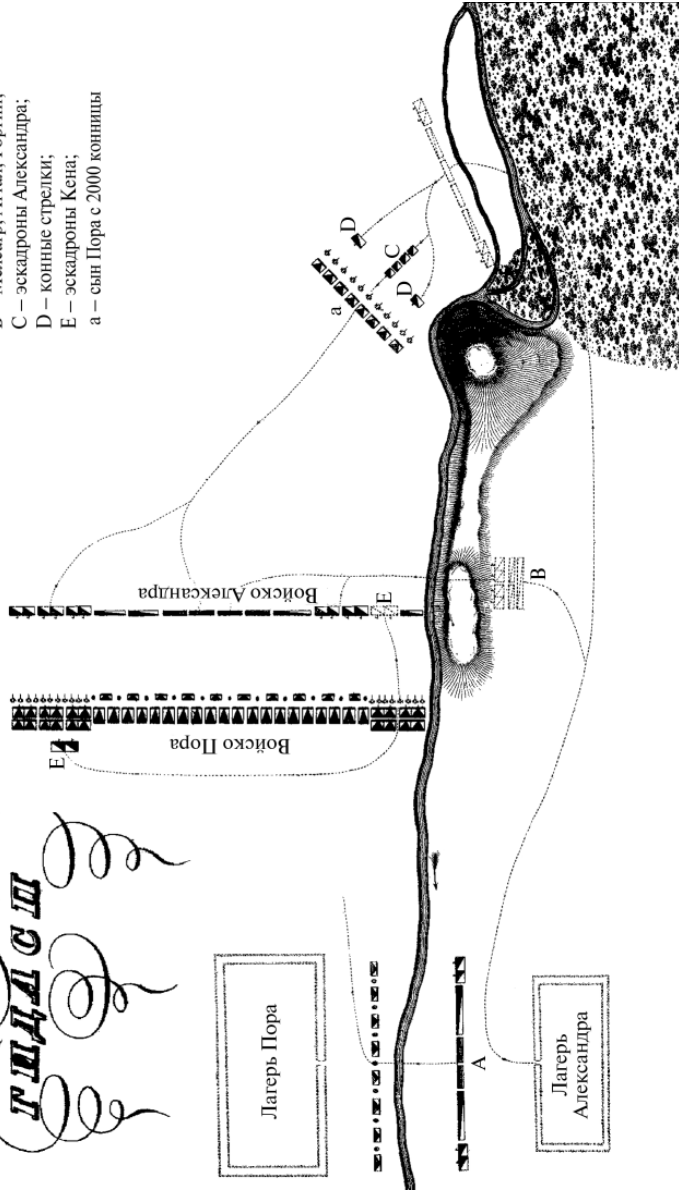
Казалось, индийцы, пришедшие в смятение, должны были бы просить пощады или обратиться в бегство. Однако в отличие от римлян противники македонян име-

ли в составе своей армии боевых слонов. Именно эти огромные звери нанесли наибольший ущерб македонянам. «Затем в бой вступили слоны, — сообщает Диодор, — должным образом используя и огромную массу своих тел, и свои силы: одни гибли под их ногами, растоптанные вместе с оружием; других они обхватывали хоботом и, подняв вверх, швыряли на землю: люди умирали страшной смертью; многие были насквозь пронзены клыками и тут же испускали дух. Македоняне мужественно противостояли всем страхам; перебив сариссами воинов, стоявших между животными, они уравнивали боевые силы» [Diod., XVII, 88, 1–2; пер. М. Е. Сергеевко]. Неизвестно, чем закончилось бы сражение при Гидаспе, если бы не предусмотрительность Александра. Заготовленные заранее по приказу македонского царя острые как бритвы топоры и кривые мечи македонян стали губительны для гигантских животных [Curt., IX, 2]. «Слонов оттеснили, наконец, в узкое место,

и здесь, поворачиваясь, толкаясь и топчая людей, наносили они вреда своим не меньше, чем врагам. Погибло много всадников, отброшенных в это узкое место вместе со слонами; многих слонов и их вожakov поразили дротиками; одни слоны были ранены, другие, истомленные, без вожakov, беспорядочно бродили по полю битвы. Словно обезумев от боли и горя, они бросались одинаково и на своих, и на врагов, расталкивали людей, топтали и убивали их. Македоняне, если вокруг было просторно и они могли напасть на слонов, улучив удобный для себя случай, обычно разбегались, когда животные устремлялись на них, а когда они поворачивались, преследовали

ПЕРЕХОД через ГИДАС

- А — Кратер;
- В — Мелеар, Атал, Горгий;
- С — эскадроны Александра;
- Д — конные стрелки;
- Е — эскадроны Кена;
- а — сын Пора с 2000 конницы

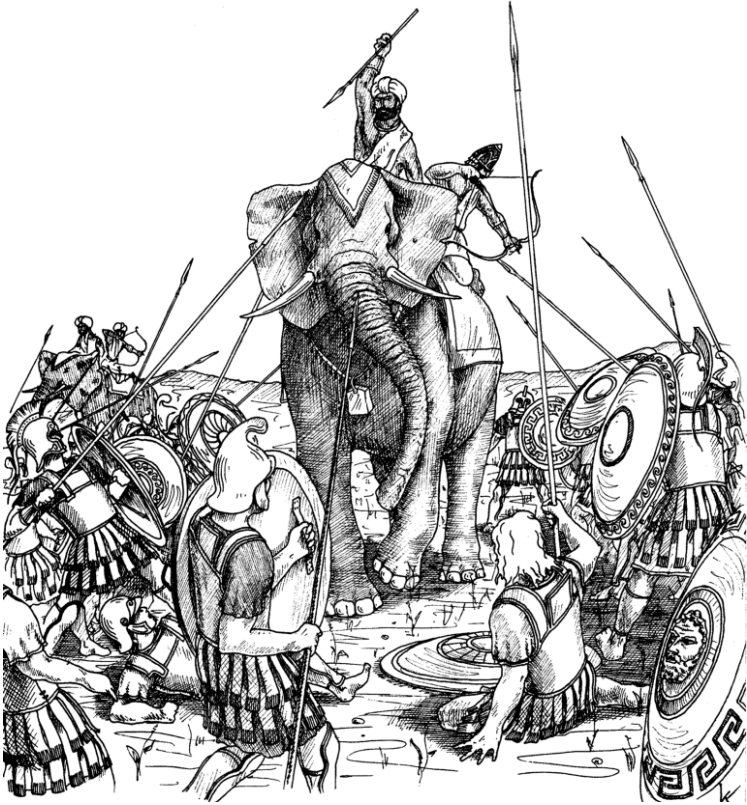
Переход армии Александра через Гидасп
(Военная библиотека, посвященная Российской армии: Атлас. СПб., 1837)

Битва при Гидаспе. Атака македонской фаланги
(Андре Кастень, 1899 г.)

их и метали копья. Инды, двигавшиеся между слонами, особенно от них пострадали. Наконец, животные устали, обессилели и начали, посапывая, отходить назад, повернувшись к врагу, словно корабли, которые идут вспять» [Арт., *Anab.*, V, 17, 5–7; пер.

М. Е. Сергеевко]. «Началось великое смятение; Пор, видя, что происходит (он сидел на самом сильном слоне), собрал вокруг себя 40 слонов, находившихся в спокойном состоянии, и устремил всю массу этого отряда на врага. Много людей было перебито,

Битва при Гидаспе. Рис. И. В. Кирсанова

тем более что физической силой Пор значительно превосходил своих соратников» [Аг., Anab., XVII, 88, 4; пер. М. Е. Сергеев-ко]. Однако попытка индийского царя личным мужеством увлечь за собой свои последние резервы не увенчалась успехом.

После долгой и кровавой битвы македоняне дали возможность для бегства окруженным индийцам, оставшимся в живых. Конница Александра расступилась, образуя коридор для отступления. В ходе дальнейших событий индийцы потеряли еще

множество людей, поскольку Кратер и остальные македонские военачальники успели к тому времени переправиться через Гидасп и принять участие в сражении [Аг., Anab., V, 17, 7–18, 1–2].

Израненный Пор в итоге сдался на милость победителю. За храбрость, проявленную в сражении, Александр не только даровал жизнь своему противнику и оставил ему его царство, но и приумножил его владения. Тем не менее македонский царь приказал Пору привести к нему всех

Коммеморативная декадрахма Александра, изображающая битву с индийским царем Пора

слонов и самых храбрых из его воинов [Arr., Anab., V, 18, 4–19, 3; Diod., XVII, 88, 4–89, 6].

Плутарх оставил нам как описание внешности Пора, так и описание слона, на котором сражался индийский владыка: «Большинство писателей согласно пишут, что Пор был ростом в 4 с половиной локтя и по своему росту и весу так же подходил к слону — хотя слон и был из самых больших, — как всадник подходит к лошади. Слон этот обнаружил замечательную сообразительность и заботливость о царе: пока тот был в силах, слон гневно отбивал и отбрасывал нападающих; когда же он заметил, что Пор изнемогает от ран, нанесенных стрелами, он, боясь, как бы царь не свалился с него, медленно опустился на колени и потихоньку одну за другой стал выдергивать хоботом из него стрелы» [Plut., Alex., 60; пер. М. Е. Сергеевко].

Согласно Арриану, в этой битве погибли два сына Пора и все индийские военачальники; пало около 20 000 индийских пехотинцев и 3000 всадников. Были уничтожены все индийские колесницы. Что же касается слонов, то все их погонщики были перебиты и те из животных, которые не погибли во время сражения, были пойманы македонянами. Победители якобы потеряли в этой жестокой схватке чуть больше 300 всадников [Arr., V, 18, 2–3]. Потери

македонян выглядят явно заниженными и не соответствуют тому драматическому описанию сражения, которое делает сам Арриан. Гораздо больше доверия вызывают цифры, приводимые Диодором. «В этом сражении индов пало больше 12 000; среди них двое сыновей Пора и самые славные военачальники. В плен взяли больше 9000; поймали 80 слонов. Пора, который еще дышал, поручили попечениям индов. У македонян пало 280 всадников и больше 700 пехотинцев» [Diod., XVII, 89, 1–3; пер. М. Е. Сергеевко]⁷.

Битва при Гидаспе произвела неизгладимое впечатление на современников. Напоминанием о великой победе, одержанной над индийским царем и его четвероногими чудовищами, стала целая эмиссия серебряных монет-медалей (декадрахм и тетрадрахм). Именно гигантские звери неизменно присутствуют на монетах каждой эмиссии. Один из вариантов изображений представляет македонского всадника, скорее всего — самого Александра Великого, который поражает сарисой сидящего на слоне воина (по всей видимости, Пора). В другом случае на тетрадрахме представлен слон с двумя наездниками, один из них — корняк-вожак, а другой — воин (опять-таки, вероятно, Пор). Существует эмиссия тетрадрахм с изобра-

⁷ Сражение при Гидаспе стало последней битвой для Букефала, легендарного коня македонского завоевателя. Благородное животное испустило дух от старости и полученных ран спустя некоторое время после произошедшей битвы. В память о своем боевом товарище Александр назвал основанный им на берегу Гидаспа город Букефалией [Arr., Anab., V, 19, 4–6; Diod., XVII, 89, 6; Plut., Alex., 61].

жением слона, не имеющего наездников. На реверсах первого варианта эмиссий помимо легенды «Александра» есть изображение Афины в полном вооружении и Ники с венком. Второй вариант имеет на реверсе изображение Гелиоса, правящего колесницей, запряженной четверкой коней; третий вариант — изображение лучника и монограммы Александра⁸.

Битва при Гидаспе, которая может быть названа в военной истории Александра «битвой со слонами», стала для великого полководца последним крупным и, возможно, самым опасным сражением. В дальнейшем македонский царь будет осаждать города, рискуя жизнью, совершит переходы через враждебные и суровые местности, но никогда более он не сядет на своего верного Букефала и не бросится в атаку во главе гетайров. Даже закаленные и поседевшие в боях македонские фалангиты устали от бесконечных походов и боев [Plut., Alex., 62]. Тяжелая и кровопролитная «битва со слонами» не внушила солдатам Александра надежд на легкое покорение Индии. Страх погибнуть ужасной смертью под ногами четвероногих гигантов заставлял их помышлять о скорейшем возвращении на запад.

Столкновение с армией Пора показало македонскому завоевателю, какую силу могут представлять собой на поле сражения слоны. Несомненно, он планировал использовать этот новый вид войска в своих грядущих походах⁹. Поэтому Александр

Коммеморативная тетрадрахма Александра
в честь победы при Гидаспе

старался получить в свое распоряжение как можно больше слонов. После битвы с Пором 40 животных достались ему от царя Абисара. В дальнейшем, в ходе войн с индийцами, в руки македонян могло попасть несравненно большее количество этих зверей. Когда же Александр добрался до низовий Инда, у него их было, вероятно, уже несколько сотен голов. Под командованием Кратера слоны были отправлены из Индии в Вавилон. Однако их путь пролегал не через знойную Гедрозию, где шла остальная македонская армия под

вому средству. Однако факты говорят об обратном, поскольку македонский царь создал из этих животных отборный отряд, получивший название агемы [Polyaen., IV, 3, 24; Athen., XII, 539 f]. Это наглядно свидетельствует о его намерении использовать их во время предполагавшихся походов (Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов. С. 101).

⁸ Holt F. L. Alexander the Great and the Mystery of the Elephant Medallions. Berkly; Los Angeles; London, 2003. Pp. 2–13.

⁹ Древние историки утверждают, что Александр с пренебрежением относился к слонам как к бое-

Александр Великий в шлеме, имеющем форму головы слона. Изображение на монете

предводительством Александра, а через Арахозию и Дрангиану, где было достаточно для них количество воды. Кратер соединился с основными силами лишь в Кармании, после чего слоны, прежде чем вступить в Вавилон, прошли по улицам Персеполя, Суз и многих других крупных городов.

Эффект от появления победоносного войска в Вавилоне, безусловно, был очень велик. Но особую торжественность триумфальной процессии придавала длинная вереница огромных животных, покрытых пурпурными попонами. Сам Александр въехал в город на колеснице, запряженной слонами. Македонский царь считал их наиболее значительным трофеем, добытым в результате своих походов. Поэтому в дальнейшем, чтобы придать больше пышности придворным церемониям, он приказывал расставлять слонов вокруг своей палатки или же трона [Arr., Anab., V, 20, 21, 29; Curt., IX, 3; Polyaen., IV, 3, 24; Diod., XVII, 87–88].

Незадолго перед смертью Александр начал приготовления к большому походу в Северную Африку, который должен был завершиться завоеванием оставшейся части ойкумены. Вся огромная империя, со-

зданная им, пришла в движение. Отовсюду в Вавилон стягивались войска. Но смерть настигла царя в самый разгар его масштабных приготовлений [Arr., De reb. post. Alex.; Diod., XVIII, 1–3; Curt., X, 9; 10; App., Bell. syr. 52; Just., XIII, 1–4].

3. БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АРМИЯХ ДИАДОХОВ

Правление Александра положило начало «эпохе боевых слонов». Преемники македонского царя — диадохи — с большим энтузиазмом отнеслись к появлению нового вида войск. Вступив в ожесточенную борьбу друг с другом за раздел империи, они увидели в слонах прекрасное средство для того, чтобы расправиться с бывшими соратниками и воплотить в жизнь свои амбициозные планы. Отныне эти животные стали неотъемлемой составляющей эллинистических армий. Пройдет совсем немного времени, и четвероногие гиганты, родившиеся на берегах Инда, дойдут до Нила и Геллеспонта, вступят на землю Европы, приведут в ужас Элладу, и скоро под их тяжелой поступью будут содрогаться уже поля Лукании.

После кончины Александра реальная власть оказалась в руках командующего гвардией Пердикки, который тут же поспешил воспользоваться находившимися в Вавилоне слонами. По иронии судьбы, первыми жертвами ярости этих животных должны были стать те самые македонские ветераны, пролившие столько крови и пота и не пожалевшие никаких трудов ради того, чтобы привести их из Индии: по приказу всемогущего регента воины из числа недовольных его властью были брошены под ноги огромным животным и растоптаны на глазах у всего войска.

Так начался новый акт исторической драмы, в котором слоны сыграют далеко не последнюю роль [Just., XIII, 4; Curt., X, 9, 14–21; Diod., XVIII, 4].

В 321 г. до н. э. Пердикка выступил в поход на Египет, чтобы подчинить правившего там Птолемея. С собой он повел большое количество боевых слонов. Переправившись через Нил, Пердикка осадил крепость Камила, где располагался со своим войском Птолемей. Регент приказал гипасистам вместе со слонами пойти на штурм вражеских укреплений. Осажденные храбро защищались. Сам Птолемей, взяв сариссу и встав наверху наружного вала, ослепил передового слона и пронзил сидевшего на нем погонщика-индийца [Diod., XVIII, 34]. Атака армии регента захлебнулась. Этот бой стал последним в жизни Пердикки. Против него был составлен заговор, главной причиной которого были неудачные боевые действия, повлекшие за собой большие потери. Ночью он был убит в своем шатре [Cor. Nep., Eum., 5; App., ap. Phot., 71 b, 36; Strab. XVII, 1, 8; Diod. XVIII, 36].

По всей видимости, Птолемей не оставил себе слонов из армии Пердикки. Животных отправили в Сирию вместе с остальным войском под командованием Пифона и Арридея. В Трипарадисе в 321 г. до н. э. после провозглашения новым регентом Антипатра отряд слонов был разделен на две части. По сведениям Арриана, 70 животных осталось в Азии в армии Антигона Одноглазого, а оставшиеся 70 перешли к регенту [Phot., 72 b, 25]. Таким образом, Антипатр был первым, кто привел огромных зверей на европейский берег¹⁰.

В 318 г. до н. э. преемник Антипатра в Элладе — Полисперхонт — использовал боевых слонов при штурме Мегало-

поля¹¹. Македонянам удалось во время приступа разрушить часть городской стены. На следующий день осажденные увидели, что неприятели уносят с поля боя обломки построек и выравнивают место. Дамид, командовавший обороной города, понял, что враг решил пустить в этом месте слонов. Для отражения подобной угрозы он придумал простое и весьма эффективное средство. «Он приказал набить острых гвоздей во множество больших дверей, положил их в неглубокие рвы и, замаскировав острия, оставил проход в город в таком виде» [Diod., XVIII, 71, 3]. На следующий день Полисперхонт приказал бросить в атаку свои войска, пустив впереди слонов. Корнаки-индийцы без препятствий подогнали животных к пролому в стен. Однако как только первые из них наступили на гвозди и пронзили свои ступни, они тут же с ужасным ревом стали метаться и поворачивать назад. В это время на их вожаков обрушился град стрел и камней, летевших со стены. Израненные и мертвые корнаки падали под ноги зверей. В бешенстве от боли, потерявшие управление, испуганные слоны с окровавленными ногами бросились бежать, прорываясь через ряды македонян, сея повсюду ужас и хаос.

В 317 г. до н. э. какое-то количество слонов, оставленных Полисперхонтом в Македонии, досталось Кассандру¹². Другая часть животных оказалась сосредоточенной в Пидне, где укрепились царица Олимпиада — мать Александра и непримиримый враг Кассандра. Кассандр осадил город (317–316 гг. до н. э.). Скоро у осажденных стал ощущаться острый недостаток продовольствия. От голода страдали не только люди, но и животные, в том числе

¹¹ Там же. С. 105; Kistler J. M. War Elephants. P. 54–56.

¹² Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. С. 109.

¹⁰ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. С. 71.

Поражение войск Полисперхонта под Мегалополем.

Рис. И. В. Кирсанова

и слоны. Чтобы как-то поддержать их силы, им давали мелко нарубленную древесину. Однако подобная пища не смогла спасти четвероногих гигантов и все они погибли от истощения [Diod. XIX, 35–36].

В Азии некоторое время Антигон был единственным из полководцев, у кого в армии были боевые слоны [Polyaen., IV, 6, 7]. В 320 г. до н. э. Антигон использовал их в битве при Критополе, в которой он разбил войско Алкета, брата Пердикки¹³. Однако скоро огромные звери появились и у его противников. Эвмен, отстаивавший интересы семьи Александра, призвал в Сузиану правителей восточных территорий, после чего на помощь к нему явились различные войска, в числе которых были от-

ряды сатрапа Индии Эвдема. Он привел Эвмену 125 боевых слонов, за что получил от последнего из сокровищницы в Сузах 200 талантов — якобы на содержание животных [Diod. XIX, 14]¹⁴. К тому времени в армии Антигона оставалось только 65 слонов.

Наиболее крупными столкновениями Антигона с Эвменом были сражения в Иране — в местностях Паретакена (317 г. до н. э.) и Габисена, в Эламе (в 316 г. до н. э.). Они стали первым серьезным испытаниям боевых слонов в бою на открытой местности¹⁵. Основной источник, содержащий описание обеих битв, — сочине-

¹⁴ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. С. 120.

¹⁵ Nossov K. War Elephants. Oxford; New York, 2008. P. 20.

¹³ Kistler J. M. War Elephants. P. 48.

ние Диодора, который опирается на Иеронима из Кардии.

В первом же сражении противники пустили в дело всех имеющихся у них животных. На левом крыле, под командой Эвмена, индийского сатрапа, Эвмен поставил 45 слонов, в промежутках между которыми расположились отряды легкой пехоты. Перед правым флангом и центром Эвмен выставил по 40 слонов, между которыми разместил отряды стрелков. Антигон расположил 30 слонов выдающимся вперед клином перед левым флангом, где была сосредоточена основная масса его конницы, численно почти вдвое превосходившая конницу Эвмена. Оставшуюся часть слонов Антигон поместил перед центром боевого порядка. Здесь он имел численное превосходство в тяжело-вооруженной пехоте, однако ей предстояло сразиться с непобедимыми аргироспидами и гипаспистами, ветеранами Филиппа и Александра, составлявшими главную силу армии Эвмена.

По мнению И. Г. Дройзена¹⁶ и Г. Дельбрюка¹⁷, описание битвы в Паретакене в наших источниках [Diod., XIX, 27–31; Polyae., IV, 6, 10; Cor. Nep., Eum., 8] имеет лакуны и неточности. Однако общую картину восстановить можно. Сначала Антигон начал атаку на левом фланге, которым командовал Пифон, правитель Мидии и верхних сатрапий. Эвмен сам принял командование над правым флангом, чтобы отразить этот удар. Обойдя стену из слонов Эвмена, всадники Пифона обстреливали противника и совершали ложные отступления. Тогда Эвмен приказал перебросить с левого фланга дополнительное число легкой кавалерии, что позволило обратить неприятеля в бегство. Одновре-

менно с этими событиями началось сражение в центре, где упорство аргироспидов Эвмена было вознаграждено победой над пехотой Антигона.

Увлечшись преследованием разбитого левого фланга и центра неприятеля, войска Эвмена разорвали свою боевую линию. Тогда Антигон предпринял смелый шаг и бросил свою кавалерию в разрыв между левым флангом и центром Эвмена. Этот маневр оказался успешным, и Антигону удалось опрокинуть левый фланг противника. Чтобы не допустить полного уничтожения войск на своем левом фланге, Эвмен вынужден был прекратить преследование и отступить на исходную позицию.

Таким образом, первая фаза сражения была выиграна Эвменом, а вторая — Антигоном. Сражение было прекращено из-за наступившей темноты, когда обе армии вновь построились в правильный боевой порядок, расположившись на незначительном расстоянии друг от друга, и были готовы возобновить схватку. Потери Антигона, особенно в пехоте, были более значительны, нежели у Эвмена. Что касается слонов, то в результате этой битвы Эвмен не досчитался 11 животных. По всей видимости, эти потери были понесены на левом фланге, где бой принял наиболее ожесточенный характер.

Накануне генерального сражения Антигон, собрав свою армию в один мощный кулак, имел хорошие шансы уничтожить Эвмена, отряды которого были разбросаны по зимним квартирам. Антигон задумал перехватить боевых слонов врага, которые шли на соединение с главными силами под охраной небольшого конвоя. Взяв отряд, состоявший из 2200 всадников и легкой пехоты, он напал на вражеский эскорт. Однако Эвмен, предвидя подобное стечение обстоятельств, послал навстречу своим слонам 1500 отборных

¹⁶ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. С. 130.

¹⁷ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 177.

всадников и 3000 легких пехотинцев. Отряд Антигона успел совершить нападение раньше, чем прибыло подкрепление. Полководцы Эвмена построили слонов в каре, а в центр поместили обоз. В арьергарде они расположили 400 кавалеристов, образовавших конвой. В неравной схватке с воинами Антигона всадники Эвмена были обращены в бегство. Вожак сумели сохранить сомкнутый строй слонов и выдержали атаки противника, дождавшись спасительной помощи. Подоспевшие кавалерия и пехота Эвмена быстро обратили врага в бегство, после чего огромных зверей без дальнейших опасностей препроводили в лагерь.

В сражении в Габиене принимало участие 65 слонов со стороны Антигона и 114 слонов со стороны Эвмена. Последний расположил 60 животных перед своим левым флангом, где находилась большая часть его конницы. Командование над этим крылом он принял сам. Остальных слонов Эвмен поместил в центре и на правом фланге. Антигон расположил всех слонов перед фронтом всего войска. Оба полководца расставили в промежутках между животными легкую пехоту в качестве прикрытия.

Именно слоны начали бой, поднимая в воздух огромное количество густой пыли, что затрудняло видимость и могло скрыть обходные маневры противника. В ходе сражения фаланга Эвмена, стоявшая в центре построения, превосходившая и количественно, и качественно тяжелую пехоту Антигона, одержала решительную победу, не понеся существенных потерь, уничтожив 5000 вражеских воинов. Однако Антигон, чьи позиции располагались на возвышенности по отношению к противнику, увидел, что вражеский лагерь остался без защиты. Поэтому он послал туда отряд всадников, которые, обогнув правый фланг Эвмена, должны были захватить его.

Решающая схватка произошла на левом крыле армии Эвмена. Здесь одновременно сразились отряды всадников, слонов и легковооруженных. Из-за предательства Певкеста, бежавшего с поля боя со своим отрядом, Эвмен оказался отрезанным от своих основных сил. Слоны, находившиеся здесь, могли исправить положение. Однако когда передовой слон Эвмена пал в столкновении с врагом, остальные животные вместе с подразделениями легковооруженных обратились в бегство. После того как Эвмену удалось прорваться на правый фланг, он попытался собрать свою конницу и нанести ответный удар противнику, но Антигон теперь в несколько раз превосходил его количеством всадников.

В последней фазе этой битвы пехота Эвмена, выстроившись в каре, стойко отражая удары конницы Антигона, отступила на укрепленную позицию у ближайшей реки, куда собрались и другие уцелевшие подразделения армии. Потерявшие свое имущество и жен, воины и офицеры Эвмена, прежде всего аргироспиды, составили заговор против своего полководца. Когда уже связанному Эвмену дали в последний раз высказаться перед своими воинами, он не только упрекал их за предательство, но и просил либо самим умертвить его, либо дать ему меч, чтобы он покончил собой, либо бросить его под ноги слонов. Тем не менее его участь была решена не им. Спустя три дня мучительного ожидания в плену, Эвмен принял смерть от руки палача.

После победы над Эвменом в руках Антигона Одноглазого боевых слонов оказалось больше, чем у кого-либо из его соперников. Однако резко возросшее могущество этого правителя внушало опасение другим диадохам. В том же году, в котором был убит Эвмен, сложился союз, направленный против Антигона.

В 314 г. до н. э. Антигон оставил своего двадцатидвухлетнего сына Деметрия в Сирии для защиты этой страны от возможного вторжения птолемеевских войск и передал ему значительные вооруженные силы, в том числе и слонов [Diod. XIX, 69]. Деметрий с нетерпением ждал случая вступить в сражение с войсками Птолемея и Селевка. Эта возможность представилась ему в 312 г. до н. э., когда обе враждебные армии встретились возле города Газы [Diod. XIX, 80–84]¹⁸. Центр боевого порядка Деметрия образовывала фаланга, перед фронтом которой стояло 13 слонов. Тридцать остальных слонов Деметрий разместил на левом фланге, где планировал нанести главный удар. Между слонами были размещены многочисленные отряды легкой пехоты. Командование на этом фланге Деметрий принял на себя. Ему помогал стратег Пифон — герой битв в Партакене и Габиене.

В армии союзников слонов не было, поэтому Птолемей и Селевк позаботились о том, чтобы защитить себя от нападений четвероногих гигантов противника. Они приказали изготовить колья с железными наконечниками и соединить их цепями, как об этом было сказано выше. Подобные конструкции, переносились специально организованными для этой цели подразделениями. В помощь таким отрядам было придано большое количество метателей дротиков и стрелков. Птолемей и Селевк расположились на этом фланге, желая сразиться против Деметрия.

В решающий момент битвы Деметрий ввел в бой своих слонов. Животные ринулись вперед с устрашающей быстротой. Однако их атака захлебнулась, когда они наткнулись на колья, обитые железом.

В это время, как пишет Диодор, «множество копьеметателей и лучников стали со всех сторон поражать слонов и сидевших на них людей» [Diod., XIX, 84]. Боль от ранений ног, нанесенных острыми колями, привела в ярость громадных зверей. Замешательство усилилось еще больше из-за того, что многие вожаки животных погибли под градом стрел, камней и дротиков. Слоны повернули назад. Некоторых из них, лишившихся корнаков, египтяне поймали живьем. После этой неудачи кавалерия на левом фланге Деметрия обратилась в бегство. Оставшаяся без поддержки конницы фаланга оказалась не в силах противостоять превосходящим силам союзников и была разбита. К концу дня армия Деметрия была полностью уничтожена. Сам он бежал, бросив в Газе весь свой обоз.

Фактически Деметрию не удалось осуществить план, реализованный Антигоном в битве в Габиене: оторвать основную массу конницы противника на отдельно взятом крыле от пешей фаланги. Антигон осуществил этот маневр, нанеся мощный кавалерийский удар. Деметрий попытался сделать то же самое, бросив в бой своих слонов. Антигону сопутствовал успех, главным образом из-за предательства Певкеста; Деметрий мог добиться аналогичного успеха, но ему помешала мудрая предусмотрительность его противников.

Нельзя не отметить, что Деметрий действовал тактически верно, пытаясь расчленить силы врага с помощью атаки боевых слонов в решающий момент сражения. Если бы его план удался, то он смог бы без труда опрокинуть вражескую кавалерию и зайти в тыл фаланге противника. Впрочем, излишняя прямолинейность и предсказуемость решения, принятого Деметрием, чересчур жаждавшим славы Александра, имела для него печальные

¹⁸ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. С. 169–171; Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 178.

последствия. Птолемей и Селевк более опытные и знавшие, как можно было бороться со слонами, приняли необходимые меры предосторожности, которые оказались весьма эффективными.

После этого сражения в 312 г. до н. э. Селевку удалось вернуть свои владения в Вавилонии, тем самым окончательно утвердив новую династию эллинистических монархов — династию Селевкидов. В 306 г. до н. э. большинство эллинистических правителей провозгласили себя царями. В этом же году Антигон предпринял попытку овладеть Египтом и уничтожить своего наиболее опасного противника — Птолемея I Лага. Он собрал значительный флот и сухопутную армию, которая помимо 80 000 пехоты и 8000 всадников включала 83 боевых слона [Diod. XX, 73]. Однако этот поход потерпел неудачу. Битва при Ипсе в 301 г. до н. э. положила конец завоевательным планам Антигона. Все его слоны (в количестве 75 [Plut., Demet., 28]), участвовавшие в битве, попали к победителям — Селевку и Лисимаху.

Спустя 20 лет бывшие союзники встретились на поле сражения при Куропедии (281 г. до н. э.). Несомненно, что и в этот раз слоны принимали участие в бою, по крайней мере на стороне Селевка, которому досталась победа. Не исключено, что именно благодаря большому количеству четвероногих гигантов ему удалось одолеть своего противника. Несколько месяцев спустя Селевк, оставив править восточными землями своего сына Антиоха, переправился через Геллеспонт и высадился в Европе с целью воцарения в Македонии, на своей родине, но был предательски убит Птолемеем Керавном, старшим сыном Птолемея I [Just., XVII, 2]. Птолемея Керавн завладел не только войсками Селевка, но и его боевыми слонами. Пятьдесят животных он предоста-

вил эпирскому царю Пирру, чтобы тот смог отправиться в свой поход на завоевание Италии [Just., XVII, 2, 14]¹⁹.

Эти события произошли, когда Македонии и Элладе уже грозило вторжение галлов. Не воспринимая серьезно своего противника, Птолемея Керавн выступил навстречу варварам с небольшим войском, потерпел поражение и погиб в бою (279 г. до н. э.). И. Г. Дройзен, реконструируя эти события, вводит драматический эпизод с участием боевого слона: «...несущий царя слон опускается, раненый, на землю; сам царь, покрытый ранами, попадает еще живым в руки кельтов, которые удушают его...»²⁰. Что стало с македонскими слонами после поражения Птолемея Керавна? Скорее всего, галлы предпочли перебить тех из них, которые живыми попали к ним в руки. В 278 г. до н. э. новый македонский царь Антигон Гонат, сын Деметрия Полиоркета, у Лисимахии принял посольство кельтов и, желая устроить варваров, показал им свой флот и боевых слонов [Just., XXV, 1]²¹. Таким образом, в последнем бою Птолемея Керавна приняли участие не все слоны, доставшиеся ему от Селевка. Часть из них (не менее 24 голов) уцелела. Позднее они были захвачены Пирром, но после гибели эпирского царя вновь вернулись к прежнему хозяину. Известно, что в 266 г. до н. э. эти слоны приняли участие в неудачной для македонян осаде Мерап [Aelian., Animal., XVI, 36; cf. Polyen., Strateg., IV, 6, 3]. Однако как тактически они использовались Антигоном Гонатом, неизвестно.

¹⁹ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. С. 301.

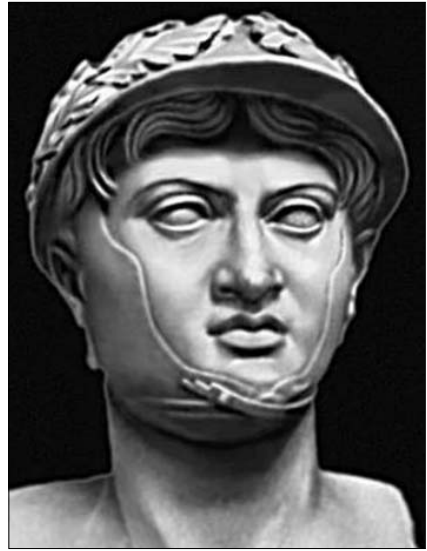
²⁰ Там же. С. 305. В рассказе Юстина об этом событии ничего подобного нет. Историк сообщает лишь, что «Птолемей, покрытый многочисленными ранами, попал в плен. Ему отрубили голову, надели ее на копье и для устрашения врагов пронесли перед строем» [Just., XXIV, 5; пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского].

²¹ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. С. 310.

4. СЛОНЫ В АРМИИ ПИРРА

Италийский поход Пирра — самостоятельная страница в военной истории слонов. Как было сказано выше, эпирский царь получил этих животных от Птолемея Керавна. В числе слонов, попавших к Пирру, могли, вероятно, находиться и те, которых привел когда-то из Индии Александр, и те, которые сражались в армии Эвмена или же были получены Селевком в дар от индийского царя Чандрагупты. Таким образом, прежде чем ступить на землю Италии, четвероногие гиганты приняли участие в большей части сражений диадохов, последовавших после смерти македонского завоевателя. Это были единственные представители индийского вида, которые оказались на Аппенинском полуострове²².

Птолемей Керавн дал Пирру 50 слонов, однако лишь 20 из них участвовало в его походе в Италию. Дж. М. Кистлер делает два предположения, почему Пирр использовал в войне с римлянами только 20 животных. По мнению исследователя, слоны могут быть пригодны к участию в военных действиях в возрасте от 20 до 50 лет. Возможно, что некоторые из слонов Пирра были уже старыми и использовались в качестве обозных животных. Вместе с тем, нам известно, что флот Пирра, отправившийся в Италию, сильно пострадал во время бури, и некоторые животные могли при этом погибнуть²³. Впрочем, более вероятно, что обещанные Птолемеем Керавном войска были предоставлены только частично, так, например, Юстин упоминает о 4000 всад-

Пирр (306–272 гг. до н. э.).
Мраморный бюст

ников, которых должен был получить Пирр, но в поход с ним отправились лишь 3000.

Прежде чем выступить на завоевание Италии, Пирр отправил в Тарент грека Киния с 3000 солдат, а после того, как прибыли грузовые корабли, погрузил всю остальную армию, в составе которой было 3000 всадников, 20 000 пехотинцев, 2000 лучников, 500 пращников и 20 слонов. Несмотря на то что при переправе через Ионийское море флот пострадал от сильной бури, все 20 животных остались живы и невредимыми прибыли в Тарент (Plut., Pyr., 15). Первое столкновение армии Пирра с римлянами произошло в Лукании, у реки Сируса, между городами Пандосией и Гераклеей (280 г. до н. э.). На одном берегу реки расположились римляне, на другом — греки. Испугавшись, что у него окажется недостаточно сил,

²² Armandi P. D. Histoire militaire... P. 122.

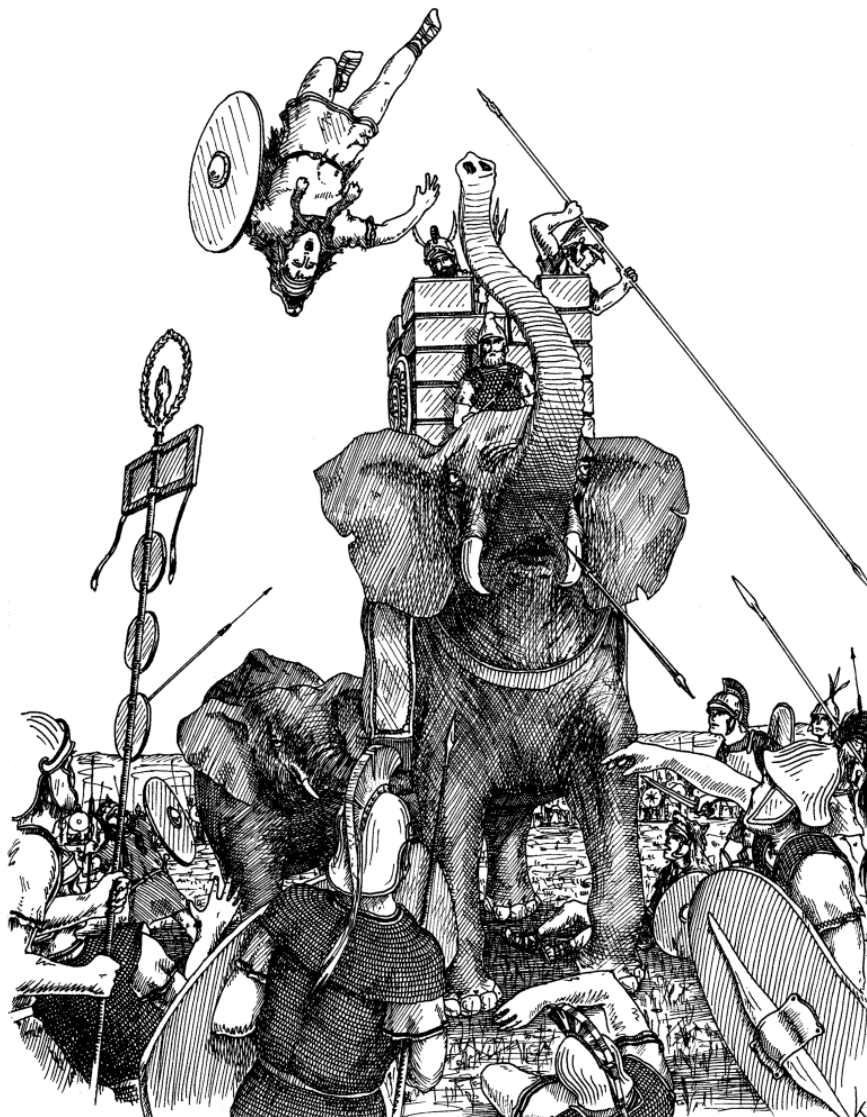
²³ Kistler J. M. War Elephants. P. 83.

чтобы противостоять армии противника, царь выставил на берегу сторожевые посты и решил дожидаться подхода италийских союзников. Однако консул Левин, желая немедленно вступить в бой, приказал своим войскам начать переправу. Чтобы помешать неприятелю выйти на противоположный берег, Пирр построил пехоту в боевой порядок, а сам бросился на римлян во главе кавалерии. Но римляне успешно отразили натиск греческих всадников. Тогда царь решил ввести в бой свою фалангу. Сражение приняло очень упорный характер. Плутарх утверждает, что противники семь раз поочередно то отступали, то преследовали друг друга. Г. Дельбрюк весьма скептически относится к описанию битвы, сделанному греческим историком, и считает его мало достоверным. Главное, что удивляет немецкого исследователя, — то, что Пирр предпочел оставить слонов в резерве, вместо того чтобы сразу бросить их на римскую пехоту. «Нельзя подыскать никакого основания к оставлению слонов в тылу, — пишет Г. Дельбрюк, — ведь в этом случае Пирр добровольно обрекал бы свою пехоту на тяжелые потери; вместо того чтобы с самого начала снести римскую конницу своими слонами и затем ударить с флангов на римскую пехоту, он предоставил сперва фаланге семь раз чередоваться с римскими легионерами в бегстве и преследовании — как сочиняет источник Плутарха»²⁴. В действительности же Пирр проявил себя в этом сражении как блестящий полководец, хорошо видящий сильные и слабые стороны как своих войск, так и армии противника. У него было достаточно времени, чтобы усвоить уроки битвы при Ипсе и определить, каким образом можно использовать

слонов, чтобы нанести максимальный ущерб врагу, не подвергая опасности собственных солдат. Он понял, что эти животные наиболее эффективны в борьбе с кавалерией противника. Сплоченная масса тяжелой пехоты была способна обратить их в бегство. Кроме того, специальные отряды метателей и стрелков, выступив впереди тяжеловооруженных, могли еще до начала прямого столкновения ранить слонов, забросав их дротиками и стрелами. И в том и в другом случае существовала опасность, что животные повернут на собственные боевые порядки. Анализ всех трех сражений, которые царь дал в Италии, показывает, что он всегда держал слонов в резерве и бросал их в бой только тогда, когда для этого наступал подходящий момент.

Римляне были новым противником для Пирра. Еще до начала столкновения он имел возможность по достоинству оценить их военную организацию, поэтому и предпочитал не рисковать, а дожидаться союзников [Plut., Руг., 16]. Уже в самом начале битвы всадники Пирра отступили под натиском римской кавалерии, и было бы рискованно бросать их вторично в атаку без дополнительной поддержки. Пирр ждал удобного момента для того, чтобы ввести в бой слонов, и этот момент наступил, когда кавалерия Левина перешла в атаку, желая, очевидно, нанести удар во фланг грекам. Внезапное появление на поле сражения невиданных чудовищ должно было не только испугать лошадей, но и привести в смятение людей. Все произошло именно так, как и рассчитывал царь: римские кони, устрешенные величиной, видом, запахом и трубным ревом слонов, помчались вспять [Frontin., Strateg., IV, 13; Flor., Epitoma, I, 13, 8]. Не меньшее впечатление произвели слоны и на людей: римские солдаты, обманутые сходством бивней этих животных с рогами,

²⁴ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 222.

Битва при Геракле. Пирр вводит в бой своих слонов.
Рис. И. В. Кирсанова

приняли их за огромных быков²⁵. Пришедшую в замешательство и оставшуюся без поддержки всадников римскую пехоту атаковала фессалийская конница под командованием самого Пирра. Не в силах выдержать одновременно фронтального и флангового удара, римляне обратились в бегство. Относительно того, каковы были потери обеих сторон, источники приводят различные данные. Тем не менее мы можем утверждать, что разгром римлян был полным, поскольку они даже не стали защищать свой лагерь, доставшийся победителю. По Дионисию Галикарнасскому, потери греков составили около 13 000, что представляется явным преувеличением [Dionys., XX, 1, 8]²⁶. Иероним утверждает, что Пирр потерял менее 4000 человек, однако среди них были наиболее храбрые и сильные из его солдат и многие из наиболее преданных командиров [Plut., Pyrr., 17]. Орозий говорит, что римляне потеряли 14 880 пехотинцев убитыми, 1310 было захвачено в плен, всадников погибло 246 и 82 взято в плен, кроме того, противнику досталось 22 римских знамени [Oros., IV, 11]. Согласно Плутарху, Пирр очень гордился одержанной над превосходящими силами противника победой, после которой к нему примкнули многие союзные с Римом города.

Однако римляне быстро оправались от поражения и уже на следующий год

вновь встретились с эпирской армией в Апулии около Аускула. Пирр также восполнил потери за счет союзных отрядов, которые ему прислали самниты, тарентинцы, бруттии, луканы и другие народы Южной Италии. Консул Марк Курий, опасаясь, что не сможет выдержать натиска развернутой фаланги Пирра, разместил римскую армию в теснине, на неровной и покрытой густым кустарником местности, труднопроходимой для кавалерии и слонов [Frontin., Strateg., II, 2; 1; Plut., Pyrr., 21]. Он выстроил свои войска так, что конница находилась на флангах, а центр занимала тяжелая пехота, образующая две боевые линии [Frontin., Strateg., II, 3; 21]. Царь поставил на правом фланге самнитов и эпиротов, на левом — бруттиев, луканов и саллентинцев; центр занимали тарентинцы. Характерно, что и в этот раз Пирр предпочел разместить слонов вместе с всадниками позади пехоты. В первый день никому из сражавшихся не удалось добиться перевеса над противником. Конец сражению положила ночь [Plut., Pyrr., 21]. На следующий день Пирр решил перенести битву на равнину, с тем чтобы иметь возможность бросить против римлян слонов. Выстроив фалангу, царь разместил за ней на некотором расстоянии друг от друга слонов, а в промежутках между ними поставил большое количество стрелков и метателей дротиков. На открытой местности фаланга атаковала римскую пехоту, и вновь завязалось яростное сражение. Но когда подошли слоны, римляне стали отступать [Plut., Pyrr., 21]. В этот момент произошло событие, которое оказало сильное влияние на дальнейший ход сражения: первый гастат четвертого легиона Гай Минуций отрубил одному из слонов хобот. Возбешенное от боли животное принялось метаться и смяло собственные боевые порядки. Подвиг Минуция вселил мужество

²⁵ «Elephantos Italia primum vidit Pyrrhi regis bello, et boves lucas appellavit in Lucanis visos, anno urbis quadringentesimo septuagesimo secundo» («Впервые Италия увидела слонов в 472 г. от основания города во время войны с Пирром и назвала их луканскими быками, поскольку это произошло в Лукании») [Plin., HN, VIII, 6].

²⁶ Дионисий сообщает, что на следующий год у Пирра оставалось только 16 000 солдат из тех, кто пересек вместе с ним Адриатическое море, это свидетельствует о том, что царь лишился 12 500 солдат.

в его товарищей²⁷. Сражение возобновилось с новой силой. Римляне стали метать в слонов копья и дротики и бросать в башни на спинах животных зажженные факелы [Flor., Epitoma, I, 13, 9]. Бой продолжался до захода солнца, и неприятели разошлись лишь после того, как царь был ранен дротиком в руку [Plut., Pyrr., 21].

Принято считать, что результат столкновения остался неопределенным. Более того, потери греков были столь значительны, что это заставило Пирра произнести свою историческую фразу, породившую миф о *пирровой победе*: «Если мы одержим еще одну победу над римлянами, то окончательно погибнем» [Plut., Pyrr., 21]. И действительно, большинство наших источников говорит о том, что в этом сражении погибло намного больше греков, нежели их противников. Плутарх утверждает, что Пирр потерял значительную часть войска, которое привел с собой, и почти всех своих полководцев [Plut., Pyrr., 21]. Согласно Фронтину, общая численность солдат, принимавших участие в сражении с обеих сторон, составляла 40 000; Пирр потерял половину своей армии, а римляне всего 5000 человек [Frontin., Strateg., II, 3; 21]. Евтропий доводит потери греков до 20 000 человек, в то время как римляне недосчитались только 5000. Евтропий также утверждает, что римлянам удалось убить нескольких слонов. Орозий солидарен с Евтропием и говорит о 5000 павших римлянах против 20 000 греков. При этом Орозий добавляет, что римляне потеряли 11 знамен, тогда как царские войска — 53 [Oros., IV, 1]. Впрочем, у нас есть и другие цифровые

данные, касающиеся этого сражения: Плутарх, ссылаясь на Иеронима, определяет потери римлян в 6000 павших. А в записках самого Пирра было указано, что его армия лишилась в этот день 3500 человек [Plut., Pyrr., 21].

Какой из всех версий отдать предпочтение? На этот вопрос можно ответить, проанализировав последовательность событий, произошедших после битвы при Аускуле. Через некоторое время Пирр оставил Италию и отправился на завоевание Сицилии. Здесь он очень быстро добился решающих успехов и подчинил своей власти почти весь остров. Спрашивается, могла ли армия, потерявшая половину своего состава под Аускулом, тут же ввязаться в новую военную кампанию? В то же самое время римляне, вместо того чтобы воспользоваться уходом Эпирского царя и предпринять решительные шаги в отношении Тарента, практически бездействовали в течение ряда лет. И опять же возникает вопрос: почему? Не будет ли логичным предположить, что Аускул гораздо дороже обошелся римлянам, чем их противнику? Однако если мы суммируем минимальные данные, известные нам о потерях Пирра в двух произошедших сражениях, то увидим, что его армия, насчитывавшая в начале кампании менее 27 000 солдат, потеряла за один год около 7500 человек, т. е. четвертую часть своего состава. Конечно же, эпирский царь понимал, что итальянские союзники были плохой заменой его ветеранам. В этом и есть горький смысл фразы, произнесенной им в ответ на поздравление с победой.

Древние и современные историки полагают, что сицилийская экспедиция была осуществлена в результате опрометчивого и непродуманного решения, которое царь принял, повинуясь влечению своей жаждавшей славных подвигов натуры. Однако не будем забывать, что еще

²⁷ Согласно Флору, это был гастат четвертого легиона Гай Нумиций [Flor., Epitoma, I, 13, 9]. В битве при Гераклее у Пирра не погиб, как кажется, ни один слон. Однако Дионисий сообщает, что в сражении при Аускуле оставалось только 19 животных (Dionys. XX, 1, 8).

Битва при Гераклее
(Махаллистер Т. X. Конец XIX в.)

до начала похода в Италию Пирр планировал изгнать карфагенян из Сицилии и захватить сам Карфаген. К тому же в случае завоевания этого острова и африканских земель Пирр получал в свое распоряжение неисчерпаемые человеческие и материальные ресурсы для продолжения борьбы за Италию. Именно поэтому царь решил воспользоваться перерывом, наступившим в военных действиях с римлянами, для начала кампании против карфагенян.

В 278 г Пирр высадился на острове, имея при себе 30 000 пехоты, 2500 конницы и не более 19 слонов [Plut., Руг., 22]. Очень скоро он отнял у карфагенян все их владения и стал уже набирать по городам гробцов, готовя свой флот для вторжения в Африку. Но этим его планам не суждено было исполниться: сицилийские греки, недовольные тяжелыми поборами и дес-

потизмом царя, перешли на сторону его противников карфагенян и мамертинцев. К тому же дела в Италии стали принимать дурной оборот и самниты и тарентинцы умоляли Пирра оказать им немедленную помощь. Пирру пришлось навсегда отказаться от своих амбициозных планов и с горечью в сердце оставить остров [Just., XXIII, 3]²⁸. Как только греческая армия переправилась в Италию, на нее с тыла неожиданно напали мамертинцы. При этом погибло множество воинов из арьергарда, а также два слона. В Тарент Пирр прибыл, имея 20 000 пехоты, 3000 всадников и 17 слонов [Plut., Руг., 24].

Пополнив в Таренте свои силы, Пирр сразу же выступил в поход против римлян,

²⁸ «Imperium Siciliae tam cito amisit quam quaesierat» («Власть над Сицилией он потерял настолько же быстро, насколько ее и обрел»).

находившихся в Самнии. Согласно Орозию, его армия насчитывала 80 000 человек пехоты и 6 000 всадников [Oros., IV, 4]. Эти цифры выглядят заведомо преувеличенными: невозможно представить, чтобы за короткий срок царь смог собрать в Таренте, уже пострадавшем от войны, 63 000 воинов²⁹. Думается, что самое большее, что могли предоставить ему союзники, — это какое-то количество вспомогательных отрядов, насчитывавших в сумме не более нескольких тысяч человек. Пирр разделил свое войско на две части, послав половину его в Луканию, чтобы задержать там одну консульскую армию, а сам с остальными силами направился к Бенеventу, где находилась армия консула Мания Курия. Опасаясь, что обе римские армии смогут соединиться и ему придется противостоять всем римским силам, Пирр решил атаковать Мания ночью. Однако отряд, который был для этого послан, сбился с дороги и лишь на рассвете приблизился к римскому лагерю. Консул неожиданно напал на передовые подразделения греков и обратил их в бегство, при этом римляне захватили нескольких слонов, брошенных их погонщиками во время отступления. Окрыленный успехом, Маний вывел из лагеря свои легионы и бросился на армию противника. Пирр приказал ввести в бой стоявших до того в резерве слонов, которые оттеснили римлян до самого лагеря [Oros., IV, 4]. Но находившиеся в лагере караульные войска забросали животных копиями и зажигательными стрелами [Oros., IV, 5]. Израненные четвероногие повернули вспять. При этом один из молодых слонов, пораженный в голову копьем, в страхе с громким ревом стал метаться по полю сражения. Его крик

узнала матка-слониха и, бросившись вперед, произвела еще большее замешательство в рядах солдат Пирра [Flor., I, 13, 12]. Отступление слонов, по сообщению Плутарха, вызвало панику среди греков и принесло победу римлянам [Plut., Purg., 25]. Согласно Орозию, Пирр потерял 33 000 человек убитыми и 1300 пленными [Oros., IV, 6]. Впрочем, вряд ли у него было такое количество солдат даже накануне битвы. Не забудем, что в бою под Бенеventом участвовала лишь половина армии, собранной Пирром. Г. Дельбрюк со свойственным ему скептицизмом отзывается о свидетельствах источников об этом столкновении: «Сообщения о сражении при Бенеvente не имеют для нас никакой ценности, мы даже не можем сказать, действительно ли Пирр потерпел здесь поражение или же только не смог провести атаку и бой остался нерешенным»³⁰. Тем не менее это была последняя битва Пирра с римлянами. Спустя шесть лет после начала своего похода эпирский царь был вынужден вернуться на родину, приведя с собой всего 8 000 пехотинцев и 500 всадников [Plut., Purg., 26]. Дионисий сообщает, что в битве при Бенеvente римляне убили только двух слонов [Dionys., XX, 12, 3]³¹. Восемь животных попали в их руки живыми. Четыре слона умерли из-за полученных ран, четырех оставшихся провели во время триумфа по Риму [Plin., NH, VI, 16]³². «...Римский народ, — передает Флор, — ни на что не взирал с таким удо-

³⁰ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 223. Ср. Казаров С. С. Последняя кампания царя Пирра... С. 21–22.

³¹ Вполне вероятно, что несколько слонов (не более семи) Пирру удалось сохранить и привести с собой в Эпир.

³² «M. Curius Dentatus, victo Pyrrho, primus in triumpho elephantum duxit» («После победы над Пирром М. Курий Дентат первым провел во время триумфального шествия слона»).

²⁹ Казаров С. С. Последняя кампания царя Пирра в Италии // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 17.

вольствием, как на тех, кого он так страшился, — на чудовищ с их башнями: чувствуя себя пленниками, слоны, опустив головы, следовали за победителями-конями» [Flor., I, 13, 28]³³.

Чтобы как-то поправить свое положение, Пирр вторгся в Македонию и в жестоком бою нанес поражение Антигону Гонату [274 г. до н. э.]. При этом ему удалось окружить слонов противника, после чего их вожаки сдались в плен вместе с животными [Plut., Pyrr., 26, 6]. Через два года, когда Пирр отправился в поход на Пелопоннес (272 г. до н. э.), в его армии находилось 24 слона [Plut., Pyrr., 26, 20].

Осенью того же года Пирр погиб при неудачном штурме Аргоса, а его солдаты сдались Антигону. Виновниками поражения и гибели Пирра во многом оказались слоны. Штурм города был предпринят глубокой ночью, и успех предприятия зависел прежде всего от неожиданности нападения. Ворота были открыты изменниками, и отряды Пирра уже занимали площадь. За ними следом в город должны были вступить слоны. «Но слоны не могли пройти в ворота, пришлось снимать с их спин башни, а потом в темноте вновь водружать их; это задержало нападающих и аргосцев, услышав шум, поспешили занять Аспиду и другие укрепленные места и отправить

гонцов к Антигону» [Plut., Pyrr., 32, 2; пер. С. А. Ошерова]. Завязалась беспорядочная битва, и Пирр решил отступить, но сделать это ему вновь помешали слоны. При отступлении из города войска Пирра натолкнулись на свои же отряды, которые ввел в Аргос сын Пирра Гелен. «Кроме того, самый большой слон, упав поперек ворот, лежал, трубя и мешая отступающим пройти, а другой слон, из тех, что вошли в город раньше, по кличке Никон, ища раненого вожака, упавшего с его спины, неся навстречу отступающим, гоня и опрокидывая вперемешку врагов и друзей, пока, наконец, не нашел труп и, подняв его хоботом и подхватив обоими клыками, не повернул назад, словно взбесившись, валя наземь и убивая всех встречных» [Plut., Pyrr., 33, 5; пер. С. А. Ошерова].

Пирр снял диадему, украшавшую его шлем, и передал ее одному из своих телохранителей, а сам отважно бросился наседавших повсюду врагов. В это время черепица, брошенная с крыши одной из женщин-аргивянок, попала царю в шею и перебила позвонки [Plut., Pyrr., 34]. Так погиб Пирр, которого древние считали лучшим полководцем после Александра Великого.

³³ «...Nihil libentius populus romanus adspexit, qua millas quas timuerat cum turribus suis belluas, quae non sine sensu captivitatis submissis cervicibus, victores equos sequebantur». Относительно судьбы этих четырех слонов достаточно красноречиво высказался П. Д. Арманди: «Поистине странный жребий выпал на долю этих благородных животных, рожденных на самых дальних окраинах Востока, затем переходивших от повелителя к повелителю, из страны в страну, вплоть до неведомой для них земли, где сначала их приняли за быков и были потрясены их видом, внушившим неописуемый страх, а затем превратили в игрушки для невежественной и грубой толпы» (Armandi P. D. Histoire militaire... P. 128–129).

БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АРМИЯХ СЕЛЕВКИДОВ, ПТОЛЕМЕЕВ, ГРЕКО-БАКТРИЙСКИХ И ИНДО-ГРЕЧЕСКИХ ЦАРЕЙ

1. БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АРМИИ СЕЛЕВКИДОВ

Держава Селевкидов, возникшая на руинах империи Александра, контролировала обширные территории, простиравшиеся от Средиземного моря до границ Индии. Основатель государства Селевк I Никатор повторил индийский поход великого македонского завоевателя, однако предпочел пожертвовать уже приобретенными индийскими владениями ради утверждения своей власти над западными провинциями и победы над Антигоном Одноглазым [Just., XV, 4]. В 305 г. до н. э. между Селевком и Чандрагуптой I (в античной традиции, Сандракотта или Андракотта) был заключен договор о союзе [Arg., Ind., V, 10; App., Syr. 55]¹, по которому в обмен на значительные территории Селевк получил 500 боевых слонов. Договор был скреплен браком дочери Селевка и Чандрагупты.

Селевк понимал, какую огромную пользу в предстоящей борьбе за наследие Алек-

сандра могут принести ему четвероногие гиганты; поэтому он проявлял большую заботу по отношению к этим животным. Селевк неоднократно устраивал торжественные шествия слонов, а для их содержания около Апамен на полноводной реке Оронт была выделена плодородная местность². Для жителей города слон стал предметом особой гордости, и они чеканили его изображение на своих монетах (см. вкл., рис. 13). Повышенное внимание Селевка к своим слонам не укрылось от его соперников, которые поспешили наградить его насмешливым прозвищем «элефантарх» («предводитель слонов») [Plut., Demet., 28; Athen., VI, 78; Diod., XIX, 44]³.

² «Здесь Селевк Никатор содержал 500 слонов и большую часть своего войска, так же как и позднейшие цари» [Strab., XVI, 2, 10; пер. Г. А. Страбонского].

³ Насмешки противников Селевка не спасли их от страшного поражения при Ипсе, отдавшего большую часть македонских завоеваний в руки «элефантарха». Звание элефантарха стало одним из самых высоких в государстве, основанном Селевком Никатором. Так, в битве при Магнесии (190 г. до н. э.) фалангой, ударной силой селевкидского войска, командовал элефантарх Филипп [Liv., XXXVII, 41, 1; App., Syr. 32] (*Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies* (168–145 BC). Vol. I: The Seleucid Army under Antiochus IV Epiphanes. Stockport, 1994. P. 28). При Деметрии I (162–150 гг. до н. э.) наместником в Иудее

¹ Переговоры о союзе между двумя сторонами вел Мегасфен, посол Селевка, в Паталипутре (в античной традиции, Палиботре), столице Маурьев. Он стал автором крупного сочинения об Индии, которое использовали впоследствии Страбон, Плиний и Арриан.

Селевк I Никатор (312–280 гг. до н. э.).
Голова мраморной статуи

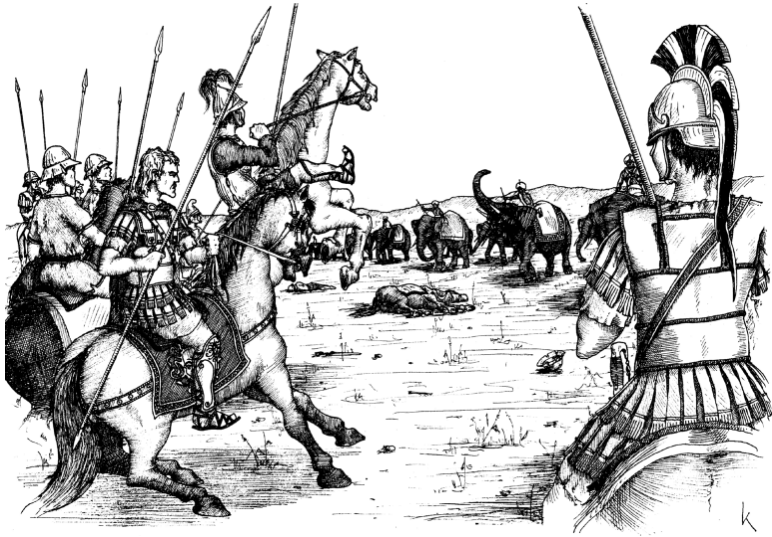
Деметрий Полиоркет (337–283 гг. до н. э.).
Мраморный бюст

Антигон Одноглазый, 84-летний полководец Александра, правил территориями в Греции и на островах Эгеиды, в Малой Азии и Сирии. Его сын Деметрий Полиоркет был смелым и талантливым полко-

водцем, основным сподвижником и наследником царства. Диадочи опасались амбициозных притязаний Антигона, поэтому они создали против него могущественную коалицию. Решающим сражением, определившим судьбу восточных территорий империи Александра, стала битва при Ипсе во Фригии (301 г. до н. э.). Это было крупнейшее сражение Античности по количеству слонов, принявших в нем участие [Plut., Demet. 28-30; Just., XV, 4; Diod., XX, 113; XXI, Excerpt. 2]. В совокупности обе стороны выставили около 500 животных!

Чтобы соединиться с армией союзников, Птолемей выступил из Египта, Кассандр — из Греции, но только Лисимах, направлявшийся с берегов Мраморного моря, успел привести свои силы на помощь Селевку. Таким образом, Антигону и Деметрию противостояла лишь часть войска коалиции. Силы были примерно равными, но перевес в слонах был на стороне союзников. Наиболее подробное описание битвы при Ипсе дает нам Плутарх. «У Антигона было собрано свыше 70 000 пехоты, 10 000 конницы и 75 слонов, у неприятелей — конницы на 500 клинков больше, слонов 400 да 120 боевых колесниц; пехоты, правда, всего 64 000... Завязался бой, и Деметрий во главе многочисленной и отборной конницы ударил на Антиоха, сына Селевка. Он сражался великолепно и обратил неприятеля в бегство, однако слишком увлекся преследованием и неуместное это честолюбие сгубило победу, ибо и сам Деметрий, возвратившись, уже не смог соединиться с пехотой — путь ему тем временем успели загородить вражеские слоны — и фаланга осталась без прикрытия, что, разумеется, не укрылось от взора Селевка, который, однако, не напал на пехотинцев, а только теснил их, грозя нападением и как бы призывая перейти на его сторону. Так оно и вышло: зна-

был назначен элевфантарх Никанор (Массаб. II, 14, 12), погибший впоследствии в битве с Маккавеями [Массаб., II, 15, 28].

Битва при Ипсе. Слоны препятствуют продвижению кавалерии Деметрия.

Рис. И. В. Кирсанова

чительная часть фаланги откололась и сдалась, остальные пустились бежать... Деметрий с 5000 пехоты и 4000 конницы почти без остановок бежал до Эфеса, и, меж тем как все опасались, что, испытывая нужду в деньгах, он разграбит храм, сам он, в свою очередь, боялся, как бы этого не сделали его солдаты, а потому без промедлений двинулся дальше и поплыл в Грецию, последние свои упования возлагая на афинян» [Demet., 28–30; пер. С. П. Маркиша]⁴.

Из описания Плутарха видно, что битва была выиграна союзниками только благодаря слонам, своевременно появившимся на пути вражеской кавалерии. Перед

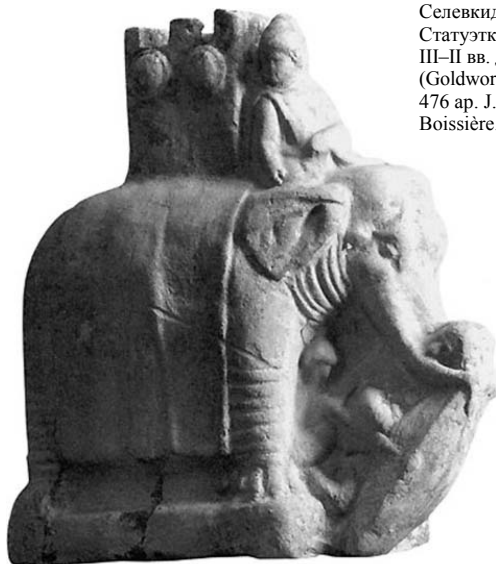
началом боя животные находились в тылу армии, играя роль тактического резерва, именно поэтому Деметрий сначала и не встретил их на своем пути.

Конец «великого элфантарха» был печален. Его убил, как было сказано выше, Птолемей Керавн. Слоны Селевка Никатора попали в руки его убийцы. Однако

Селевк I. Изображение на монете

⁴ Мы уже упоминали, что в этом сражении принял участие Пирр, будущий царь Эпира, который командовал одним из флангов армии Антигона [Plut., Demet. 30; Just., XV, 4; Diod., XX, 113; XXI, Excerpt. 1]; Kistler J. M. War Elephants. P. 81.

Селевкидский боевой слон, сражающийся с галатом. Статуэтка из некрополя Мирины (Малая Азия). III–II вв. до н. э. Терракота (Goldworthy A. *Les guerres romaines* (281 av. J.-C. — 476 ap. J.-C.) / trad. de l'anglais par M. Pécastaing-Boissière. Paris, 2000. P. 70)

Антиоху I, наследнику Селевка I, удалось сохранить некоторое количество этих животных, оказавших ему в дальнейшем огромную услугу в войне с галатами⁵.

Столкновение армии Антиоха с этими воинственными варварами произошло после их вторжения в Малую Азию в 276 г. до н. э. в пограничных районах Фригии. Войска Антиоха I численно уступали силам неприятеля, и единственное преимущество сирийского царя заключалось в том, что в его армии были слоны. Не решаясь вступить в битву со столь мощным противником, Селевкид уже готовился к отступлению. Его сподвижник родосец Теодат был смелым и в военном отношении опытным человеком. Он предложил царю дожидаться атаки галатов, а слонов

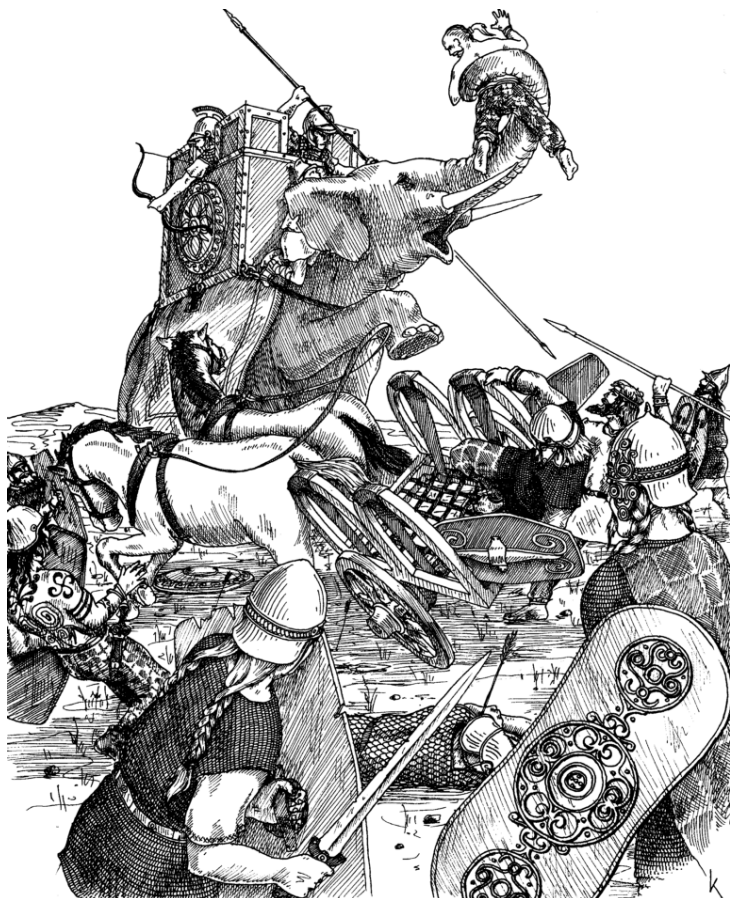
держат скрытыми за боевыми порядками и неожиданно ввести их в бой. Антиох послушался этого совета. Согласно рассказу Лукиана, варвары построились фалангой глубиной в 24 ряда; на каждом крыле их армии разместилась конница численностью 20 000 человек, а в середине строя было поставлено 80 серпоносных колесниц и вдвое большее число колесниц с парной упряжкой.

Более половины сил Антиоха составляла легкая пехота. Однако когда противник пошел в атаку, царь неожиданно ввел в бой слонов. «Ни сами галаты, ни кони их никогда раньше не видали слонов и были приведены неожиданным зрелищем в величайшее смещение. Еще задолго до приближения животных, услышав только их похрюкивание и увидев их бивни... галаты побежали в полном беспорядке...» [Luc., *Zeux. vel Ant.*, 8–10; cf. App., *Syr.* 65]. После разгрома варваров воины царя стали подносить ему

Антиох I (280–261 гг. до н. э.). Изображение на монете

⁵ Галаты, галлы по происхождению, в результате своих миграций переместились из Европы к границам Фригии. Смешавшись с азиатами и греками, которые жили в Малой Азии, они создали свое государство, получившее название Галатия, или Галлогреция.

Поражение галатов в битве с войсками Антиоха I.

Рис. И. В. Кирсанова

победные венки и чествовать как великого победителя. Однако сам Антиох был более сдержан. По сообщению Лукиана, он сказал: «Да будет нам стыдно, воины: только этим 16 животным мы обязаны нашим спасением, — если бы невиданное зрелище не поразило врагов, что мы с вами могли бы против них сделать?» [Лук., Зеух.

vel Ant., 11]. Антиох I, прозванный за свою победу *Сотером* (Спасителем), приказал даже вместо традиционного трофея поставить на месте сражения изображение слона.

Во время IV Сирийской войны Антиоха III с Птолемеем IV в 217 г. до н. э. состоялось крупное сражение при Рафии.

Антиох III (223–187 до н. э.).
Изображение на монете

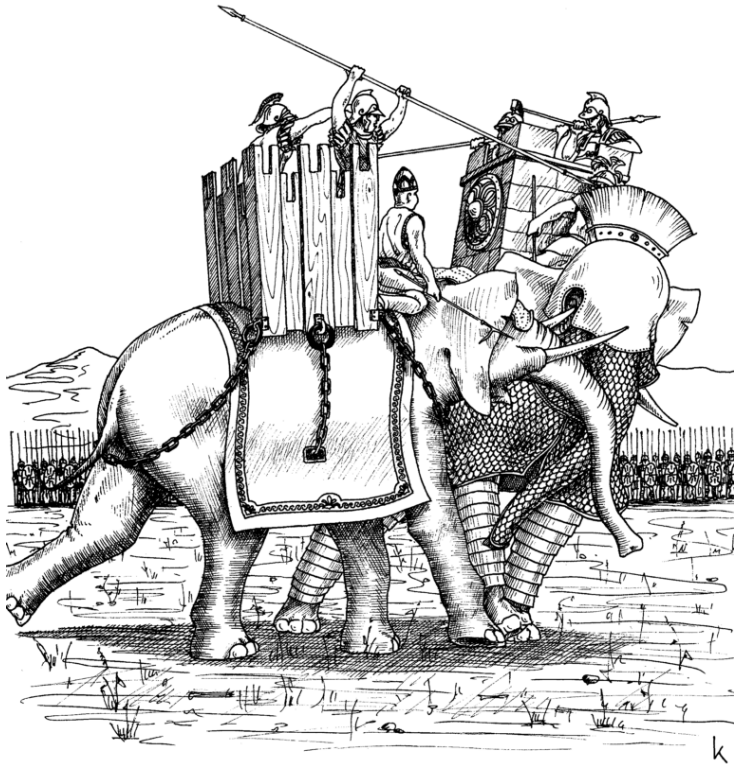
В военной истории слонов эта битва стоит особняком, так как это единственный известный описанный случай, когда индийские слоны сражались с африканскими.

О том, какова была диспозиция обеих армий и как разворачивался бой, говорит нам Полибий: «Лишь только Птолемей начал выводить свое войско из-за окопов, как Антиох сделал то же самое; тот и другой выстроили свои фаланги лицом к лицу и отборные отряды, вооруженные по-македонски. Что касается флангов, то Птолемей построил их следующим образом. Поликрат с подначальной ему конницей занял левый фланг. Между ним и фалангою стояли критяне подле самой конницы; вслед за ними царский агема, дальше пелтасты с Сократом во главе, примыкавшие к ливиянам в македонском вооружении. На правом фланге находился фессалиец Эхекрат с конницей; подле него с левой стороны стояли галаты и фракийцы; вслед за ними во главе эллинских наемников находился Фоксид, примыкая к египетским фалангитам. Сорок слонов стояли на левом фланге, которыми должен был командовать во время битвы сам Птолемей, тридцать три слона поставлены перед правым флангом вблизи наемной

конницы. Антиох поставил шестьдесят слонов под команду товарища детства Филиппа перед правым крылом, на котором сам царь желал вести битву против Птолемея отряда, за ними поставил две тысячи конницы под начальством Антипатра и присоединил к ним другие две тысячи, выстроенные дугою. В той же линии подле конницы поставлены были критяне, к ним примыкали наемники из Эллады, а между ними находились пять тысяч воинов из числа вооруженных по-македонски под начальством македонянина Биттака. Что касается построения левого фланга, то, прежде всего, на нем стояло две тысячи конницы под начальством Темисона, подле них поставлены кардаки и лидийские метатели дротиков, вслед за ними легковоруженные под начальством Менедема тысячи три человек, за ними киссии, мидяне и кармании, а подле них, примыкая к фаланге, арабы вместе с соседними народами. Остальных слонов Антиох поместил перед левым флангом под командою некоего Миниса, из числа приближенных к царю отроков» [Polyb., V, 82; пер. Ф. Г. Мищенко]⁶.

Полибий оставил нам красочное описание наиболее драматичного эпизода сражения — противоборства индийских и африканских слонов: «Когда Птолемей с сестрою достиг левого фланга всей линии, а Антиох с царским отрядом правого, они дали сигнал к битве и открыли ее слонами. Некоторые слоны Птолемея бросились на врагов; помещавшиеся на слонах воины доблестно сражались с башен; действуя

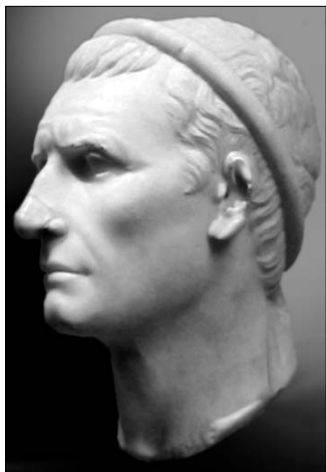
⁶ Существует гипотеза, согласно которой Птолемей выбрал место предстоящего сражения с таким расчетом, чтобы свести на нет численное преимущество сирийцев в слонах и легкой коннице. Поэтому он занял позицию, с двух сторон защищенную песчаными дюнами, и поставил своих слонов впереди флангов (Абакумов А. А. Боевые слоны... С. 15).

Сражение слонов при Рафии. Рис. И. В. Кирсанова

сариссами на близком расстоянии, наносили удары друг другу, но еще лучше дрались животные, с ожесточением кидаясь одни на других. Борьба слонов происходит приблизительно таким образом: вонзив друг в друга клыки и сцепившись, они напирают со всею силою, причем каждый желает удержать за собою занимаемое место, пока не одолеет сильнейший и не ответит в сторону хобота противника. Лишь только победителю удастся захватить побежденного сбоку, он ранит его клыками подобно тому, как быки рогами. Птолемеевы слоны большей частью страшились битвы, что бывает

обыкновенно с ливийскими слонами. Дело в том, что они не выносят запаха и рева индийских слонов, пугаются, как я полагаю, роста их и силы и убегают тотчас еще издали. Так случилось и теперь. В беспорядке звери стали теснить ряды своих же воинов, и под их напором агемаи Птолемея подался назад; тогда на Поликрата и его конницу ударил Антиох, обогнув слонов и приблизившись к неприятелю. В то же время по сю сторону слонов на пелтастов Птолемея ударили примыкавшие к фаланге эллинские наемники и выбили их из позиции, ибо ряды эти были

Антиох III Великий.
Голова мраморной статуи

уже расстроены слонами. Так все левое крыло Птолемея, теснимое неприятелем, отступило» [Polyb., V, 84; пер. Ф. Г. Мищенко]. Антиох стал опрометчиво преследовать противника, не заботясь о том, как разворачивались события на остальных участках фронта. В это время на правом крыле птолемеевские войска под командой опытного Эхекрата разбили сирийские отряды. Тогда сам Птолемей возглавил атаку своей фаланги. Сирийцы, оставшись без царя, дрогнули перед превосходящими силами противника. Ободренные командирами египетские войска наголову разбили центр армии Антиоха. Когда сирийский царь понял, что слишком увлекся преследованием, было уже поздно. Ему пришлось отступить к городу Рафии. Одержав победу, Птолемей IV по традиции, идущей от Александра, приказал принести в жертву Гелиосу четырех слонов и посвятил этому богу еще двух⁷.

Поллибий сообщает нам любопытные сведения результата битвы при Рафии: «Число павших воинов Антиоха было немного меньше 10 000 пехоты и больше 300 конницы; в плен попало более 4000 человек. Из слонов три остались на поле битвы, а два других пали от ран. На стороне Птолемея было убитых около 1500 человек пехоты и до 700 конницы; слонов пало 16, а большая часть захвачена неприятелем» [Polyb., V, 86, 5–6; пер. Ф. Г. Мищенко]. Несмотря на более значительные потери среди людей, Антиох все же получил в результате битвы несколько десятков слонов противника, некоторую компенсацию за свое личное мужество, проявленное в бою.

В дальнейшем Антиох значительно увеличил мощь своей армии, пополнив ее боевыми слонами, добытыми во время похода на Восток. Большое количество этих животных досталось сирийскому царю по условиям мира, заключенного с греко-бактрийским правителем Евтидемом I. В Индии он вступил в союзные отношения с Софагасеном, который дал ему еще несколько десятков слонов. Всего Антиох привел в Сирию 150 четвероногих гигантов [Polyb., XI, 34]. Готовясь к войне с римлянами, царь потребовал, чтобы из Индии ему было приведено дополнительное количество этих зверей (Liv., XXXV, 32, 4).

Когда сирийские войска переправились в Европу, Антиох подошел к городу Ларисе. Желая внушить жителям страх и заставить их сдаться, царь выставил впереди слонов, а за ними построил в виде каре всю остальную армию [Liv., XXXVI, 10, 4]. Однако он ничего не добился этой демонстрацией и вынужден был отступить из страха перед наступающими римлянами. Чтобы задержать их продвижение, Антиох попытался укрепиться в горах и закрыть Фермопильский проход.

⁷ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 75.

Но и здесь его постигла неудача, и он был вынужден бежать, сохранив при себе из десяти тысячной армии всего 500 человек [Liv., XXXVI, 19, 11]. Во время беспорядочного бегства сирийцев слоны оказали им заметную услугу: поскольку они замыкали строй, то препятствовали римлянам преследовать неприятеля; римской пехоте невозможно было обойти гигантских животных, а лошади пугались их и сеяли сумятицу среди собственных войск. В конечном итоге римляне перебили всех сирийских слонов [Liv., XXXVI, 19, 4–6].

В битве при Магнесии, ознаменовавшей конец войны Антиоха с римлянами (190 г. до н. э.), в армии селевкидского царя оставалось уже только 54 слона [Liv., XXXVII, 39, 12]. Подробное описание этого сражения, и в частности диспозиции сирийской армии, дает нам Тит Ливий: «Царский строй был гораздо пестрее из-за множества племен и различий в вооружении и видах вспомогательных частей. Шестнадцать тысяч были вооружены по македонскому образцу, такие воины называются фалангиты. Это была середина строя. Царь разбил их по переднему краю на десять частей, расположив таким образом, что в каждом промежутке стояло по два слона. В глубину это построение достигало тридцати двух рядов. Это был цвет царского войска. Вид его и вообще-то внушал трепет, но особенный ужас навели слоны, громадами возвышавшиеся среди воинов. Они сами были чудовищны, но впечатление еще усиливалось от наlobной брони с султанами и расположенных на спинах башен, в каждой из которых помимо вожатого стояло по четыре воина. Справа от фаланги царь расположил 1500 галлогреческих пехотинцев, а к ним присоединил 3000 закованных в броню всадников, называемых катафрактами. К этим была добавлена ала из при-

мерно тысячи всадников, которая зовется агема. То были отборные мужи из мидийцев и смешанная конница от разных племен этой же области. К ним примыкал отряд слонов, стоявший в запасе» [Liv., XXXVII, 40, 1–6; пер. С. А. Иванова].

Военные историки давно уже отмечали, что подобное построение сирийской армии лишено всякого здравого смысла. Зачем Антиоху было дробить свою фалангу? Г. Дельбрюк справедливо полагает, что расчленение фаланги сделало бы ее совершенно беспомощной против натиска римской пехоты, поскольку противнику было бы достаточно ворваться в один из интервалов, чтобы привести в замешательство весь боевой порядок. Еще большее недоумение вызывают слоны, размещенные между звеньями фаланги. Как отмечает немецкий историк, во время сражения эти животные не стоят на месте, но мечутся в разные стороны и легко могут смять собственные войска. Поэтому исследователь решительно отвергает саму возможность подобного построения, считая его вымыслом⁸. Впрочем, расчленению сирийской фаланги на отдельные звенья можно, как кажется, дать вполне логическое объяснение. По всей видимости, Селевкид имел возможность оценить достоинства римского манипулярного строя, и, желая сделать фалангу более гибкой и подвижной, разделил ее на 10 отрядов, подобно римскому легиону, распадавшемуся по фронту на 10 манипулов. Такой способ неоднократно использовался и ранее: он позволял устранить инертность, в которой упрекали фалангу, приспособить ее к условиям местности и сделать более пригодной для маневрирования⁹. При подобном построении

⁸ «Вероятно, и это относится к измышлению автора, которому мы обязаны повествованием обо всем сражении» (Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 293).

⁹ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 322–323.

Битва при Магнесии. Римляне отражают атаку сирийских слонов.

Рис. И. В. Кирсанова

каждое звено фаланги могло действовать самостоятельно, если бы удалось надежно прикрыть его фланги. Легкая пехота в данной ситуации была совершенно непригодна, поскольку сразу бы обратилась в бегство под натиском римских легионеров. Небольшие отряды кавалерии, лишенные возможности маневра, также оказались бы неэффективными. Поэтому царь поставил в интервалах слонов, вероятно, придав им отряды стрелков. Таким образом он рассчитывал создать новый боевой порядок, сочетавший в себе подвижность римского легиона и ударную мощь македонской фаланги. Однако произошедшее сражение показало, что теоретические расчеты Антиоха не оправдали себя. Слоны оказались ненадежным прикрытием для звеньев фаланги, и когда римляне обратили в бегство этих четвероногих, то судь-

ба самой фаланги была решена, а с ней и судьба сражения¹⁰.

¹⁰ «Любой здравомыслящий человек, который увидел бы обе армии до начала сражения, легко догадался бы, на чьей стороне будет победа: с одной стороны были войска однородные, дисциплинированные, закаленные в боях, с другой — шумная толпа варварских народов, не знакомая с настоящими принципами войны и не связанная единством действий. Мы не слишком ошиблись бы, сказав, что многочисленность сирийцев была причиной их потерь; и мы можем применить это суждение в отношении почти всех военных событий, где армии варварских народов имели дело с тактикой цивилизованных наций. Если бы Антиох ограничился тем, что развернул в линию свою фалангу, если бы из отборных отрядов своей кавалерии он образовал фланги, укрепил все это лучшими из имевшихся у него легких войск, колесницами и слонами, то его армия количественно превосходила бы римскую и была бы не намного хуже последней качественно; возможно, Антиоху удалось бы одержать над римлянами верх, и уж во всяком случае он заставил бы

Вторая возможная причина такого построения фаланги и слонов могла заключаться в том, что во II в. до н. э. эллинистические армии окончательно приобрели полуазиатский образ вооружения и организации. Достаточно вспомнить построение армии Пора в битве при Гидаспе, где был применен именно такой вариант сочетания пешего строя с боевыми слонами, возвышающимися над пехотой, словно башни крепости над простенками между ними. Поэтому вполне вероятно, что в данном случае сирийская армия была построена в соответствии с традиционной практикой, получившей распространение на Востоке.

В борьбе со слонами римляне применяли те же приемы, которые были использованы македонянами при Гидаспе. Но если солдаты Александра столкнулись тогда впервые с этими гигантскими животными, то римские ветераны имели уже большой опыт, приобретенный за время Второй Пунической войны. История повторилась: вновь завоеватели, пришедшие с запада,

их дорого заплатить за свою победу. К тому же ему надлежало оставить сильный резерв из пехоты, кавалерии и слонов, способный действовать самостоятельно и остановить победителей, уже торжествовавших победу. Он допустил большую ошибку, удвоив глубину своей фаланги, поскольку построение в 32 человека делало бесполезной половину этого корпуса, элиты его армии. Согласно установившейся традиции, глубина фаланги составляла только 16 человек, иногда даже 12 человек, такова была диспозиция спартанцев в битве при Левктрах. Если бы Антиох последовал этому правилу, то смог бы по крайней мере удвоить фронт центра своего строя, что дало бы ему огромное преимущество ввиду того, что, как мы сказали, эта часть его армии была лучшим из того, что он мог противопоставить неприятелю. К тому же фаланга, более свободная в своих действиях, могла попытаться каким-то образом маневрировать и расстроить атаки римлян; между тем, стоя сдавленной массой, что имело место, она теряла возможность защищаться и была обречена на уничтожение» (*Armandi P. D. Histoire militaire...* P. 326–328).

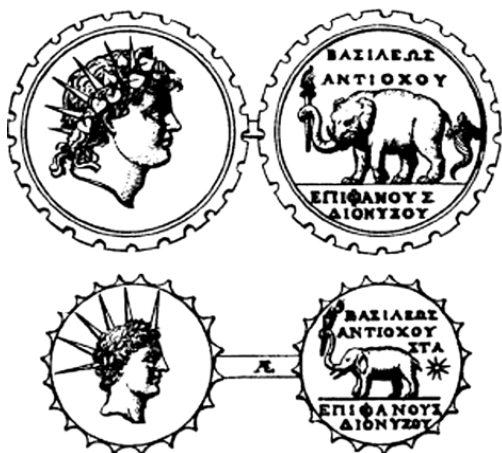
победили восточную армию, в составе которой были слоны.

После поражения при Магнесии по условиям Апамейского мира Антиох III не только отказывался от части своих владений, выплачивал победителям значительную контрибуцию, лишился военного флота (кроме 10 кораблей), но также должен был выдать всех своих слонов и более не содержать их [Polyb., XXI, 45, 12]¹¹. Само место подписания мира, возможно, было выбрано не случайно. Апамея, основанная Селевком I, стала символом военной мощи Сирийского царства. Заключенный здесь договор знаменовал собой в глазах римлян и их союзников крушение могущества Селевкидской державы. Тем не менее уже Антиох IV Эпифан (175–164 гг. до н. э.) нарушил условия договора с римлянами и вновь обзавелся боевыми слонами. Сирийский царь начал войну Птолемеем VI и вторгся в Египет «с сильным ополчением, с колесницами, и слонами, и всадниками, и множеством кораблей...» [Maccab., I, 1, 17]. Лишь вмешательство Рима спасло государство Лагидов от разгрома.

Согласно Полибию, Антиох Эпифан, демонстрируя силу и богатство своего царства, устроил празднества и игры в Дафне [Polyb., XXXI, 3, 1]. Во время торжественного шествия царь показал народу одну колесницу, которую везли четыре слона, другую, запряженную парой слонов, и, кроме того, еще 36 слонов в полном вооружении [Polyb., XXXI, 3, 11].

У Антиоха V Эвпатора (163–162 гг. до н. э.) также были боевые слоны, которых

¹¹ Слоны стали в данном случае своего рода аналогом оружия массового поражения в Новейшей истории. Достаточно вспомнить, что проигравшей Первую мировую войну Германии запрещалось иметь военный флот, аэропланы, танки, крупнокалиберную артиллерию, отравляющие газы.

Монеты Антиоха Эпифана с изображением слонов-факелоносцев (Cuperus G. De elephantis in nummis obviis. Hagae Comitum, 1719. P. 248)

и в каждой из них по тридцать два сильных мужа, которые сражались на них, и при слоне индеец его» [Massab., I, 6, 35–37].

Однако римляне не желали спокойно смотреть, как возрастало могущество сирийских царей. Поэтому ко двору Антиоха V было отправлено посольство, которое должно было потребовать выполнения условий Апамейского договора. Царю пришлось перебить всех имевшихся у него слонов и сжечь военные корабли [App., Syg. 46]. Впрочем, спустя некоторое время Селевкиды вновь нарушили соглашение с Римом и обзавелись этими животными. Известно, что при Деметрии II у сирийцев были слоны. С их помощью во время восстания в 140 г. до н. э. Трифон овладел Антиохией [Massab., I, 11, 56]. Видимо, вплоть до крушения Сирийского царства Селевкиды не желали отказываться от этого боевого средства. Тем не менее утрата контроля над восточными территориями окончательно лишила династию связей с Индией, поэтому римлянам не было больше необходимости требовать от наследников Селевка Никатора соблюдения условий договора, подписанного в Апамене.

он использовал в походах на Маккавеев. По данным Ветхого Завета, в этих войнах приняло участие 32 четвероногих гиганта [Massab., I, 6, 30]. Здесь же дается наглядное описание того, как использовали сирийцы своих слонов во время сражения: «...разделили этих животных на отряды и приставили к каждому слону по тысяче мужей в железных кольчугах и с медными шлемами на головах, сверх того по пятисот отборных всадников назначено было к каждому слону. Они становились заблаговременно там, где был слон, и куда он шел, шли и они вместе, не отставая от него, притом на них были крепкие деревянные башни, покрывавшие каждого слона, укрепленные на них помочами,

Тетрадрахма Селевка I, посвященная победе при Ипсе (301 г. до н. э.)

На аверсе изображение головы Зевса; на реверсе — Афины на колеснице, запряженной слонами (Houghton A., Loeber C. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002. № 130-10b)

Тетрадрахма Селевка I, посвященная победе при Ипсе (301 г. до н. э.)

На аверсе изображение головы Зевса; на реверсе – Афины на колеснице, запряженной двумя рогатыми слонами (Houghton A., Loeber C. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2.* New York; Lincoln; London, 2002. № 177-1b)

Интереснейший образец античной нумизматики — бронзовая эмиссия монет с головой рогатого слона

На аверсе Дионис изображен в тюрбане, чтобы подчеркнуть ориентализацию сюжета. Бог выступает здесь как покоритель Индии. В его руке анк, стрелало для управления слоном. Дионис был покровителем корпуса боевых слонов у Селевка I. Данная эмиссия могла специально предназначаться для воинов этого подразделения. Она была выпущена не ранее конца 280-х гг. до н. э. Чекан относится к Антиохии на Оронте или Апамее. Возможно,

скала, на которой сидит Дионис, является Кавказом Индийским (в представлении древних) (Houghton A. *Coins of the Seleucid Empire from the Collection of Arthur Houghton.* New York, 1983. № 12; Houghton A., Loeber C. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2.* New York; Lincoln; London, 2002. № 25; Houghton A., Spaer A. *Sylloge Numorum Graecorum. Israel I. The Arnold Spaer Collection of Seleucid Coins.* London, 1998. № 32; Newell E. T. *The Coinage of the Western Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III* // *Numismatic Studies.* № 4. New York, 1977. № 929. Houghton A., Loeber C. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2.* New York; Lincoln; London, 2002. № 25)

Бронзовая монета Антиоха I

Аверс представляет собой изображение щита, в центре которого находится якорь¹²; на реверсе изображен рогатый слон вправо (Newell E. T. *The coinage of the Western Seleucid Mints. From Seleucus I to Antiochus III.* New York, 1941. № 943)

¹² Якорь был символом рода Селевкидов, и его изображение встречается на многих монетах сирийских царей. Происхождение этого символа связывают с легендой, которую передает Юстин. Мать Селевка I Лаодика «увидела во сне, что зачала, совокупившись с Аполлоном, что, став беременной, она получила от него в дар за то, что отдалась ему, перстень, на котором было вырезано [изображение] якоря, и что бог повелел ей отдать этот дар сыну, который у нее родится. Особенно удивительным показалось видение Лаодики, когда на следующий день на ее ложе был найден перстень с таким точно изображением, и еще более, когда на бедре новорожденного ребенка оказалось родимое пятно в форме якоря» [Just., XV, 4; пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского].

Драхма Антиоха III

На аверсе изображение царя в диадеме; на реверсе — слон (Houghton A., Loeber C. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2.* New York; Lincoln; London, 2002. № 1065-1)

Бронза Антиоха IV с головой слона и изображением, вероятно, Лаодики IV

Была отчеканена в Птолемаиде (совр. Акко) между 175–164 гг. до н. э. (Houghton A., Loeber C., Hoover O. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part II. Vol. 1–2.* New York; Lincoln; London, 2008. № 1477k; существует вариант этой эмиссии из Селевкии в Пнирии, на что указывает монограмма на реверсе (Houghton A., Spaer A. *Sylloge Numorum Graecorum. Israel I. The Arnold Spaer Collection of Seleucid Coins.* London, 1998. № 1017–1040); есть также вариант этой эмиссии с буквой A на аверсе над головой Лаодики (Gardner P. *Catalogue of the Greek coins in the British Museum. Vol. 4: The Seleucid Kings of Syria.* London, 1878 (reprinted Bologna, 1963). P. 43. № 3)

Бронзовая монета Антиоха VI Эпифана, отчеканенная в Антиохии на Оронте около 144–142 гг. до н. э.

На аверсе изображение царя; на реверсе — слон (Houghton A., Lorber C., Hoover O. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part II. Vol. 1–2.* New York; Lincoln; London, 2008. №2006c; Houghton A., Spaer A. *Sylloge Numorum Graecorum. Israel I. The Arnold Spaer Collection of Seleucid Coins.* London, 1998. № 1774–1776; Houghton A. *Coins of the Seleucid Empire from the Collection of Arthur Houghton.* New York, 1983. № 249–250; Gardner P. *Catalogue of the Greek coins in the British Museum. Vol. 4: The Seleucid Kings of Syria.* London, 1878 (reprinted Bologna, 1963). P. 66. № 42–44. Pl. XIX, 12)

Бронзовая монета Александра I Баласа (Сузы)

На аверсе изображение царя; на реверсе — слон, на котором сидит корнак (Le Rider G. *Suse sous les Seleucides et les Parthes. Les Trouvailles Monétaires et L'Histoire de la Ville.* Paris, 1967. Pl. IXVII, № 27–28)

2. БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АРМИИ ЛАГИДОВ

В египетской армии, так же как и в сирийской, всегда содержали боевых слонов. Уже Птолемей Лаг обладал некоторым количеством этих животных¹³. Отлов и доставка в Александрию слонов стали одной из главных забот первых Лагидов. «Можно сказать без преувеличения, что вся африканская политика Птолемея I и его сына была подчинена добыче слонов»¹⁴. Чтобы организовать поставки этих зверей в свою армию, Птолемей II Филадельф (282–246 гг. до н. э.) предпринял исследование отдаленных областей Африки. По его приказу во внутренних районах континента были основаны египетские колонии, которые должны были заниматься отловом слонов¹⁵. Значительное число судов под руководством Аристана, Сатира, Тимосфена было отправлено вдоль берегов Аравийского залива. Целью этих мероприятий было исследование местности для колонизации, знакомство с туземцами и выяснение вопроса о месте обитания гигантских животных¹⁶. Сатир

Птолемей I Сотер (305–383 гг. до н. э.).
Мраморный бюст

стал основателем первой птолемеической колонии на Красном море. Он назвал ее Филотера, в честь сестры царя. Тимосфен описал другие области африканского

Птолемей II и его сестра Арсиноя.
Изображение на камее

¹³ Scullard H. H. *The Elephant in the Greek and Roman World*. Cambridge, 1974. P. 80–81.

¹⁴ Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 20.

¹⁵ Отлов слонов был очень тяжелым и опасным предприятием. Диодор сообщает, что Птолемей II расплачивался золотом с теми, кто занимался этим промыслом [Diod., III, 36, 3]. Ловцы слонов получали столько же, сколько получали писцы высшего разряда. Несмотря на щедрую оплату, добровольцев, по-видимому, не хватало. Существует мнение, что Птолемеи сделали отлов слонов обязательной повинностью, которая была возложена на египетское население (Абакумов А. А. Боевые слоны... С. 12).

¹⁶ Известно, что сами коренные жители Африки никогда не использовали слонов в военных целях

и лишь охотились на них ради еды (Kistler J. M. *War Elephants*. P. 72).

Птолемей II и Арсиноя.
Изображение на монете

Птолемей III.
Изображение на монете

побережья и отправил эти сведения царю [Strab., XVI, 4, 5; Pompon. Mela, III, 8; Agatharchid., NH, Plin., VI, 33]. Целью второй экспедиции было основание колонии для приобретения слонов и их переправки в Александрию. Ее возглавил Эвмед, опытный и смелый мореплаватель. От порта Арсиноя (Суэц) он отправился на юг, к берегам, наиболее близким от мест обитания этих животных. Им была заложена колония Птолемея Эпитера (Птолемея Охотничья) вблизи озера Монолей. Возведя укрепления и устроив порт, Эвмед начал переговоры с местным населением о службе в качестве проводников.

На юге Египта Птолемеем II была заложена колония Саба, а на мысе Дире был основан город Береника Эпидира. Агатархид, Страбон и Плиний упоминают об этих поселениях, располагавшихся в непосредственной близости от внутренних областей Африканского континента, где отлавливались и временно содержались слоны. Цепь приморских городков протянулась до Филотеры и Миос-Гормоса и служила транзитными базами между морем и приморскими областями Эфиопии. От Верхнего

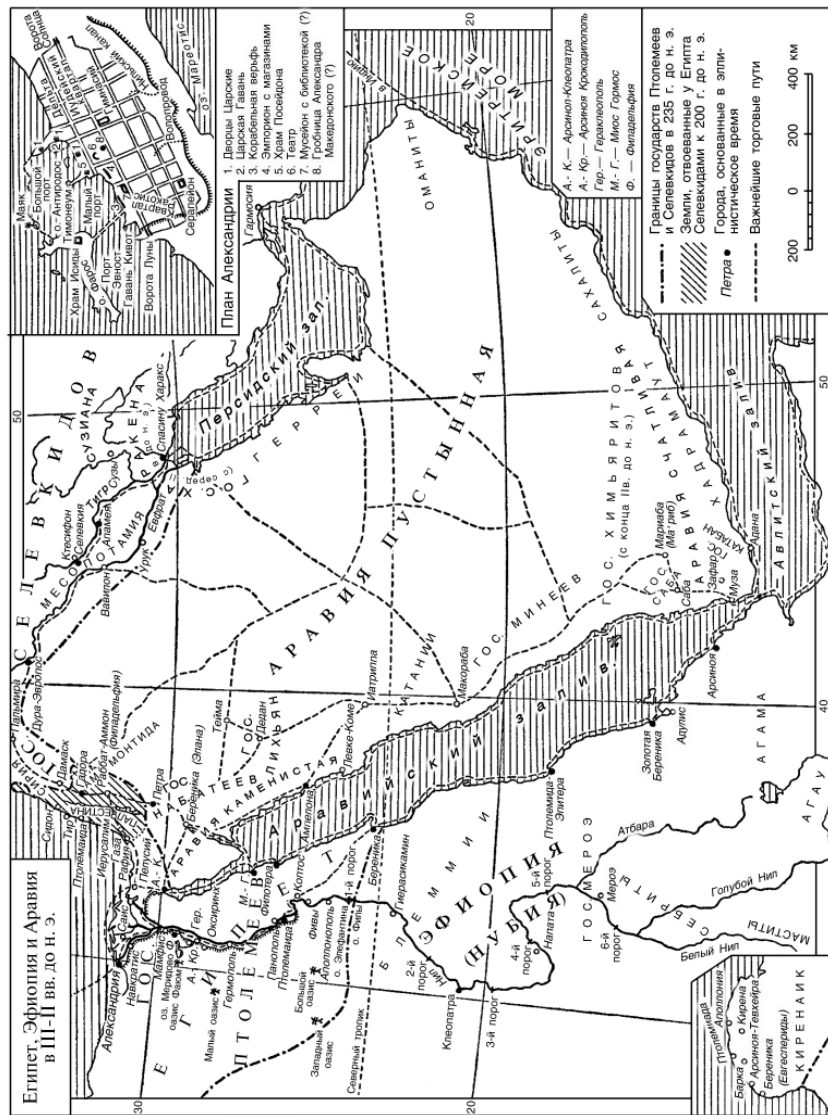
Египта через пустыню к берегам Красного моря были проложены две дороги. Один путь заканчивался у порта Миос-Гормос, а другой — у порта Береника.

Именно греки первыми научились приручать и дрессировать африканских слонов. Отловленных в глубинах Африки животных доставляли в Александрию на больших беспалубных кораблях, получивших название «слоноперевозчики»¹⁷.

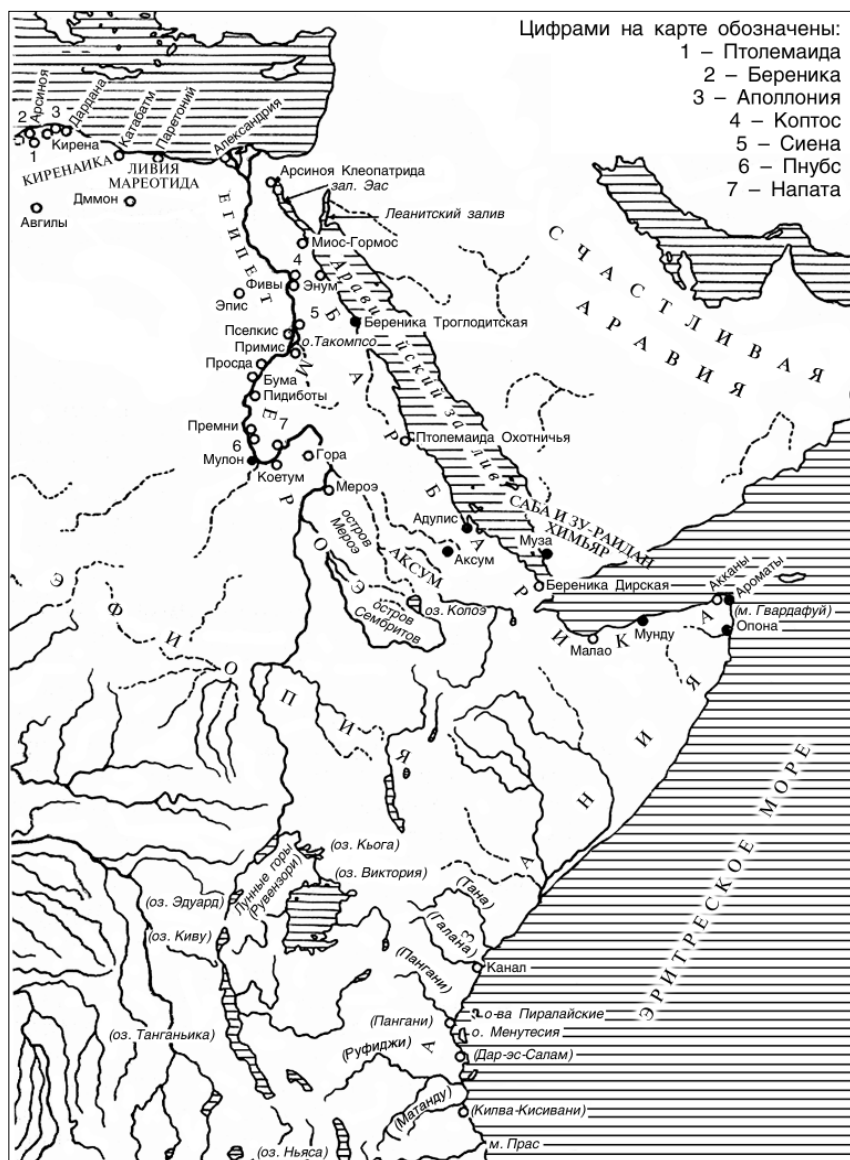
За свое долгое царствование Птолемей II смог собрать 400 четвероногих гигантов¹⁸. Обладая значительным войском и большим числом боевых слонов, преемник Птолемея II Птолемей III Эвергет (246–222 гг. до н. э.) добился успеха в войне против Селевка Каллиника. Во время III Сирийской войны египетские войска даже захватили столицу Селевкидов Антиохию на Оронте, покорили всю Финикию и Сирию и вторглись на север Месопотамии. Лагиду досталась богатая добыча, в том числе значительное количество

¹⁷ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 84.

¹⁸ Дж. М. Кистлер полагает, что это было общее число животных, а не только боевые слоны (Kistler J. M. War Elephants. P. 73).

Карта Египта, Эфиопии и Аравии в III-II вв. до н. э.

индийских слонов, которые пополнили стойла в Александрии [Hieronym., Dan. II; Diod. III, 18; 41].

Птолемей Эвергет продолжил создавать поселения в Африке. Согласно Диодору, по его приказу полководец Симмий посетил эфиопские приморские города и проинспектировал процесс отлова слонов. Египетский царь лично возглавил экспедицию во внутренние районы континента и распространил свое влияние до самых отдаленных уголков Эфиопии¹⁹. При Птолемее Эвергете отлов этих животных стал производиться в еще более широких масштабах. Возможно, со времени его правления их стали доставлять в Александрию по суше, что было менее опасно и менее дорого, чем по морю.

Птолемей IV Филопатор (222–205 гг. до н. э.), наследник Птолемея III, имел в своем войске 500 слонов, однако только 73 из них, вероятно, наиболее сильные и хорошо подготовленные, принимали участие в битве при Рафии²⁰. Этот царь хотел использовать гигантских четвероногих в качестве палачей непокорных иудеев. Для этого он «призвал Ермона, заведывавшего слонами, и приказал на следующий день всех слонов, числом пятьсот, накормить ладаном в возможно больших приемах и вдоволь напоить цельным вином, и когда они рассвирепеют от данного им в избытке питья, вывести их на иудеев, обреченных встретить смерть» [Massab., III, 5, 1].

Несколько раз Ермон выполнял полученный от Птолемея приказ, но каждый раз царь не решался начинать расправу. И все же роковой день настал. «А начальствующий над слонами, приведя зверей,

Птолемей IV.
Изображение на монете

можно сказать, в бешеное состояние благоуханным питьем вина, приправленного ладаном, вооружил их страшными орудиями, и рано утром, когда уже бесчисленные толпы стремились из города на конское ристалище, пришел он во дворец и напомнил царю о том, что предстояло исполнить. Царь же, полный сильного гнева, с нечестивым замыслом, вышел целым походом со зверями, желая в жестокости сердца видеть собственными глазами плачевную и бедственную гибель упомянутых людей. Когда иудеи увидели пыль, поднимающуюся от слонов, выходивших из ворот, и следовавшего с ними вооруженного войска, и также от множества народа, и услышали сильно раздававшиеся клики, то подумали, что настала последняя минута их жизни и конец их несчастнейшего ожидания» [Massab., III, 5, 30–32]. Когда царь со слонами и войском пришел на ристалище, где должна была начаться экзекуция, за обреченных на смерть вступились небесные силы. «Тогда слоны обратились на сопровождавшие их вооруженные войска, попирали их и убивали. Гнев царя превратился в жалость и слезы о том, что пред

¹⁹ Существует надпись из Адудиса в Эфиопии с указанием его имени. Она была впервые опубликована в 1631 г. Л. Аллатиусом (*Armandi P. D. Histoire militaire...* P. 86).

²⁰ Ibid. P. 87.

Терракотовая статуэтка из эллинистического Египта, изображающая боевого слона, на котором сидит воин в тяжелом вооружении (Para bellum. 2008. № 29. С. 17)

Терракотовая статуэтка из эллинистического Египта, изображающая боевого слона (II в. до н. э.) (Para bellum. 2008. № 29. С. 19)

Терракотовая лампа из эллинистического Египта, изображающая боевого слона (II в. до н. э.) (Para bellum. 2008. № 29. С. 15)

тем он ухищрялся исполнить». Птолемей вынужден был помиловать иудеев и даже устроить им пиршество [Massab., III, 6, 15–36]²¹.

Последнее свидетельство присутствия в египетской армии слонов относится ко временам Птолемея VI Филометра (180–145 гг. до н. э.). Именно эти животные стали причиной гибели царя. После победы у Антиохии над Александром Баласом лошадь Птолемея, напуганная ревом одного из четвероногих гигантов, сбросила своего наездника так, что тот, ударившись о землю, сразу же скончался²².

Как выглядели боевые слоны Птолемея? Были ли в их вооружении какие-либо отличительные особенности? Н. Секунда реконструирует вооружение боевого слона Птолемея на основе одной терракотовой статуэтки птолемеяской эпохи. Статуэтка изображает украшенное гиляндами животное, на спине которого находится башня в виде деревянной клетки. Такая башня вряд ли имела военное назначение; более вероятно, что подобные сооружения устанавливались на слонах в мирное время для проведения какой-либо торжественной церемонии²³. По-видимому, башни и вооружение слонов Птолемея мало чем отличались от тех, которые использовались в армии Селевкидов или других государств того времени. Так, например, относящаяся к тому же периоду терракотовая лампа в виде фигуры боевого слона очень сильно напоминает селевкидскую статуэтку из некрополя Мирины с той лишь разницей, что широкие

²¹ См.: Kistler J. M. War Elephants. P. 182.

²² Armandi P. D. Histoire militaire... P. 88.

²³ Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168–145 BC. Vol. 2. Ptolemaic Army under Ptolemy VI Philometor. P. 72. Fig. 123, 124.

уши и выступающий лоб слона указывает на его африканское происхождение.

Известно, что должность эфепантарха просуществовала в государстве Птолемея вплоть до конца его истории [Flav., *Jud.*, XIII; *Massab.* III, 5, 1]. Когда римляне стали повелителями Египта, они продолжили отлов слонов, организованный Птолемеями, и доставляли их по морю. Псевдо-Арриан сообщает, что центром торговли слоновой костью был город Аксум в Эфиопии и этот товар привозили в порт Адулис (*Pers. mar. Eryth.*).

Существует мнение, что после поражения египетских слонов в битве при Рафии Птолемеи перестали придавать большое значение слонам африканского происхождения и использовали их лишь для торжественных церемоний. Боевыми животными служили те немногие индийские слоны, которые могли находиться в распоряжении египетских царей²⁴. Но сражение при Рафии было не первым столкновением египетской и сирийской армий. Очевидно, что и ранее Птолемеям не раз случалось выводить своих слонов против индийских слонов Селевкидов. Каков бы ни был результат, Птолемеи не прекращали предпринимать усилия по отлову слонов. Вероятно, причина исчезновения этих животных из египетской армии была другая и не зависела от их якобы низких боевых качеств. Прежде, чем отправлять охотничьи экспедиции в глубины Африки, египетским царям было необходимо как-то договариваться с правителями Мероз²⁵ (Эфиопии), поскольку слоны водились в самом сердце этой страны на острове Мероз. Экспедиции на мероитскую территорию предпринима-

лись неоднократно, и это, вероятно, способствовало тому, что и сами туземцы научились от египтян использовать слонов в военных целях. Арриан в «Искусстве войны» даже сообщает, что эфиопы умели дрессировать слонов еще до македонян [Арт., *Ars tactica*, II, 2]. Впрочем, подобная информация представляется маловероятной²⁶. Однако эфиопы очень быстро переняли египетский опыт. Характерно, что погонщики слонов в птолемеянской армии были, по всей видимости, неграми. Так, на росписи гробницы в Мириссе (Шисбет Мераса, Палестина) изображен боевой слон, а рядом с ним негр-корнак, держащий в руках стрелало²⁷. В Риме жокаками слонов также были эфиопы. «Крошечный эфиоп приказывает, чтобы слон опустился на колени», — сообщает Сенека [Seneca, *Epist.*, LXXXV]²⁸. Марциал утверждает, что «слон во всем подчиняется погонщику-негру» [Martial., I, 104]²⁹.

Уже в III в. до н. э. эфиопы обзавелись боевыми слонами. На стене храма Апедемака в Мусавварат эс-Суфре, возведенного царем Арнекамани (235–218 гг. до н. э.), можно видеть покрытых попонами слонов, которые сопровождают пленных³⁰. По-видимому, именно тот факт, что правители Мероз увидели в этих животных очень ценное военное средство, привел к тому, что они перестали спокойно относиться к охотничьей деятельности Птолемея. Лишив египтян доступа на свою территорию и преградив им путь в глубины Африки, эфиопы тем самым нанесли непоправимый ущерб военному потенциалу Птолемея Египта.

²⁴ Armandi P. D. *Histoire militaire*. ... P. 87.

²⁵ Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка. С. 20. Проблемы с отловом слонов начались уже при Птолемеи II. Именно поэтому египтянам приходилось уходить все дальше и дальше на юг (Абакумов А. А. Боевые слоны... С. 12).

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 22.

²⁸ «Elephantem minimus Aethiops jubet subsidere in genua».

²⁹ «Nigro bellua nil negat magistro».

³⁰ Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка. С. 21.

Тетрадрахма Птолемея I

На аверсе изображен Александр в шлеме в виде головы слона; на реверсе — сражающаяся Афина и орел, держащий в лапах молнию (Svoronos J. N. Τα νομίσματα του Κρατους των Πτολεμαίων (Ptolemaic Coins). Athens, 1904. № 43)

Драхма Птолемея I

На аверсе изображен Александр в шлеме в виде головы слона; на реверсе — Зевс, на руке которого сидит орел (Svoronos J. N. Τα νομίσματα του Κρατους των Πτολεμαίων (Ptolemaic Coins). Athens, 1904. № 24)

Бронзовая монета Птолемея V

На аверсе изображен Александр в шлеме в виде головы слона; на реверсе — птолемеевский орел (Sear D. R. Greek Coins and Their Values. Vol. 2: Asia and Africa. London, 1979 (reprinted 2000). № 7883)

Эфиопы продолжали использовать боевых слонов еще в IV в. н. э. Однако позднее по какой-то причине они отказались от этого, и уже в начале VI в. искусство дрессировки четвероногих гигантов было ими забыто. Косма Индикоплов, прибывший в Адулис в 518–519 гг., сообщает по этому поводу следующее: «Эфиопы не знают искусства приручения слонов, но, если царь пожелает иметь одного или двух для представлений, они ловят их, пока они молоды, и воспитывают их. Ныне страна обзобилует ими...»³¹.

³¹ Цит. по: Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка. С. 21. Тем не менее у нас есть данные, позволяющие утверждать, что в конце VI и VII в. эфиопы вновь стали использовать боевых слонов. Эти обрывочные сведения были собраны в книге П. Д. Арманди. В 569 г. христианский правитель Абиссинии Абраах аль-Ашиам попытался завое-

вать Мекку и выступил в поход с армией, в которой находилось большое количество слонов. Сам он ехал на одном из этих животных, которого звали Махмуд или Махамуди (Armandi P. D. Histoire militaire... P. 546–547). Описание поражения армии Абрааха вошло в Коран, где одна из глав, посвященных этому сюжету, так и названа: «Сурат-аль-Фил» («Глава слонов») (Ibid. P. 547). В 640 г. нубийцы пришли на помощь египетским христианам, угнетаемым арабами и привели с собой 1300 боевых слонов (Ibid. P. 547). Наконец, согласно свидетельству испанского путешественника XVI в. Мармоля, «отправляясь на войну, эфиопы сооружали деревянные замки на спинах слонов, откуда метали стрелы, камни и дротики» («Quando los Ethiopos van a la guerra, eleven hechos Castillos de madera sobre los elefantes, y desde encima pelean diez y doze nombre con saetas, piedras, y dardos») (Ibid. P. 448). П. Д. Арманди не склонен серьезно воспринимать все эти свидетельства, однако тот факт, что африканские народы могли сохранить искусство дрессировки огромных зверей, унаследованное ими от греков, не является чем-то из ряда вон выходящим.

3. БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АРМИЯХ ГРЕКО- БАКТРИЙСКИХ И ИНДО-ГРЕЧЕСКИХ ЦАРЕЙ

Об использовании боевых слонов в Греко-Бактрии ученым было известно еще в XVIII в. благодаря сообщению Полибия о войне Антиоха III и Евтидема I³². Однако долго нельзя было сказать что-либо более или менее конкретное по данному вопросу. И это неудивительно. Ведь сведения литературных источников по истории Греко-Бактрии и индо-греческих царств весьма фрагментарны. Вместе с тем до недавнего времени отсутствовали крупные находки материальных памятников, относящихся к этим государствам. Лишь во второй половине XX — начале XXI в. были проведены масштабные исследования античного городища Ай Ханум на берегах Амударьи, эллинистического храма Окса в Тахти Сангине, сделаны важные открытия в археологических комплексах Кампыртепе, Тиллятепе, Старый Термез и др.

На протяжении многих десятилетий Бактрия — одна из сатрапий царства Селевкидов, была обязана поставлять слонов в царскую армию. Так, например, из месопотамских источников нам известно, что в марте 273 г. до н. э. 20 слонов были направлены наместником Бактрии в Сирию в армию Антиоха II, который вел войну с Египтом³³. Однако после превращения Бактрии в самостоятельное государство

эти животные стали очень важной частью ее собственных военных сил. Невозможно сказать, какую роль сыграли боевые слоны в борьбе за независимость Бактрии, были ли они в войске первой греко-бактрийской царской династии Диодотидов, а если были, то в каком количестве.

Самые ранние литературные свидетельства о наличии боевых слонов в греко-бактрийской армии относятся ко времени правления Евтидема I. Во время своего Восточного похода селевкидский царь Антиох III Великий поставил себе задачу возвращения утраченных восточных провинций, прежде всего Парфии и Бактрии. Победив парфян, Антиох III не смог добиться такого же быстрого успеха в Бактрии. Однако после победы сирийцев у р. Арий и двухлетней осады Бактр Евтидем заключил с Антиохом мирное соглашение (206 г. до н. э.), по условиям которого выдал ему всех своих боевых слонов [Polyb., XI, 34, 10].

Некоторую информацию, касающуюся боевых слонов в войсках индо-греческих правителей, которые вели свое происхождение от греко-бактрийских династий, мы можем почерпнуть из индийских письменных источников. Один из памятников буддийской литературы — «Милиндапаньха» («Разговоры Милинды»), касающийся правления знаменитого индо-греческого царя Менандра I (середина — вторая половина II в. до н. э.), сообщает, что войско этого монарха состояло из четырех частей: пехота, конница, колесницы и боевые слоны³⁴. Таким образом, традиция использования боевых слонов в греко-бактрийских войсках и других эллинистических армиях сохранилась и, по-видимому, упрочилась у индо-греческих монархов, что вполне объяснимо, поскольку

³² Bayer Th. S. *Historia regni Graecorum Bactriani in qua simul Graecarum in India coloniarum vetus memoria*. Petropoli, 1738. P. 73.

³³ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 60.

³⁴ Паррибок А. В. Вопросы Милинды (Милиндапаньха). М., 1989. С. 66, 86, 88–90.

Фалар из Эрмитажа с изображением слона (прорисовка) (Щукин М. Б. «Сарматские» серебряные фалары: «Греко-Бактрийский стиль» или «стиль Малибу» // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 82)

их владения располагались в регионе, где обитали огромные животные.

Дополнительные сведения, касающиеся боевых слонов в Греко-Бактрии, нам могут дать предметы материальной культуры, найденные археологами на территории этого государства или хранящиеся в различных коллекциях. Наиболее примечательный памятник, который представляет в этом отношении для нас интерес, — конечно же, два фалара из собрания Эрмитажа (см. вкл., рис. 24–29). Можно согласиться с мнением М. Б. Щукина, что данные находки отличаются своей «эллинизованностью»³⁵. К образцам греко-бактрийского искусства их причислила еще К. В. Тревер³⁶. Фалары относятся к коллекции петровского времени и были найдены ок. 1725 г. До 1727 г. эти находки хранились в Летнем дворце

Петра I, а затем — в Кунсткамере Академии наук. В 1859 г. они были отданы на хранение в Эрмитаж.

Фалары сделаны из серебряного тонкого листа, само изображение вычеканено. Рассматриваемые находки имеют диаметр 24,7 см и вес 634,5 г.³⁷ Изображения на фаларах практически идентичны и различаются лишь тем, что одно является зеркальным отражением другого. Поэтому в дальнейшем для удобства мы будем давать описание только одного фалара.

В передаточной описи Кунсткамеры № 135 фалар обозначен как «щит, на котором изображен слон», находившийся среди вещей, обнаруженных «частью около Астрахани и в стране между Камою и Волгою, частью вырытых из татарских могил в Сибири»³⁸.

Согласно общепринятому мнению, фалар является украшением сбруи коня³⁹. Сразу заметим, что подобная гипотеза носит сугубо теоретический характер и не может быть принята ввиду больших размеров фалара. Учитывая характер изображения, диаметр фалара и расположение креплений для ремней на его тыльной стороне, гораздо более вероятным представляется, что данная находка являлась элементом украшения, или скорее знаком отличия, которым награждали слонов за отвагу. О том, что такая традиция существовала, нам доподлинно известно благодаря сообщению Плиния Старшего [Plin., NH, VIII, 11]⁴⁰. Вероятно, фалар висел

³⁷ Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М., 1984. С. 21.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ «Аякс, постоянный вожак во время похода, покачиванием головы показывал Антиоху, что не одобряет его попытки перейти реку вброд. После того как было обещано первенство тому, кто перейдет, осмелившийся Патрокл был одарен серебряными украшениями, которым они чрезвычайно

³⁵ Щукин М. Б. «Сарматские» серебряные фалары: «Греко-Бактрийский стиль» или «стиль Малибу» // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 85.

³⁶ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства в собраниях Гос. Эрмитажа. Т. I. М.; Л., 1940. С. 45–48.

Бой греко-бактрийской армии с индийцами.
Реконструкция А. А. Попова, И. В. Кирсанова

на груди слона и в каком-то смысле играли же самую роль, что и фалеры римских центурионов.

На фаларе изображен боевой слон с башней на спине; внутри башни находятся два воина⁴¹; башня имеет зубцы и бойницы крестообразной и стреловидной формы — явное свидетельство античного влияния. Один из воинов изображен в типично греческом шлеме, другой — то ли с густой шевелюрой на голове, то ли в чалме. Таким образом, второй воин — скорее всего, иранец или индеец. Оба вооружены небольшими копьями или дротиками. На шее слона сидит погонщик в чалме, очевидно,

индеец, который держит в руке стрекало⁴². Из украшений слона можно отметить массивный колокольчик на шее и попону с изображением *гитпоакмпа* — змееподобного чудовища⁴³.

⁴² Подобный инструмент был найден при раскопках в Ай Ханум; см.: *Francfort H.-P. Fouilles d'Ai Khanoum. T. III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. Ptie II. Les trouvailles // Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. 1984. T. XXVI. Pl. 26. № 6; Nikonorov V. P. The Armies of Bactria. Vol. II. P. 46. Fig. 14 c.*

⁴³ Похожий по замыслу рисунок можно встретить на бутероле из слоновой кости, найденной в Тахти Сангине. Это *иктиокентавра* со змеино-рыбьим чешуйчатым хвостом и большими птичьими крыльями; в левой руке она держит весло, а в правой — то ли яблоко, то ли камень, то ли раковину (*Лутвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): в 3 т. Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 269. Табл. 80).*

бывают рады, и получил право быть вожакom» (пер. Л. М. Глушкиной).

⁴¹ *Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства... Т. I. Рис. 1–2; Nikonorov V. P. The Armies of Bactria. Vol. II. P. 48. Fig. 16 a, b; P. 26. Pl. 2A.*

Тетрадрахма Деметрия I

Обол Деметрия I

Тройная бронза Деметрия I

Коммеморативная тетрадрахма Агафокла I, посвященная Деметрию I

Фалар демонстрирует синтез греческой и индо-иранской культур. Греческое влияние проявляется в изображении тяжело-вооруженного воина, стоящего в башне, форме башни, и украшении на попоне в виде гиппокампа. Индо-иранский контекст также очевиден: корнак-индиец, второй воин в башне, которого можно назвать «оруженосцем» воина в греческом шлеме. Таким образом, греко-индо-иранские черты стали ассоциироваться с Греко-Бактрией и ее завоеваниями в Индии, где все три начала сплелись воедино. Мы можем предположить, что фалар из Эрмитажа был работой греческого мастера, проживавшего, вероятнее всего, или в государстве Селевкидов, или в одной из его частей, получивших независимость, то есть в Греко-Бактрии, или каком-то индо-греческом царстве.

Важную информацию о боевых слонах в Греко-Бактрии и индо-греческих государствах мы можем получить на основании нумизматических источников. На серебряных монетах Деметрия I (около 190–171 гг. до н. э.), сына Евтидема I, царь изображен в шлеме в виде головы слона⁴⁴. Подобный портрет Деметрия встречается и на коммеморативных тетрадрахмах Агафокла I⁴⁵. Мы знаем о том, что Деметрий покорил часть Индии, превосходящую размеры индийских владений Александра Великого [Strab., XI, 11, 1; Just., XLI, 6]. Вероятнее всего, покорение данных территорий сопровождалось сражениями, в которых принимали участие слоны. Причем сложно сказать, чем прославился Деметрий I, получивший прозвище «Аникет» («Непобедимый») —

⁴⁴ Bopcearachchi. O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris, 1991. P. 164. Pl. 4. Ser. 1/3; P. 165. Pl. 4. Ser. 2/6; P. 165–166. Pl. 5. Ser. 3/9; Nikonov V. P. The Armies of Bactria. Vol. II. P. 48. Fig. 16c.

⁴⁵ Bopcearachchi. O. Monnaies gréco-bactriennes... P. 179. Pl. 8. Ser. 17/J.

Бронза Евкратиды I

Двойная бронза Антимаха I

Бронза Антимаха I

Полудрахма Аполлодота I

Полудрахма Аполлодота I

Бронза Менандра I

победой над большим количеством слонов противника или же широким и эффективным использованием этих животных в своей армии. Может быть, Деметрий изобрел какой-то новый метод в борьбе со слонами или усовершенствовал тактические приемы и вооружение отрядов

Бронза Менандра I

Тетрадрахма Лисия I

Бронза Лисия I

Драхма Лисия I

Бронза Лисия I

боевых слонов? Как развивались события, можно лишь предполагать. На голове победоносного монарха красуется «слоновый шлем» — символ его побед над индийцами. Столь претенциозное изображение шлема, без сомнения, было своеобразной пропагандой среди подданных Деметрия. Изображение головы слона с колокольчиком на шее мы видим и на бронзовых монетах этого правителя⁴⁶.

На серебряных монетах Лисия I (около второй половины II в. до н. э.), одного из индо-греческих царей, изображается головной убор, идентичный тому, который представлен на монетах Деметрия I⁴⁷. Вероятно, таким образом Лисий пытался продемонстрировать свою приверженность династии Евтидемидов, к которой принадлежал Деметрий I и к которой, скорее всего, относился сам Лисий. По-

добное изображение встречается и на квадратных бронзовых монетах индо-греческого царя Деметрия III Непобедимого⁴⁸.

Евкратид I Великий (около 171–145 гг. до н. э.) также чеканил на своих монетах изображение слона, но без вооружения. Известно, что Евкратид смог не только поднять восстание в Бактрии против Деметрия I, но и отторгнуть его индийские владения [Strab., XV, 1, 3; Just. XLI, 6, 1]. В последние свои годы жизни он совершил поход в Индию [Just., XLI, 6, 1]. Монеты на греческом и индийском языках также являются свидетельством владычества Евкратиды над индийскими территориями⁴⁹.

⁴⁶ Ibid. P. 287. Pl. 43. Ser. 3/G-H.

⁴⁷ Ibid. P. 210–216. Pl. 20–22. S. 17–20, 22–25.

Согласно утверждению Страбона, Евкратиду были будто бы подвластны 1000 городов. «Другие же писатели утверждают, — передает Страбон, — что между Гидаспом и Гипанисом ему были подвластны 9 племен и 5000 городов, из которых не было ни одного меньше Коса в Меропии, и что Александр

⁴⁶ Bopéarachchi. O. Monnaies gréco-bactriennes... P. 167. Pl. 5. S. 5/15.

⁴⁷ Ibid. P. 266. Pl. 38. Ser. 1/1; P. 267–268. Pl. 38. Ser. 4/12.

Тетрадрахма Антиалкида I

Тетрадрахма Антиалкида I

Бронза Антиалкида I

Бронза Гелиока II

Бронза Епандра I

Изображение слона на монетах многих индо-греческих царей II—I вв. до н. э. могло быть связано не только с военным делом. Слоны были своеобразными символами Индии и особо почитаемыми животными. Достаточно вспомнить о слоноволовом Ганеше — боге мудрости и устранителе препятствий. Эти животные были также символами богатства, и недаром в античной литературе неоднократно упоминается о том, как высоко они ценились в индийском обществе [Strab., XV, 1, 43].

Монеты, на которых изображается слон, индо-греческими правителями чеканились как серебряные, так и бронзовые. Причем существует серебряный аттический чекан стандартной круглой формы (монеты Аполлодота I⁵⁰ и Антиалкида I⁵¹) и серебряный чекан квадратной формы, типичный для

индийских территорий (монеты Аполлодота I⁵²). Бронзовые монеты также были как круглой формы (монеты Антимаха I⁵³,

покорил всю эту страну и передал Пору» [Strab., XV, 1, 3; пер. Г. А. Стратановского].

⁵⁰ Ibid. P. 188. Pl. 11. Ser. 2/1.

⁵¹ Ibid. P. 271–272. Pl. 39. Ser. 3/2; P. 273. Pl. 39. Ser. 6/D; P. 276. Pl. 40. Ser. 13/42.

⁵² Ibid. P. 189–190. Pl. 11. Ser. 4/26.

⁵³ Ibid. P. 185. Pl. 10. Ser. 5/B.

Статуэтка, возможно, изображающая Деметрия I.
Музей Метрополитен. Нью-Йорк

Лисия I⁵⁴ и Зоила I⁵⁵), так и квадратной (монеты Антимеха I⁵⁶, Менандра I⁵⁷, Лисия I⁵⁸, Антиалкида I⁵⁹, Гелиокла II⁶⁰, Епандра I⁶¹, Архебия I⁶²).

Бронза Архебия I

⁵⁴ *Bopearachchi. O. Monnaies gréco-bactriennes...* P. 270. Pl. 39. Ser. 9/A.

⁵⁵ *Ibid.* P. 367. Pl. 68. Ser. 8/G; P. 367. Pl. 68. Ser. 9/L.

⁵⁶ *Ibid.* P. 186–187. Pl. 10. Ser. 8/16.

⁵⁷ *Ibid.* P. 241. Pl. 31. Ser. 26/H; P. 242. Pl. 32. Ser. 28/167.

⁵⁸ *Ibid.* P. 269–270. Pl. 38. Ser. 8/22.

⁵⁹ *Ibid.* P. 279. Pl. 41. Ser. 18/G.

⁶⁰ *Ibid.* P. 284. Pl. 42. Ser. 7/12; P. 285. Pl. 42. Ser. 8/K.

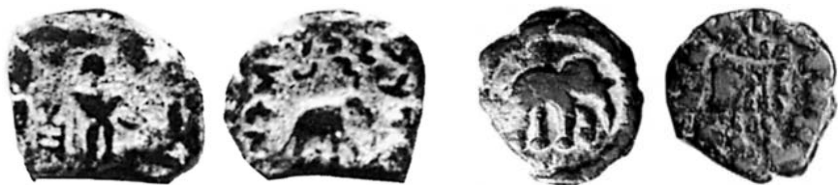
⁶¹ *Ibid.* P. 306. Pl. 48. Ser. 3/4.

⁶² *Ibid.* P. 324. Pl. 52. Ser. 12/C.

Есть еще одна очень интересная находка. Это бронзовая статуэтка, обнаруженная в Египте, которая находится сегодня в музее Метрополитен в Нью-Йорке. Статуэтка представляет обнаженного воина в шлеме в виде слоновьей головы. Невозможно однозначно ответить на вопрос, кого именно изображает эта статуэтка, но существует мнение, что это именно Деметрий I — царь Бактрии⁶³, который, возможно, сидел верхом на слоне. Так монарх, воин, командующий армией демонстрировал свои физические ловкость и воинскую отвагу, что было данью древней греческой традиции, проявлением агонального духа и стремления к калокагатии.

Вероятнее всего в Греко-Бактрии существовала обычная для эллинистического времени тактика ведения боя. Основную силу войска составляла фаланга тяжело-вооруженных копьеносцев-сариссофоров,

⁶³ *Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies (168–145 BC). In 2 vol. Vol. I. The Seleucid Army under Antiochus IV Epiphanes. Stockport, 1994. Fig. 50.*

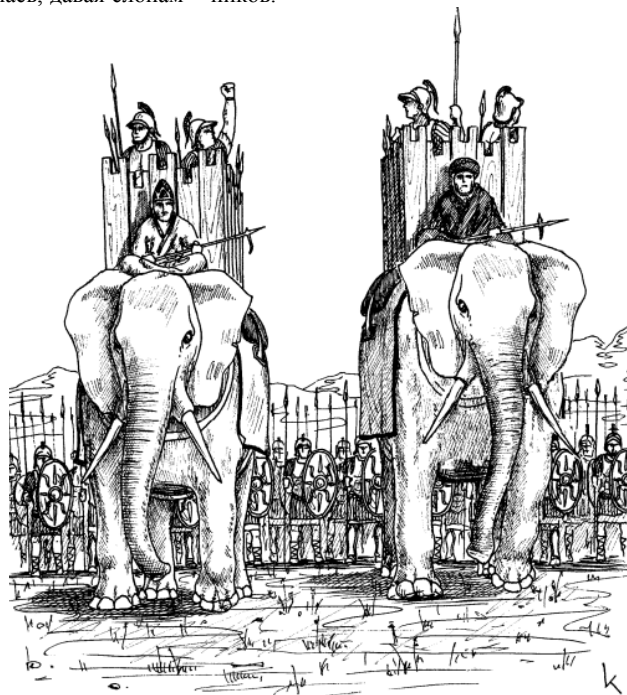

Бронза Зоила II

вооруженных и обученных по-македонски. Вместе с фалангой большая роль на поле боя принадлежала боевым слонам. Как правило, их располагали перед фронтом войска. Задача, которая возлагалась на них, заключалась в прорыве вражеского строя. В случае если противник оказывал упорное сопротивление, греко-бактрийская фаланга расступалась, давая слонам пути для отступления. После отхода слонов в бой вводили различные пешие и конные подразделения.

В столкновениях между греко-бактрийскими, индо-греческими и индийскими войсками, по всей видимости, нередко были и единоборства слонов, подобные тем, о которых рассказывает Полибий, описывая сражение при Рафии. Индия во II в. до н. э. была местом столкновения многих правителей, обладавших контингентами боевых слонов. Вспомним лишь поко-

рение индийских территорий Деметрием I и Менандром I, борьбу за власть между Евтидемидами и потомками Евкратиды I, узурпировавшего власть в Бактрии при Деметрии I и даже победившего последнего в Индии. Эллина воевали не только с индийцами, но и между собой, возможно, даже используя отряды индийских наемников.

Греко-бактрийская армия.
Рис. И. В. Кирсанова

БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АРМИЯХ КАРФАГЕНЯН, РИМЛЯН И НУМИДИЙЦЕВ. ЗАКАТ «ЭПОХИ БОЕВЫХ СЛОНОВ». ВТОРИЧНОЕ ПОЯВЛЕНИЕ СЛОНОВ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ ДИНАСТИИ САСАНИДОВ

1. БОЕВЫЕ СЛОНЫ В КАРФАГЕНСКИХ АРМИЯХ

Говорят, что когда Пирр покидал Сицилию, он оглянулся и с горечью сказал своим приближенным: «Какое ристалище для состязаний оставляем мы римлянам и карфагенянам, друзья!» [Plut., Purg., 23]. Его слова оказались пророческими. Пройдет всего немного времени — и остров превратится в арену величайших битв. Но если эпирский царь смог предугадать, кто будут главные действующие лица грядущей исторической драмы, то вряд ли он отдавал себе отчет в том, что постановщиком ее был именно он сам. Война, которую Пирр вел с римлянами, стала для последних великолепной школой, научившей их сражаться со слонами, фессалийской конницей и македонской фалангой. Эти навыки сослужат римлянам прекрасную службу, когда они встретятся на поле боя со слонами, кавалерией и пехотой карфагенян. Возможно, что если бы Пуническим войнам не предшествовал опыт, приобретенный в борьбе

с Пирром, они могли бы закончиться для Рима печально¹.

Столкновение с Пирром имело не меньшее значение и для карфагенян. На протяжении столетий они ожесточенно сражались с греками за право обладания Сицилией. Однако никому из противников не удавалось добиться решающего перевеса. Знакомство с эпирской армией произвело в военном деле карфагенян настоящую революцию, не оставившую сицилийским эллинам никакого шанса на победу в затянувшемся противостоянии.

В V–IV вв. до н. э. армия Карфагена состояла из отрядов разноплеменных наемников (галлов, испанцев, нумидийцев), вооруженных и обученных в соответствии со своими национальными традициями. Ее отличительной чертой было наличие большого количества серпоносных колесниц². Когда Пирр появился в Сицилии, то карфагеняне увидели перед собой силу, противопоставить которой им было решительно нечего. Их варварская пехота и колесницы были бессильны перед сплоченным натиском македонской фаланги

¹ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 129–130.

² Ibid. P. 136.

и обращались в паническое бегство, лишь слышав рев боевых слонов. Именно отсталость карфагенян в военном деле стала главной причиной того, что Пирру удалось так стремительно завоевать весь остров.

Но после ухода армии эпирского царя карфагеняне сразу же отказались от использования колесниц и заменили их боевыми слонами. Этот новый род войск принес в дальнейшем большую пользу Карфагену и позволил ему неоднократно с успехом противостоять армиям римлян. Пирр вложил в руки карфагенян страшное оружие, используя которое они смогли более 60 лет оспаривать у Рима власть над всем Западным Средиземноморьем.

Карфагеняне всегда придавали особое значение боевым слонам. «Часть города, — пишет Аппиан, — обращенная к морю, была окружена простой стеной, так как была построена на отвесных скалах, та же часть, которая была обращена к югу в сторону материка, где на перешейке находилась Бирса, была окружена тройной стеной. Из этих стен каждая была высотой до тридцати локтей, не считая зубцов и башен, которые отстояли друг от друга на расстоянии двух плетров, каждая в четыре яруса; ширина стены была в тридцать футов; каждая стена делилась по высоте на два яруса и в ней, бывшей поллой и разделенной на камеры, внизу обычно стояли триста слонов и находились склады для их пищи» [App., Lib., XIV, 95; пер. С. П. Кондратьева; cf. Strab., XVII, 3, 15]. Несомненно, что где-то поблизости находились и загоны для дрессировки четвероногих гигантов³. Карфагеняне использовали только африканский вид слонов, которых они отлавливали главным образом на территории подчиненной им Нумидии [Frontin., IV, 7, 18]. Однако суще-

ствует предположение, что Ганнибал мог получать из Египта и более крупных индийских слонов⁴.

Количество слонов, принимавших участие в сражениях на стороне карфагенских армий, было первоначально очень велико. В начале Первой Пунической войны Ганнон высадился в Сицилии с армией, в составе которой было 60 слонов [Diod., XXIII, Эксерпт., 8]. В столкновении с римлянами он потерял 44 из них, но карфагеняне очень быстро восполнили понесенный урон и, спустя всего несколько лет, смогли противопоставить легионам Регула 100 слонов. Одержав победу при Тунете, карфагеняне отправили в Сицилию новую армию, в которой этих животных было уже 140 [Polyb., I, 38, 3].

Выше мы уже отмечали, что карфагеняне часто использовали своих слонов для борьбы с тяжеловооруженной пехотой противника. Наиболее ярким примером подобного использования слонов является битва при Тунете, произошедшая в 256 г. до н. э. Пунической армией командовал спартаец Ксантипп. В его распоряжении имелось 12 000 человек пехоты, 4000 всадников и приблизительно

⁴ Visscher F. de. Une histoire d'éléphants // L'Antiquité classique. 1960. T. 29. P. 54; Bagnall N. The Punic Wars: 264 – 146 BC. Oxford, 2002. P. 20. А. Берто полагает, что у Ганнибала были индийские слоны, поскольку Полибий называет карфагенских конанов индами (Berthelot A. Questions hannibales: les éléphants d'Hannibal au Mont-Cenis // Revue des études anciennes. 1936. Vol. 38. P. 38). Вряд ли подобная гипотеза может считаться убедительной. Как уже отмечалось выше, индами были лишь первые погонщики слонов, появившиеся в эллинистических армиях, а затем уже название народа превратилось в обозначение рода занятий (Armandi P. D. Histoire militaire... P. 255, n. 2). Некоторые исследователи видят доказательство присутствия в армии Ганнибала индийских слонов в изображениях на римских монетах того периода (Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants Again // Numismatic Chronicle. 1950. № 6. Ser. 10. P. 271–283).

³ Ibid. P. 136.

100 слонов. Местом для предстоящего сражения Ксантипп выбрал просторную долину около города Тунета (*Tunes* или *Tunetum*), находившегося неподалеку от Карфагена. Впереди боевого построения Ксантипп поставил в одну линию слонов. Фалангу он развернул за ними, но на достаточно большом расстоянии. Это была необходимая предосторожность, позволявшая снизить до минимума опасность того, что обращенные вспять животные приведут в замешательство собственные войска. Наемников карфагенский полководец поместил справа от фаланги, а конницу и легковооруженных — на флангах, несколько впереди линии фронта пехоты [Polyb., I, 33, 6–7]. Фронтин не согласен с Полибием относительно того, какое место Ксантипп отвел легковооруженным. По его версии, они занимали первую линию боевого порядка и должны были, забросав противника дротиками, отступить за фалангу, чтобы потом вновь напасть на неприятеля с флангов [Frontin., *Strateg.*, II, 3, 10].

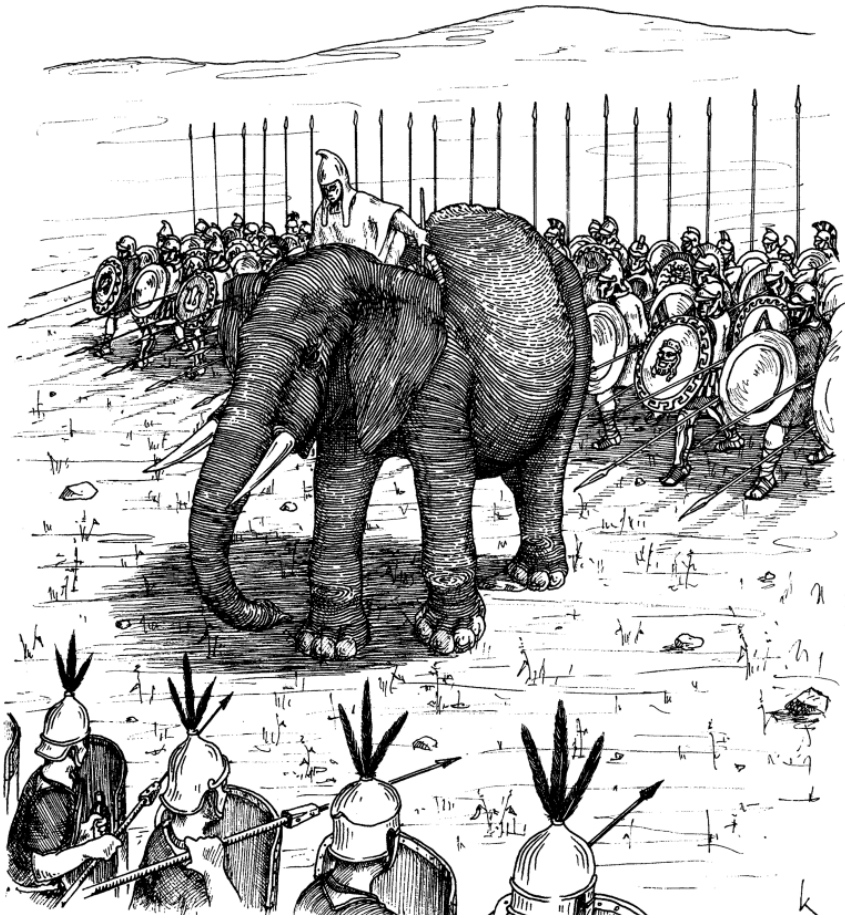
Римская армия под командованием консула Марка Атилия Регула насчитывала, согласно одним данным, 15 000 человек пехоты и 500 всадников, согласно другим — 30 000 солдат. Полибий сообщает, что консул, опасаясь атаки слонов, поставил впереди легкую пехоту, а позади нее — плотными рядами манипулы тяжеловооруженных. По мнению П. Д. Арманди, римский полководец подвел как можно ближе друг к другу манипулы гастатов, принципов и триариев и разместил их в точности друг за другом⁵. В результате римский строй получился короче карфагенского, зато более плотным и глубоким (Polyb., I, 33, 9)⁶. Конница была размещена на обоих флангах.

Атаку начали карфагеняне. «Лишь только Ксантипп отдал приказание вести слонов вперед и разорвать неприятельские ряды, а коннице велел окружить неприятеля с обоих флангов и напасть на него; тогда же и римляне по существу, чему у них обычаю забряцали оружием и с дружным криком ударили на неприятеля. Карфагенская конница была гораздо многочисленнее римской, а потому римская скоро на обоих флангах обратилась в бегство. Что касается пехоты, то левый фланг ее, частью из желания уклониться от нападения слонов, частью из презрения к наемникам, ударил в правый фланг карфагенян, принудил их к отступлению и гнался за ними по пятам до самого лагеря» [Polyb., I, 34; пер. Ф. Г. Мищенко].

Слоны сразу же опрокинули передние ряды римлян, состоявшие из велитов, и яростно обрушились на тяжеловооруженных. Но благодаря плотности построения они не смогли прорвать римский боевой порядок. Передним рядам легионеров удалось пробиться между животными, однако когда они оказались уже за их спинами, то увидели перед собой стройные ряды карфагенской фаланги, еще не вступившей в сражение. В то же самое время пунийская конница атаковала оставшихся без прикрытия легионеров с флангов. Не в силах сопротивляться противнику, наседавшему на них с трех сторон, римляне обратились в бегство. Поскольку сражение происходило на открытой равнине, то почти все они были перебиты кавалерией пунийцев или раздавлены слонами. Спасти удалось только консулу с отрядом в 500 солдат, но и их спустя некоторое время захватили в плен карфагеняне. Из всей римской армии осталось в живых около 2000 человек, которые в начале сражения обратили в бегство наемников. Карфагеняне потеряли не более 800 человек из числа наемников, подверг-

⁵ Armandi P. D. *Histoire militaire*.... P. 146–147.

⁶ Ibid. P. 145–146.

Битва при Тунете. Атака карфагенских слонов.

Рис. И. В. Кирсанова

шихся нападению левого крыла пехоты противника [Polyb., I, 34].

В описании этой битвы, данном Полибием, есть один вопрос, оставшийся по-прежнему нерешенным: каким образом перед началом сражения Ксантипп поставил своих слонов? Полибий со всей

определенностью говорит, что слоны стояли перед фронтом всей карфагенской армии [Polyb., I, 33, 6]⁷. П. Д. Арманди склонен доверять греческому историку.

⁷ «Τοὺς μὲν ἐξαγαγὼν ἐφ' ἓνα πρὸ πάσης τῆς δυνάμεως ἐν μετώπῳ κατέστησε» («Выведя слонов

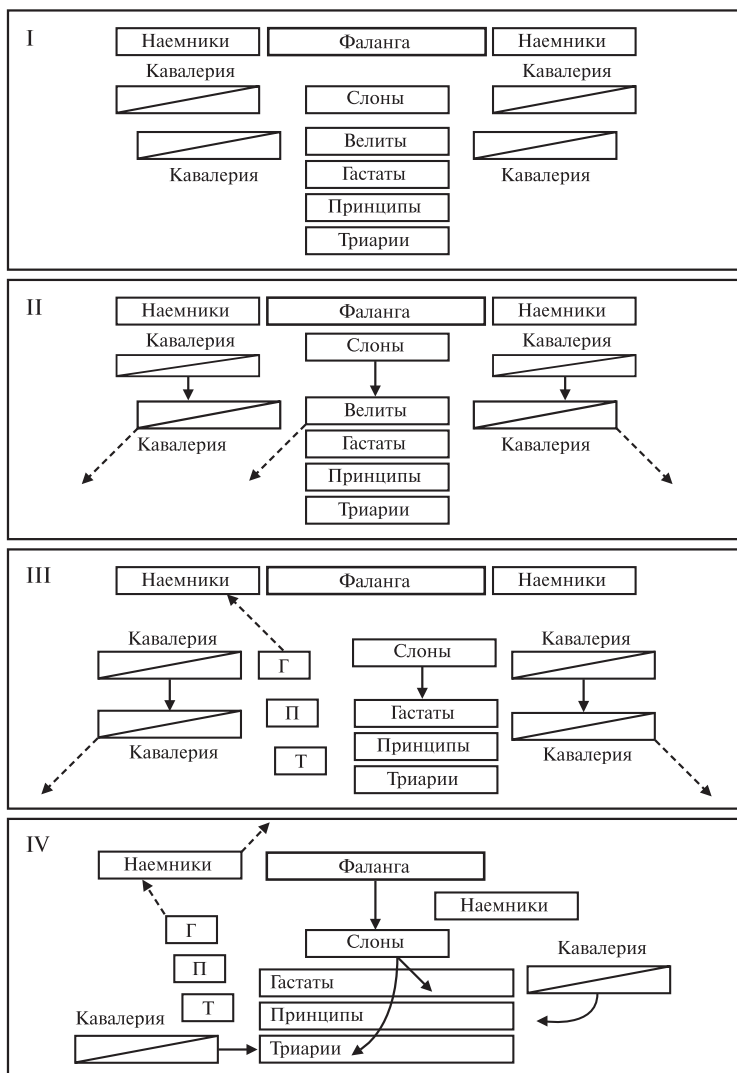

Схема сражения при Тунете:

I — первоначальная диспозиция; *II* — Ксантипп посылает вперед кавалерию и слонов; *III* — велиты Регула рассеяны, его кавалерия отступает, однако левое крыло его пехоты, избежав столкновения со слонами, атакует правый фланг Ксантиппа; *IV* — левое крыло римской пехоты обращает в бегство карфагенян; слоны прорывают римский порядок в центре, а кавалерия наносит ему удар с тыла

По мнению исследователя, фаланга пунийцев была выстроена по правилам греческой тактики, то есть по 16 человек в глубину, притом что каждый солдат занимал в строю расстояние, равное 3 футам (0,91 м). Поскольку численность карфагенской пехоты не должна была превышать 10 000 человек, то ее фронт занимал пространство всего лишь в 1800 футов (548,64 м). В таком случае если бы слоны стояли только перед строем пехоты, то их следовало бы разместить на расстоянии в 14 футов (ок. 4,27 м) друг от друга. Согласно П. Д. Арманди, подобная дистанция была очень мала для животных столь большого размера и столь трудно управляемых: во время движения слоны могли столкнуться, что явилось бы причиной смятения и паники⁸. Из этого следует, что карфагенский командующий разместил гигантских животных перед фронтом всей армии, намереваясь, вероятно, использовать их для окружения боевого порядка противника⁹. На это можно возразить, что Ксантипп не знал, какова будет диспозиция римлян, поскольку первым выстроил свои войска, предлагая противнику вступить в сражение [Polyb., I, 33, 8]. К тому же римская армия была многочисленнее карфагенской, и логично было бы предположить, что ее фронт займет более протяженное пространство. Если бы слоны стояли перед фронтом всей пунийской армии, а значит — и перед карфагенской кавалерией, то они неизбежно должны были столкнуться с римскими всадниками, прежде чем напасть с флангов на пехоту. Тем не менее Полибий определенно передает, что римская конница была рассеяна конницей противника,

а не его слонами. Карфагенскому главнокомандующему не было никакого смысла растягивать линию слонов вдоль всего фронта армии. Его кавалерия и так и количественно, и качественно превосходила римскую. В то же время слоны были тогда единственным средством, дававшим надежду на то, что карфагенянам удастся противостоять натиску легионов. Поэтому мы должны предположить, что когда Полибий сообщает о δύναμις (силе, войске), то речь в данном случае идет о главной части карфагенской армии, то есть только о ее тяжеловооруженной пехоте. Кавалерию и отряды наемников в это понятие Полибий не включает. По всей видимости, свою фалангу Ксантипп построил не в виде сплошной линии, а по отдельным хилиархиям — отрядам в 1000 человек, оставив между ними интервалы, предписанные для подобного построения. Это делало более протяженным фронт карфагенской армии, позволяло разместить слонов на необходимом расстоянии друг от друга и, в случае если бы они получили отпор, оставить животным пути отступления, не подвергая риску собственный боевой порядок. Такое построение согласуется и с версией Фронтинуса: легковооруженные пехотинцы также могли отходить в интервалы между звеньями фаланги. Наконец, размещение стрелков и метателей дротиков перед строем тяжеловооруженной пехоты объясняет, почему карфагенский полководец поставил кавалерию на флангах впереди центра: вероятно, он желал оставить с каждой стороны строя проход, отступив по которому легковооруженные пехотинцы могли бы занять позицию позади всадников¹⁰.

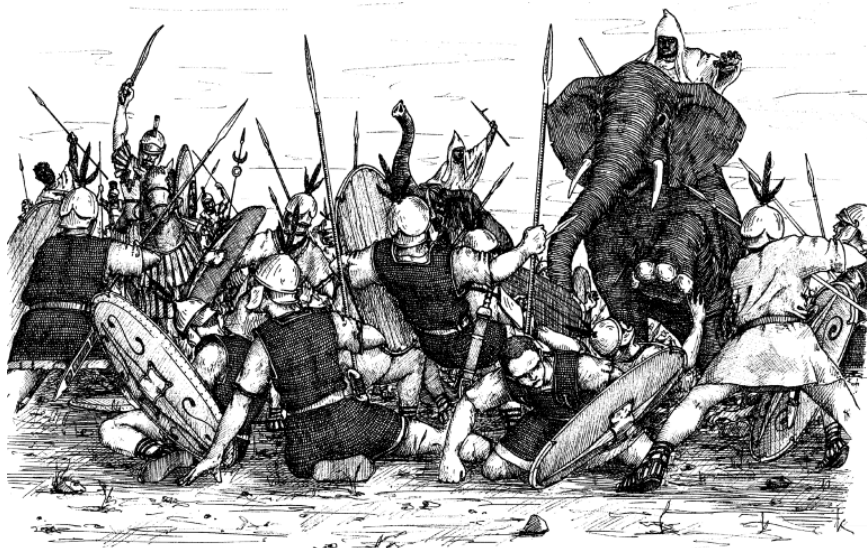
Удалось ли слонам в этой битве прорвать густой строй римской легионной

из стойл, он поставил их впереди всего фронта армии»).

⁸ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 142.

⁹ Ibid. P. 143.

¹⁰ Ibid. P. 151.

Битва при Тунете. Слоны опрокидывают строй римской пехоты.

Рис. И. В. Кирсанова

пехоты? Полибий говорит, что они опрокинули только передние ряды строя и римляне продолжали сопротивляться этим колоссам до тех пор, пока не столкнулись с карфагенской фалангой, а нумидийская конница не обрушилась на них с флангов. Впрочем, ниже историк утверждает как раз обратное и заявляет, что слоны разорвали римскую боевую линию, растоптав при этом большое количество воинов [Polyb., I, 39, 11]. Ф. Уолбанк полагает, что под первыми рядами нужно понимать легковооруженных велитов, отряженных сражаться с гигантскими животными, и именно они и были обращены в бегство¹¹. По мнению В. В. Тарна, битва при Тунете продемонстрировала эффективность использования слонов против

фаланги тяжеловооруженных¹². Как бы там ни было, это сражение произвело сильнейшее впечатление на противников карфагенян. «Когда среди римлян, — пишет Полибий, — распространилась молва о том, что слоны в ливийской битве разорвали боевую линию и растоптали множество воинов, они были так напуганы, что в продолжении двух лет, следовавших за этими событиями, они у Лилибея в окрестностях Селинунта строились в боевой порядок на расстоянии пяти-шести стадий от неприятеля и в страхе перед нападением слонов ни разу не отважились ни начать битву, ни спуститься на равнину» [Polyb., I, 39, 12; пер. Ф. Г. Мищенко]. Не менее сильное впечатление победа при Тунете произвела и на карфагенян: они увидели,

¹¹ Walbank F. W. A Historical commentary on Polybius. Vol I. Oxford, 1957. P. 92.

¹² Tarn W. W. Hellenistic Military and Naval Developments. New York, 1966. P. 97–98.

как армия, еще недавно угрожавшая самому существованию их республики, была уничтожена практически полностью. Вероятно, именно с этого момента карфагеняне еще более, чем ранее, стали полагаться на своих слонов. Чтобы окончательно решить вопрос о том, кому же должна принадлежать Сицилия, они отправили на остров армию, в составе которой было такое количество четвероногих гигантов, которого у карфагенян никогда не было ранее и которого никогда уже не будет потом. Гасдрубал, командовавший карфагенскими войсками, имел в своем распоряжении 140 слонов и многочисленные войска, состоявшие главным образом из галлов и испанцев. Видя страх римлян перед слонами, он становился все самоувереннее и стремился навязать противнику генеральное сражение. Опустошая все на своем пути, Гасдрубал подошел к Панорму, являвшемуся одной из стратегически важных позиций римлян на острове. Консул Луций Цецилий Метелл решил заставить противника вступить с ним в бой под самыми стенами города, чтобы римские солдаты могли поражать слонов с высоты крепостных стен. После того как римляне не выступили навстречу карфагенской армии, Гасдрубал переправился через реку, протекавшую перед городом. «Когда карфагеняне перевели слонов и войско, Цецилий отрядил легковооруженных и тревожил неприятеля до тех пор, пока Гасдрубал не вынужден был выстроить в боевом порядке все свое войско. Таким образом, план Цецилия удался. Тогда он поставил часть легковооруженных перед стеною и канавою и отдал приказ нещадно пускать стрелы в слонов, если они будут наступать на них, если же будут подаваться назад, то бежать в канаву и оттуда метать стрелы в приближающихся животных. Находившимся на площади кузнецам он велел сносить метательное оружие и класть его сна-

ружи стены у основания. Сам Цецилий с легионными солдатами стоял у ворот против левого неприятельского крыла, посылая легковооруженным все новые и новые подкрепления. Когда битва разгорелась, вожатые слонов, соревнуя Гасдрубалу и желая себе стяжать честь победы, устремились на передовой отряд, легко обратили его в бегство и преследовали до канавы. Нападающие слоны получали раны от стрелков, поставленных на стене; вместе с тем в них метали с ожесточением и в массе дротики и копья те свежие еще воины, которые в боевом порядке стояли впереди канавы. Тогда, поражаемые со всех сторон дротиками и раненые, звери вскоре пришли в иступление и, повернув назад, кинулись на своих, причем отдельных воинов топтали и давили, а ряды их приводили в беспорядок и разрывали. При виде этого Цецилий выступил поспешно с своим войском, нетронутым еще и стройным, ударил с фланга на расстроенные ряды неприятелей и вынудил их к поспешному отступлению, при этом многих карфагенян перебил, остальных обратил в стремительное бегство. Десять слонов вместе с индийцами были взяты в плен; остальные скинули с себя индийцев и, окруженные конницею, были все захвачены после сражения» [Polyb., I, 40, 6–15; пер. Ф. Г. Мищенко]. Евтропий утверждает, что римляне захватили 26 слонов, а остальных, разбежавшихся после гибели погонщиков, поймали при помощи своих нумидийских союзников [Eutrop., II, 24, 1]. Согласно Полибию, когда в Рим пришла весть об одержанной победе, то среди жителей началось ликование «не столько потому, что с потерей слонов силы неприятеля были ослаблены, сколько потому, что победа над слонами ободрила <...> граждан» [Polyb., I, 41, 1; пер. Ф. Г. Мищенко]. Всего в триумфальной процессии по Риму было проведено 130 четвероногих гигантов [Eutrop.,

II, 24, 1]. Это поражение так ослабило Карфаген, что пунийцы тут же освободили захваченного ими консула Регула и отпустили его в Рим, чтобы просить мира [Eutrop., II, 24, 2].

Карфагеняне достаточно быстро обзавелись новыми слонами, и когда в Африке вспыхнуло восстание наемников (241–238 гг. до н. э.), они смогли выставить 100 боевых слонов, которые вновь спасли Карфаген от неминуемой гибели [Polyb., I, 74, 3]. Источенное карфагенское государство не имело средств ни на то, чтобы расплатиться со своими наемными солдатами, ни на то, чтобы собрать новую армию. Поэтому только слоны и гений Гамилькара Барки стали едва ли не единственной надеждой карфагенян. Какую огромную пользу можно было извлечь из участия огромных зверей в военных действиях, особенно если эти действия ведутся против плохо организованной толпы, наглядно демонстрирует битва при Макаре: «...Гамилькар, — сообщает Полибий, — продолжал свой путь: впереди шли слоны, за ними следовали конница и легкие отряды, а позади всего тяжеловооруженные. Когда он увидел, что неприятель с жаром несется на них, то скомандовал всем частям войска оборотить тыл: передним рядам приказал повернуть назад и поспешно отступать; тем же, которые вначале находились позади, скомандовал полуоборот и мало-помалу поставил их лицом к лицу против неприятеля. Ливияне и наемники думали, что неприятель в страхе бежит, в беспорядке стали напирать на карфагенян и с ожесточением шли врукопашную. Но вдруг карфагенская конница, повернув лошадей, приблизилась к отряду, обращенному против неприятеля, и стала подле; в то же время двигалось и остальное войско. Неожиданная перемена движения поразила ливиян, и они, только что преследовавшие неприятеля в беспорядке и

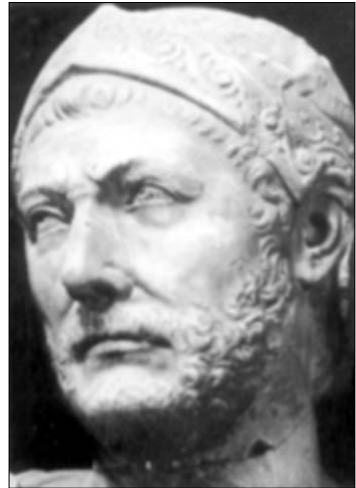
врассыпную, теперь отступали и бежали. При этом одни из них наталкивались на задние ряды, сбивали их с ног, гибли сами и губили своих же; большинство было раздавлено напиравшею с тыла конницей и слонами. Ливиян и наемников пало около шести тысяч человек, взято в плен около двух тысяч» [Polyb., I, 76; пер. Ф. Г. Мищенко].

Мятежники стянули отовсюду свои силы и вновь вступили в сражение с армией Гамилькара. Карфагеняне опять одержали победу, благодаря тому что слоны, как пишет Полибий, «прекрасно сражались» [Polyb., I, 78, 11]. В этом столкновении было уничтожено 10 000 восставших и около 4000 взято в плен [Polyb., I, 78, 12]. Силы мятежников еще не были сломлены и они даже осадили Карфаген. Однако Гамилькар со своей армией стал препятствовать подвозу съестных припасов в лагерь врагов. Это вынудило их снять осаду.

Некоторое время спустя 50-тысячная армия мятежников выступила в новый поход. Из страха перед слонами и конницей карфагенян восставшие избегали равнин и старались захватывать гористые местности и ущелья. Карфагеняне неоднократно наносили неприятелю урон, пока наконец не заперли врага в неудобной для него местности под названием Прион. Когда повстанцы были доведены голодом до изнеможения, Гамилькар окружил их слонами и приказал всех уничтожить. Около 40 000 человек было в тот день растоптано ногами громадных животных или изрублено мечами карфагенских солдат [Polyb., I, 84–85]. Вскоре после этого произошла решительная битва между оставшимися силами мятежников и карфагенянами. Победу одержали последние. Большинство восставших пало в сражении, а их вождь Матос был захвачен в плен [Polyb., I, 87–88].

Подавив восстание наемников, карфагеняне предприняли масштабное завоевание испанских территорий. Определенно, что успеху этого предприятия во многом способствовало неизменное присутствие в карфагенских армиях слонов. Согласно Диодору, у Гасдрубала, возглавившего после гибели Гамилькара карфагенские военные силы в Испании, было 50 000 пехоты 6000 всадников и 200 боевых слонов [Diod., XXV, Excerpt. 12].

Слоны оказали очень важную услугу Ганнибалу, когда он, уже в ранге командующего армией, встретился у реки Таг с карпетанами. Варвары решили напасть на карфагенян, отягощенных добычей и возвращавшихся в Новый Карфаген из похода против племени вакцев (220 г. до н. э.). Согласно Полибию и Ливию, карпетанов и их союзников было около 100 000 человек [Polyb., III, 14, 8; Liv., XXI, V, 11]. Полагаясь на свое численное преимущество, варвары неожиданно напали на карфагенян. «Но Ганнибал уклонился от боя, разбивши лагерь на берегу; когда же наступила ночь и на стоянке врага водворилась тишина, он переправился через реку вброд и вновь укрепился — таким образом, чтобы враги, в свою очередь, свободно могли пройти на левый берег: Ганнибал решил напасть на них во время переправы. Всадникам своим он приказал, лишь только они завидят полчища неприятелей в воде, броситься на них, пользуясь их затруднительным положением; на берегу он расположил своих слонов числом сорок» [Liv., XXI, V, 9–10; пер. Ф. Ф. Зелинского]. Расчет Ганнибала оказался абсолютно верен. «Действительно, варвары во многих местах пытались силою переправиться через реку, причем большая часть их была истреблена при выходе на сушу, ибо ведь вдоль берега шли слоны и лишь только выходил кто из реки давили его» [Polyb., III, 14, 6; пер. Ф. Г. Мищенко]. Карфагеняне

Ганнибал (247–183 гг. до н. э.).
Мраморный бюст

одержали блестящую победу, а оставшиеся в живых карпетаны в ужасе бежали с поля боя¹³.

Вторая Пуническая война отмечена большим количеством сражений, в которых приняли участие слоны¹⁴. Отправляясь в поход, Ганнибал оставил для защиты карфагенских владений в Испании своего брата Гасдрубала, под командованием которого находились крупные воинские силы:

¹³ «Победа при Таге занимает особое место и в биографии самого Ганнибала. Здесь он впервые обнаружил свои незаурядные тактические способности, показал умение принимать смелые решения, ломая установившиеся военные каноны и обращая себе на пользу те особенности местности, которые на первый взгляд сулили неминуемое поражение» (*Кораблев И. Ш. Ганнибал. М., 1976. С. 64*).

¹⁴ «Было немного войн, в которых слонов использовали столь же широко, как во Второй Пунической войне. Карфагеняне выводили на поле боя этих страшных животных во время шестнадцати кампаний в Италии, Испании и Африке» (*Armandi P. D. Histoire militaire... P. 172*).

пехоты — 11 850 ливийцев, 300 лигуров, 500 балеаров; кавалерии — 450 ливииофикиян, 300 илергетов и 800 нумидийцев и, кроме того, 21 слон [Liv., XXI, 22, 1–3]. С собой Ганнибал повел армию, в составе которой было 37 гигантских животных. Им предстояло совершить трудный переход через негостеприимные земли Галлии, населенные воинственными племенами, и неприступные заснеженные Альпы.

Одним из первых испытаний для слонов стала переправа через реку Родан. Существуют две различные версии, касающиеся этого предприятия. Обе они переданы Титом Ливием. «Относительно переправы слонов, полагаю я, предлагались различные планы: по крайней мере, источники на этот счет не согласны. По иным, слоны предвительно все были собраны на берегу; затем самый сердитый из них, будучи приведен в ярость своим провожатым, бросился за ним; провожатый бежал в воду, слон последовал за ним туда и своим примером увлек все стадо; если же животные попадали в глубокие места и теряли брод, то само течение реки относило их к другому берегу. По более достоверным известиям, они были перевезены на плотax; действительно, такая мера, если бы пришлось затевать дело теперь, показалась бы более безопасной, а потому и в данном случае, когда идет речь о делах прошлого, она внушает больше доверия. Плот длиною в двести футов, а шириною в пятьдесят был укреплен на берегу так, чтобы он вдавался в реку; а чтобы его не унесло течением вниз, его привязали крепкими канатами к высокой части берега. Затем его, наподобие моста, покрыли землею, чтобы животные смело взойшли на него, как на твердую почву. К этому плоту привязали другой, одинаковой с первым ширины, а длиною в сто футов, приспособленный к переправе через реку. Тогда слонов погнали по первому

плоту, как по дороге, причем самок пустили вперед; когда же они перешли на укрепленный к нему маленький плот, тотчас же канаты, которыми он был не особенно прочно соединен с первым, были развязаны и несколько легковых судов потянули его к другому берегу. Высадив первых, вернулись за другими и перевезли их. Они шли совершенно бодро, пока их вели как бы по сплошному мосту; но когда один плот был отвязан от другого и их вывели на середину реки, тут они обнаружили первые признаки беспокойства. Они сплотились в одну кучу, так как крайние отступали от воды как можно дальше, и дело не обошлось без некоторого замешательства: но наконец под влиянием самого страха водворилось спокойствие. Некоторые, правда, взбесились и упали в воду; но и они вследствие своей тяжести не теряли равновесия и только сбросили провожатых, а затем мало-помалу, отыскав брод, вышли на берег» [Liv., XXI, 28, 5–12; пер. Ф. Ф. Зелинского]. Вторая версия переправы, приведенная Ливием, вызывает гораздо больше доверия, чем первая, и практически в точности повторяет рассказ Полибия. Греческий историк добавляет интересную подробность, касающуюся упавших в воду слонов: «...все, что были при них, индийцы погибли, но животные были спасены. Ибо благодаря своей силе и длине хоботов, которые они держали на поверхности воды, которыми вдыхали воздух и выбрасывали всю попавшую в них воду, слоны большую часть пути под водою сделали стоя и выходили невредимыми на берег» [Polyb., III, 46, 12; пер. Ф. Г. Мищенко].

Гораздо более серьезным испытанием для слонов был переход через Альпы, во время которого они очень сильно страдали от холода и отсутствия корма [Polyb., III, 55, 8–9; Liv., XXI, 37, 4]. Ко всему прочему, карфагенскую армию постоянно

Переправа армии Ганнибала через Родан (Потт И.-И., 1880-е гг.)

тревожили своими нападениями местные племена, нанося ей ощутимый урон. Однако и здесь огромные звери, вернее одно их присутствие, оказывали Ганнибалу серьезную помощь, «ибо в каком бы месте они не появлялись, неприятель не решался подходить туда, устрешаемый видом неведомых животных» [Polyb., III, 53, 8; Liv., XXI, 35, 3].

Античные историки сообщают о фантастических потерях, которые понесла армия Ганнибала при переходе через альпийские горы. Возникает вопрос: сколько слонов оставалось в живых, когда карфагеняне наконец спустились с гор? Евтропий утверждает, что все 37 животных достигли Италии [Eutrop., III, 8, 2]. Полибий передает, что при Требии слоны

стояли на обоих флангах карфагенского войска, а если верить Ливию — не только на флангах, но и в центре [Polyb., III, 72, 10; Liv., XXI, 53, 2]. Это свидетельствует о том, что слонов было еще достаточное количество и, возможно, всем им действительно удалось перейти через Альпы.

Впервые об участии в бою этих животных мы узнаем из описания сражения при Требии. Согласно Ливию, легковооруженной пехоте римлян удалось обратить слонов в бегство. Однако Ганнибал предпринял маневр, который способствовал окончательной победе карфагенян. «Заметив, что слоны в испуге начинают уже бросаться на своих, Ганнибал велел удалить их из середины и отвести на левый

Переход армии Ганнибала через Альпы. Гравюра XIX в.

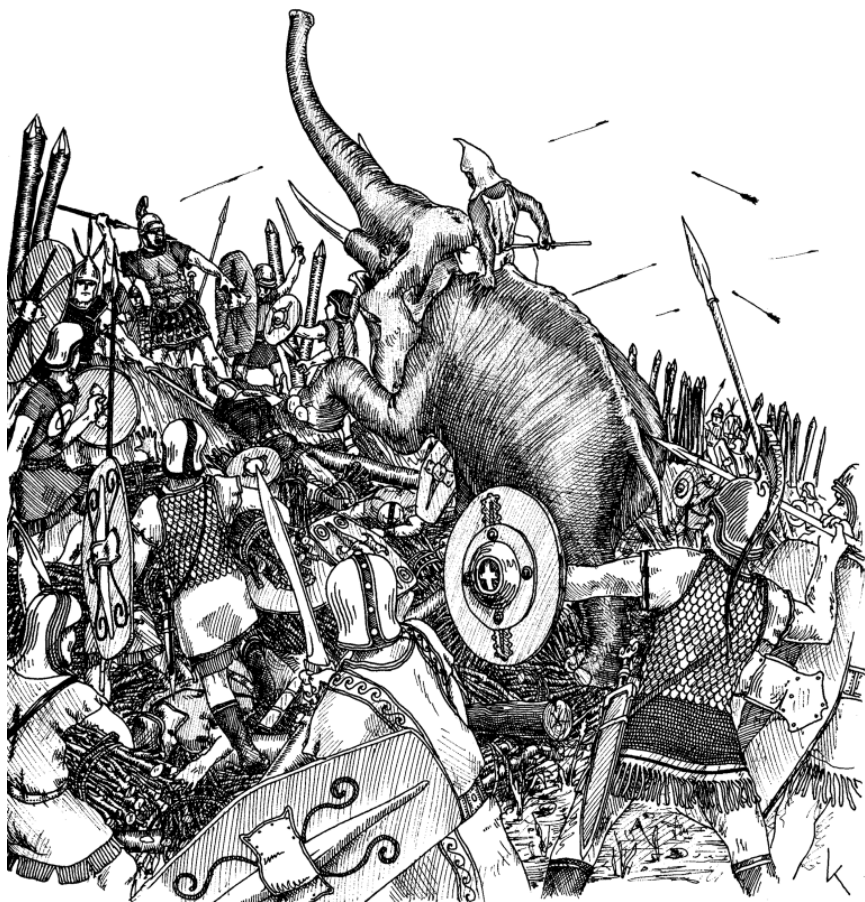
край, чтобы они пришлось против вспомогательных отрядов галлов. Тут они сразу вызвали повсеместное бегство и ужас римлян достиг пределов, когда они заметили, что их союзники разбиты» [Liv., XXI, 56, 1; пер. Ф. Ф. Зелинского]. Полибий утверждает, что римляне не смогли отразить атаку слонов на флангах и огромные животные продолжали теснить их, пока они не обратились в бегство [Polyb., III, 74, 1].

Но непривычные климатические условия оказались для четвероногих гигантов страшнее римских копий и дротиков. Почти все они, кроме восьми, пали от дождя, снега и холода [Liv., XXI, 56, 6]¹⁵. Семь слонов погибли при переходе карфагенской армии через Апеннины [Liv., XXI, 58, 11], после чего у Ганнибала остался только один слон, на спине которого карфагенский военачальник переправлялся через болота во время похода к Аретрию [Liv., XXII, 2, 10]. В сражениях при Тразименском озере и Каннах в карфагенской армии слонов уже не было. Для того чтобы получать новые подкрепления из Карфагена, в том числе и боевых слонов, Ганнибалу было необходимо утвердиться на итальянском побережье, захватив какой-либо крупный порт, находившийся поблизости от Африканского континента. Движение карфагенской армии на юг Италии во многом было обусловлено этой необходимостью. Такой базой, связывавшей карфагенян с родиной, стали Локры, жители которых сами перешли на сторону Ганнибала [Liv., XXIII, 5; 30]. Именно сюда прибыли из Африки слоны, принявшие активное участие во многих сражениях, которые дала армия Ганнибала после Каннской битвы¹⁶.

Узнав о победе при Каннах, карфагенский сенат принял решение отправить на помощь Ганнибалу 4000 нумидийских всадников и 40 слонов [Liv., XXIII, 13, 7]. Впервые карфагенский полководец использовал полученных животных во время осады Касилина: когда римский гарнизон попытался сделать вылазку, Ганнибал бросил вперед слонов, которые загнали римлян обратно в город [Liv., XXIII, 18, 6]. В сражении под Нолой Ганнибал потерял шесть слонов, два из которых были захвачены римлянами живыми [Liv., XXIII, 46, 4]. В 211 г., когда римляне осадили Капуя, Ганнибал попытался снять осаду города, используя при этом боевых слонов. Оставив в Бруттии обоз и основную массу тяжеловооруженных, он с кавалерией, отборными отрядами пехоты и 33 слонами ускоренными переходами направился к Капуе [Liv., XXVI, 5, 3]. Ганнибал дал знать о своем появлении кампанцам и приказал им поддержать его атаку, напад на римлян с тыла. На штурм римского лагеря Ганнибал бросил отряд испанцев, поддержанный тремя слонами. Несмотря на то что кампанцы были легко обращены в бегство, испанцы отбросили шестой легион, прорвали римский строй в середине и готовы были ворваться в римский лагерь, но боялись оказаться отрезанными от своих [Liv., XXVI, 5, 11]. Слоны уже взбирались на вал, когда начальникам римского лагеря легатам Луцию Порцию Лицину и Титу Попилию удалось убить их. Это, однако, не остановило отважных испанцев. «Тушами слонов завалило ров: вот и мост или насыпь для перехода врагу. На трупах слонов завязалась жестокая свалка» [Liv., XXVI, 6, 2; пер. М. Е. Сергеевко]. Поняв, что планы его провалились, Ганнибал приказал наконец оставить осаду лагеря и отошел от Капуи, потеряв в этот день 8000 человек [Liv., XXVI, 6, 6].

¹⁵ Согласно Полибию, пали все слоны, за исключением одного [Polyb., III, 74, 10].

¹⁶ *Armandi P. D. Histoire militaire... P. 185.*

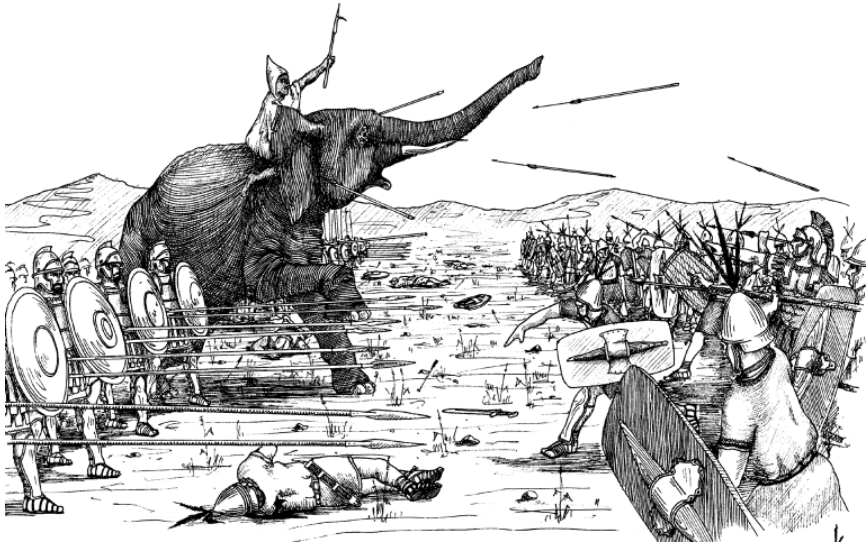
Ганнибал штурмует римский лагерь под Капуйей.

Рис. И. В. Кирсанова

Ливий приводит и иную версию сражения под Капуйей: «У других писателей я вычитал, что битва эта вовсе не была такой трудной, что больше было пустого страха, чем воинского пыла, когда в римский лагерь неожиданно ворвались со слонами испанцы и нумидийцы и слоны прошли по лагерю, с шумом опрокидывая

палатки, а испуганные мулы и лошади, оборвав привязи, разбежались» [Liv., XXVI, 6, 8; пер. М. Е. Сергеевко].

В 210 г. до н. э. между римскими войсками под командованием проконсула Марцелла и армией Ганнибала произошла ожесточенная битва под Канусием, в которой опять приняли активное участие слоны.

Атака карфагенских слонов в битве под Канусием.

Рис. И. В. Кирсанова

«Сражение шло уже долго, но никто не имел перевеса, и Ганнибал приказал вывести вперед слонов: не напугают ли они противника и не приведут ли его в замешательство. Сначала слоны действительно смешали ряды римлян: одних потоптали, другие в страхе разбежались, обнажив линию обороны. Это пошло бы и дальше, если бы военный трибун Гай Децим Флав, схватив знамя первого манипула гастатов, не приказал всем идти за ним; приведши их туда, где столпились животные и беспорядок был наибольшим, он приказал забросать слонов дротиками. Все дротики попали в цель — и немудрено: кидали с близкого расстояния в таких громадин, да еще сгрудившихся вместе. Не все слоны, правда, были ранены, но те, в чьих спинах засели дротики, кинувшись бежать, увлекли за собой и невредимых — животные эти с норовом. Тут уже не один

только манипул, но каждый, кто только мог попасть в бегущих слонов, стал кидать в них дротики. Огромные животные кинулись на своих и убили их больше, чем врагов: животное, охваченное страхом, не слушается сидящего на нем жока. На карфагенян, уже смятых побежавшими слонами, наступала римская пехота; краткий бой — и враг бежит врассыпную. Марцелл вдогонку послал конницу; гонимых страхом преследовали, пока наконец не загнали в лагерь. Ко всему еще в самых воротах лагеря рухнули два слона; и солдатам пришлось лезть в лагерь через ров и вал; тут-то и началось избиение: убито было около восьми тысяч человек и пять слонов. И римлянам эта победа недешево стоила, тысячу семьсот легионеров (из двух легионов), больше тысячи трехсот союзников потеряли убитыми; раненых — и граждан, и союзников — было

Поражение карфагенян под Канусием.

Рис. И. В. Кирсанова

очень много. Ганнибал в следующую ночь ушел; Марцеллу хотелось его преследовать, но большое число раненых удержало на месте» [Liv., XXVII, 14; пер. М. Е. Сергеевко].

К концу Второй Пунической войны у Ганнибала, очевидно, уже не оставалось слонов. Силы его армии стремительно таяли. Карфагенское правительство приняло решение попытаться переломить ход военных действий в свою пользу и приказало Гасдрубалу перейти Альпы и идти на соединение с армией Ганнибала. Однако римлянам стало известно об этом замысле и, как только Гасдрубал оказался в Италии, путь ему преградила римская армия под

командованием консула Ливия Солинатора, к которому присоединился отряд его коллеги — консула Клавдия Нерона. Решительная битва между противниками состоялась у реки Метавр. Согласно Полибию, в армии карфагенян было 10 слонов [Polyb., XI, 1, 1]. Гасдрубал поставил их в центре впереди фронта армии. Основной удар карфагенский полководец направил против левого крыла римлян под командованием Ливия Солинатора, поскольку он видел, что из-за неровностей почвы правое крыло неприятеля, которым командовал консул Нерон, не сможет помешать его атаке. Бой шел с чрезвычайным ожесточением, при этом, «отрезан-

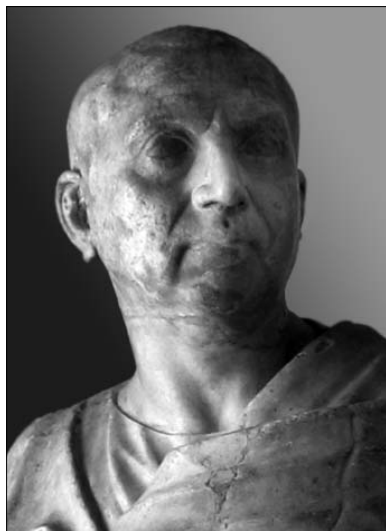
Гасдрубал приказывает перебить своих слонов.

Рис. И. В. Кирсанова

ные и с обеих сторон обстреливаемые, звери производили расстройство в рядах и римлян и иберов» [Polyb., XI, 1, 9; пер. Ф. Г. Мищенко] (см. вкл., рис. 30). Исход боя был решен искусным маневром, произведенным Нероном: он прошел со своими воинами за строем римской армии, обогнул ее левое крыло и ударил с фланга на карфагенян. Карфагенская армия была уничтожена. Гасдрубал, отважно сражаясь, предпочел смерть позору поражения, а из слонов шесть были убиты на месте, а четыре, прорвавшись через ряды сражавшихся, были позднее пойманы живыми [Polyb., XI, 1, 12]. Ливий добавляет интересную подробность,

касавшуюся участия слонов в этой битве. «Большинство слонов перебили не враги, а сами их вожаки; у каждого из них были долото и молоток; когда слоны приходили в неистовство и начинали кидаться на своих, вожак между ушей, как раз в том месте, где шея соединяется с головой, ставил долото и бил по нему изо всех сил. Это самый быстрый способ умертвить громадного зверя, когда с ним уже нет сладу. Гасдрубал первым ввел его в употребление» [Liv., XXVII, 49, 1–2; пер. М. Е. Сергеевского].

В 203 г. до н. э. карфагенское правительство решило вновь отправить армию в Северную Италию. Ее возглавил брат

Сципион Африканский
(235–183 гг. до н. э.). Мраморный бюст

Ганнибала Магон, который высадился в Лигурии, имея под своим командованием 12 000 человек пехоты и 2000 всадников. Здесь он пополнил свои силы цизальпийскими галлами. Через некоторое время он получил из Карфагена значительное подкрепление в 6000 пехотинцев, 800 всадников и 7 слонов. Задача Магона состояла в том, чтобы совершить диверсионный поход на Рим, который воспрепятствовал бы Сципиону вторгнуться в Африку [Liv., XXVIII, 36; 46; XXIX, 4]. Навстречу карфагенянам выступили проконсул Корнелий Цетег и претор Квинктилий Вар, которые столкнулись с неприятелем между Аддой и Тезеном. Магон разместил своих слонов во второй линии боевого порядка и приказал пехоте начать атаку. Сражение было упорным, и никто не желал отступать. В это время Квинктилий атаковал противника во главе своей кавалерии. Однако Магон бросил вперед слонов и атака

римской кавалерии захлебнулась. Карфагенская конница бросилась преследовать римскую, слоны развернулись и ворвались в ряды легионов. Поражение римлян было бы неизбежным, если бы гастаты одиннадцатого легиона не метнули все разом свои пилумы в гигантских четвероногих. Четыре слона были убиты тут же остальные, получив ранения и страдая от боли, повернули назад и смешали ряды карфагенской армии. Когда римляне подвели находившийся в резерве легион, Магон приказал дать сигнал к отступлению. Но в этот момент он получил тяжелое ранение и после того, как его вынесли с поля боя, карфагенская армия обратилась в бегство.

Италия была не единственным театром военных действий на котором в составе карфагенских армий действовали слоны. В Испании под командованием брата Ганнибала Гасдрубала была сосредоточена армия из 70 000 пехоты, 5000 кавалерии и 36 слонов [Liv., XXVIII, 12, 13–14; App., Iber., 25]. Ей противостояла римская армия под командованием Сципиона, насчитывавшая всего 45 000 пехотинцев и 3000 всадников. В 206 г. до н. э. между противниками произошло решающее сражение при Кармоне, которое поставило точку в вопросе о том, кому обладать Испанией. Гасдрубал разместил своих слонов на флангах, однако это не принесло ему успеха: «...слоны, испуганные беспорядочным сражением всадников, велитов и легкой пехоты, бросились с флангов в середину строя» [Liv., XXVI, II, 15, 5]. Карфагенская армия потерпела сокрушительное поражение, и Карфаген навсегда лишился своих испанских владений.

Кроме того, карфагеняне попытались продолжить борьбу за Сицилию и высадили на этот остров 5000 человек пехоты, 3000 всадников и 12 слонов [Liv., XXIV,

Битва при Заме.

Римские велиты пытаются остановить карфагенских слонов
(Les Éléphants / sous la direction du Dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 147)

35, 3]. Эта армия была разбита Марцеллом у реки Гиммеры в 212 г. до н. э., причем 8 слонов были захвачены римлянами живыми [Liv., XXV, 41, 7].

Последней битвой, в которой карфагеняне использовали боевых слонов, была битва при Заме. У нас сохранилось два описания этого эпохального сражения, сделанные Полибием и Ливием. Дополнительную информацию о нем мы можем почерпнуть у Аппиана. Относительно численности обеих армий и их боевого построения все три источника в основном согласны между собой. Армия Ганнибала насчитывала около 50 000 человек, из них 2000–3000 всадников и 80 или даже больше слонов. У Сципиона было 23 000 пехотинцев, 1500 всадников итальянцев и римлян и, кроме того, на помощь ему подошел царек Декама с 600 всадниками и Маса-

насса с 6000 пехотинцев и 4000 всадников [App., Lib., 40, 41]¹⁷.

Ганнибал поставил слонов перед фронтом армии, «за ними отвел место наемникам, коих насчитывалось до двенадцати тысяч: это были лигистины, кельты, балеаряне, мавры. За наемниками выстроены были туземцы ливияне и карфагеняне, а последними стояли войска, прибывшие вместе с Ганнибалом из Италии, на расстоянии стадии с лишним от передних рядов» [Polyb., XV, 11, 1; пер. Ф. Г. Мищенко]. Сципион «построил свои войска в следующем порядке: впереди поставил манипулы гастатов в некотором расстоянии один от другого, за ними принципов, но не против промежутков в передних рядах, как

¹⁷ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 271.

Битва при Заме
(Kistler J. M. War Elephants. Lincoln; London, 2007. P. 131)

бывает у римлян обыкновенно, а за самymi манипулами, в некотором расстоянии от них, ибо у неприятеля было множество слонов. Последними поставлены были триарии. На левом из флангов Публий поместил Гая Лелия во главе италийской конницы, на правом — Масанассу со всеми подвластными ему нумидянами. Промежутки между передними манипулами он заполнил отрядами легковооруженных, которым и отдал приказ начинать битву: если б они не устояли перед натиском слонов, то должны были отступить более быстрые из них в самый тыл войска через промежутки, следовавшие один за другим по прямой линии, другие, замешкавшиеся по вине неприятеля, — в боковые проходы между рядами мани-

пулов» [Polyb., XV, 9, 6; пер. Ф. Г. Мищенко; cf. Liv., XXX, 32, 11: 33, 1–3].

К этому описанию можно добавить любопытную подробность, сообщаемую Аппианом: «Так были построены у Сципиона пехотинцы; всадников nomadских, привычных переносить вид и запах слонов, он поставил на флангах, италийских же, ввиду их непривычки к этому, — позади всех, они готовы были двинуться через промежутки, когда пехотинцы выдержат первый натиск слонов. У каждого из этих всадников был помощник, несший большое количество дротиков, которыми он собирался отражать зверей. Так обстояло у него дело с конницей» [App., Lib., VII, 40; пер. С. П. Кондратьева].

На первый взгляд такая диспозиция обеих армий вполне оправдана: Ганнибал, имевший большое количество слонов, рассчитывал повторить маневр Ксантиппа и прорвать римский боевой строй, а Сципион предпринимал собственные меры, чтобы избежать участи Регула. Однако не нужно забывать, что в отличие от Ксантиппа Ганнибал сильно уступал противнику в числе конных воинов. Поэтому без дополнительной поддержки его всадники, стоявшие на флангах, были бы неминуемо обращены в бегство, а пехота подверглась бы двойному фланговому удару неприятельской кавалерии. Г. Дельбрюк задается вполне логичным вопросом: почему Ганнибал, имея такое большое количество слонов, не разместил какую-то их часть на флангах своей армии¹⁸? Ведь нам хорошо известно, что слонов с наибольшим успехом всегда применяли именно против конницы, поэтому карфагенский полководец мог свести подобным образом римское преимущество на нет. Почему он этого не сделал? Г. Дельбрюк приходит к выводу, что сообщения наших источников относительно количества слонов у Ганнибала являются явным преувеличением¹⁹.

Ход битвы у Полибия и Ливия представлен практически одинаково. «Потом, когда все приготовления к битве были кончены, произошло несколько легких схваток нумидийской конницы с обеих сторон. Ганнибал приказал вожатым двинуться со слонами на врага. Но раздавшиеся со всех сторон звуки труб и рожков смуглили нескольких слонов, которые повернули назад и кинулись на нумидян, пособников карфагенян. Благодаря этому отряд Масанассы быстро отгеснил конницу от левого крыла карфагенян. Прочие

слоны столкнулись с римскими легковооруженными на промежуточном пространстве между боевыми линиями, причем и сами сильно пострадали, и врагам причинили большой урон, наконец в страхе одни из них кинулись на римское войско, которое благодаря предусмотрительности вожда могло пропустить их через свободные промежутки без всякого урона для себя, другие перебежали на правое крыло и, обстреливаемые конницей, попали наконец за боевую линию. В это время Лелий воспользовался смятением слонов и обратил в беспорядочное бегство карфагенскую конницу. Он с ожесточением теснил бегущих; то же сделал Масанасса. В это самое время тяжелые пешие войска обоих противников мерным шагом грозно наступали друг на друга; только войска, прибывшие из Италии вместе с Ганнибалом, оставались неподвижно на месте. Когда враги сблизились, римляне согласно исконному обычаю издали дружный боевой клич, ударили мечами в щиты и начали напирать на врага... Сначала, пока битва была только рукопашная и противники дрались один на один, пока сражающиеся действовали не копьями, а мечами, перевес был на стороне наемников, благодаря их ловкости и отваге, и многие римляне были ранены. Однако, полагаясь на превосходство своего военного строя и вооружения, римляне продвигались все дальше вперед. Кроме того, у них за передовыми бойцами следовали другие, поддерживавшие бодрость духа в сражающихся, тогда как на неприятельской стороне оробевшие карфагеняне не спешили к наемникам и не подавали им помощи, благодаря чему варвары стали наконец отступать. Во время отступления наемники наталкивались на стоявших позади карфагенян и, будучи твердо убеждены, что те покинули их, рубили своих же. Многие карфагеняне пали поэтому геройской

¹⁸ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 271.

¹⁹ Там же. С. 277.

Битва при Заме
(Джулио ди Петро де Пиппи, XVI в.)

смертью, ибо вынуждены были рубившими их наемниками обороняться и от своих воинов, и от римлян. С яростью и отчаянием кидаясь в битву, карфагеняне перебили множество своих и врагов, стремительным нападением расстроили даже манипулы гастатов, а начальники принципов, поняв в чем дело, остановились со своими манипулами. Огромное множество наемников и карфагенян пало на поле брани частью от рук своих воинов, частью под ударами гастатов. Тех из наемников, которые искали спасения в бегстве, Ганнибал не допустил до соединения с его войсками, приказав задним воинам протянуть вперед свои копья и не допускать

к себе бегущих. Вследствие этого бегущие вынуждены были укрываться на флангах и выходить на прилегающие к ним открытые поля.

Пространство, разделявшее войска, которые еще уцелели, всё было залито кровью, наполнено ранеными и убитыми, и эти последствия поражения сильно затрудняли действия римского военачальника. И в самом деле, кучи трупов, истекающих кровью и наваленных друг на друга, а также вооружение, разбросанное повсюду в беспорядке вместе с людьми, мешали движению построенного правильно войска. Тем не менее Публий распорядился перенести раненых в тыл, гнавшихся

за неприятелем гастатов отозвал звуками трубы назад, поставил их впереди поля сражения против неприятельского центра, а принципам и триариям велел тесно сомкнуться в ряды на обоих флангах и проходить вперед мимо трупов. Когда пространство это было пройдено и принципы поравнялись с гастатами, полчища с величайшей яростью и стремительностью ударили друг на друга. Воюющие были почти равновесны по численности и воодушевлению, равно по вооружению и храбрости, посему исход битвы долгое время оставался неизвестным, ибо сражавшиеся считали своим долгом держаться на своих местах до последнего издыхания. Наконец возвратились из погони за конницей Масанасса и Лелий и каким-то чудом вовремя подоспели к делу. Нападение произведено было ими с тыла, бла-

годаря чему большая часть воинов Ганнибала истреблена была на месте, а из бежавших уцелели лишь весьма немногие, потому что в деле участвовала конница и местность была ровная. Потери римлян убитыми превышали тысячу пятьсот человек, карфагенян было убито больше десяти тысяч и немного меньше взято в плен. Так вышеописанные военачальники завершили последнюю битву, окончательно решившую распрю в пользу римлян» [Polyb., XV, 12–15, 1; пер. Ф. Г. Мищенко; cf. Liv., XXX, 33, 12–16; 34; 35, 1].

По мнению Г. Дельбрюка, план битвы, задуманный Ганнибалом, был гораздо более виртуозным, чем это представлено у Полибия и следующего ему Ливия. Понимая, что он не сможет противостоять римской кавалерии, карфагенский полководец будто бы отдал приказ своим всадникам

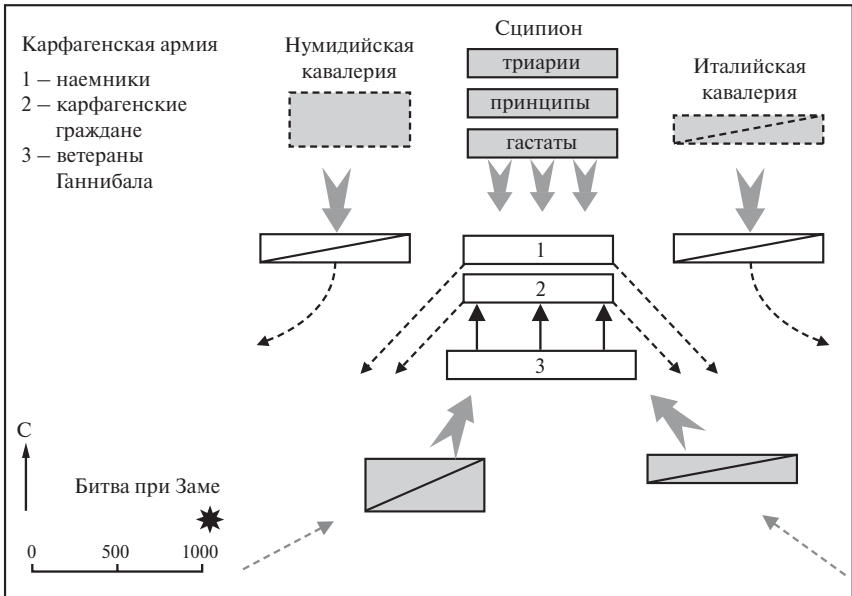

Схема сражения при Заме

Серебряная монета из Нового Карфагена (237–209 гг. до н. э.)

На аверсе изображение Геракла (Мелькарта), увенчанного лавровым венком, с палицей на правом плече; на реверсе изображение шествующего африканского слона (Sylloge Nummorum Graecorum Copenhagen: The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. Vol. 8: Egypt, North Africa, Spain and Gaul. Copenhagen, 1982. № 293)

обратиться в самом начале боя в притворное бегство и тем самым увести за собой конницу неприятеля. Чтобы выиграть время для проведения решающего маневра, Ганнибал подкрепил первую линию своей армии, полностью состоявшую из легковооруженных застрельщиков, тем небольшим количеством слонов, которое у него имелось. Тяжелая пехота была выстроена в две боевые линии, причем вторую составляли ветераны Ганнибала, которые и должны были нанести главный удар.

Как только неприятельские всадники покинули поле боя, карфагенский полководец отвел легковооруженных и двинул вперед фалангу карфагенских граждан. После того как она завязала сражение с противником, Ганнибал разделил вторую фалангу на две части, которые стали обходить справа и слева строй сражавшихся карфагенян. «Это то же самое движение, которое африканцы произвели при Каннах, с тою лишь разницей, что оно началось позднее; поэтому отрядам предстояло совершить более длинный путь»²⁰. Если бы ветераны Ганнибала смогли нанести

фланговый удар по римской пехоте в то время, как с фронта ее теснила фаланга карфагенских граждан, судьба битвы была бы решена. Однако Сципион вовремя заметил и разгадал маневр своего гениального противника. Чтобы парировать его, он также разделил свою вторую линию и противопоставил ее наступавшей справа и слева второй линии карфагенян. Сражение затянулось и приняло еще более ожесточенный характер. Неизвестно, на чью сторону склонилась бы фортуна, если бы в этот момент на поле боя вновь не показалась римская кавалерия, которая ударила в тыл карфагенянам²¹. Это решило судьбу сражения, судьбу войны, судьбу Карфагена и поставило точку в военной карьере величайшего полководца древности. Красивая картина битвы, и даже если она далека от действительности, она очень хорошо соответствует тому образу победителя при Каннах, который создали античные историки²².

²¹ Там же. С. 271–274.

²² Согласно мнению некоторых исследователей, уже в древности не битва при Каннах, а именно сражение при Заме признавалось высочайшим достижением Ганнибала как тактика (*Brizzi G. Il guerriero, l'oplita, il legionario. Gli eserciti nel mondo*

²⁰ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 273.

Описание битвы при Заме, сделанное Аппианом, заслуживает меньше доверия, чем рассказ Полибия или Ливия. Однако нельзя не отметить интересную деталь, которую Аппиан сообщает в отношении того способа борьбы со слонами, к которому прибегли в этом сражении римляне. «Когда войска сошлись, начали сражение слоны, снаряженные для внушения ужаса и возбуждаемые уколами стрекал со стороны тех, кто на них сидел; но всадники-номады, носясь вокруг них, метали в них дротики один за другим, пока вожак не вывели их из битвы, израненных, бросившихся бежать и уже переставших слушаться. Так было со слонами, стоявшими на флангах, стоявшие же в середине фаланги стали топтать римских пехотинцев, бывших неопытными в такой битве, малоподвижных вследствие своего тяжелого вооружения и поэтому не имевших возможности легко от них убегать или их преследовать, пока Сципион не приказал италийским всадникам, выстроенным позади и имевшим более легкое вооружение, соскочить с испуганных коней и, окружив слонов, забросать их дротиками. И он сам, первый, соскочив с коня, ранил шедшего впереди слона. Его пример внушил смелость другим, и они стали уже отовсюду наносить слонам раны; тогда отступили и слоны» [App., Lib., 43; пер. С. П. Кондратьева].

В соответствии с заключенным мирным договором карфагеняне должны были выплатить победителю огромную контрибуцию, выдать оружие и боевых слонов [Liv., XXX, 43, 11]. Когда же во время Третьей Пунической войны Карфаген уже стоял на пороге гибели, карфагеняне в отчаянии «звали по именам слонов, как будто те были еще здесь, они поносили и своих предков,

classico. Bologna, 2008. P. 84–91). Cf. *Brizzi G. Fatti d'arme sull'Ofanto: considerazioni sulla battaglia di Ausculum* (279 a. C.) // *Revue des Études Militaires Anciennes*. 2005. №2. P. 64.

Реверс серебряной карфагенской монеты: африканский слон, на котором восседает корнак в просторном плаще с капюшоном (III в. до н. э.)

и самих себя, говоря, что следовало, не передавая ни кораблей, ни слонов, не внося дани, не передавая оружия, умереть вместе с родиной, когда она была в полном вооружении» [App., Lib., 93; пер. С. П. Кондратьева]. Но, что сделано, то сделано...

2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОВЕЫХ СЛОНОВ НУМИДИЙЦАМИ И РИМЛЯНАМИ. ЗАКАТ «ЭПОХИ БОВЕЫХ СЛОНОВ»

После окончания Второй Пунической войны Карфаген лишился своего политического могущества, и право содержать боевых слонов имел в этой части Африки только Масанасса, ставший верным союзником Рима. Он был, по-видимому, первым нумидийским царем, кто обзавелся боевыми слонами. Именно эти животные, а не эскадроны нумидийских всадников стали основным видом военной помощи, которую оказывали правители Нумидии

Масанасса (240–149 гг. до н. э.).
Мраморный бюст

Риму; уже в 198 г. до н. э. Масанасса отправил 10 слонов в Грецию консулу Квинту Фламинию, который вел войну против царя Македонии Филиппа V [Liv., XXXII, 27, 2]; в 191 г. до н. э. послы Масанассы, прибывшие в Рим, обещали предоставить 20 слонов консулу Манию Ацилию, которому предстояло вести войну с Антионом III [Liv., XXXVI, 4, 8]; 22 слона ну-

Югурта (около 160–104 гг. до н. э.).
Изображение на монете

мидийский правитель послал в римскую армию, воевавшую в Греции против царя Персея [Liv., XLII, 62, 2]; 10 животных было отправлено в Испанию во время Нумантинской войны [App., Iber., 46]. Тогда же Сципион Младший, еще простой трибун, прибыл к Масанассе, чтобы вновь просить слонов [App., Lib., 71, 72]. Во время Третьей Пунической войны Гулусса, сын Масанассы, привел Сципиону слонов, которые затем были использованы при штурме лагеря карфагенян [App., Iber., 126].

Сын и наследник Масанассы Мициспа продолжал сохранять союзнические отношения с Римом, и нумидийские слоны продолжали воевать под знаменами республики. Дважды Мициспа отправлял их в Испанию на помощь римлянам: 12 животных было послано Сципиону Эмилиану, воевавшему с нумантинцами, и 10 — проконсулу Фабию Сервилиану во время войны с Вириатом [App., Iber., 57, 89].

Когда произошел разрыв с нумидийскими царями, боевые слоны вновь стали из союзников противниками римлян. Нумидийский царь Югурта обладал большим количеством гигантских четвероногих [Veg., III, 24], которые стали основой его военных сил во время Югуртинской войны. Уже в самом начале ее он, пытаясь выиграть время и заключить перемирие с Римом, выдал республике 30 боевых слонов [Sallust., Bell. Iugurth., 29, 6]. В битве при реке Мутул у Югурты было 44 слона, из которых 4 были захвачены римлянами живыми, а все остальные перебиты во время сражения [Sallust., Bell. Iugurth., 53, 4]. После ряда военных неудач Югурта был вынужден вновь вступить в переговоры с римлянами. В соответствии с заключенным договором нумидийский царь выдал победителям всех своих боевых слонов [Sallust., Bell. Iugurth., 62, 5–6]. Однако и после окончания Югуртинской войны

Бронзовая монета Юбы I

На аверсе символическое изображение Африки; на реверсе шествующий лев (Sylloge Nummorum Graecorum Copenhagen: The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. Vol. 8: Egypt, North Africa, Spain and Gaul. Copenhagen, 1982. № 532, 533)

цари, правившие в Нумидии, не переставали использовать этот род войска.

Власть над страной была разделена между потомками Югурты Гиемпсалом и Иарбом. Во время вспыхнувшей в Риме гражданской войны между сулланцами и марианцами Иарб примкнул к партии последних. Известно, что он привел им на помощь свои войска, в том числе и слонов. Однако Помпей, посланный в Африку Суллой, разбил войска марианцев и захватил всех слонов Иарба [Plin., NH, VIII, 4]. Тем не менее нумидийцы очень быстро восстановили свой военный потенциал и, когда в Риме началась новая гражданская война между сторонниками Помпея и Цезаря, царь Юба, поддерживавший помпеянцев, имел в своем распоряжении 120 голов этих животных [[Caes.], Bell. Afr., 19].

Римляне, как уже говорилось выше, впервые столкнулись с боевыми слонами во время войны с Пирром. После победы над войсками эпирского царя римский сенат даровал консулу Курию Дентату право отпраздновать триумф. Именно тогда по Риму прошли четыре захваченных у Пирра слона [Eutrop., II, 14]²³. Под Панормом, как уже отмечалось, римляне захватили около 130 карфагенских слонов. Согласно утверждению Фронтин, Метелл, не имевший достаточного количества кораблей, чтобы доставить всех животных в Италию, соединил бочки, покрыл их до-

щатым настилом и на этом импровизированном пароме перевез слонов через Сицилийский пролив [Frontin., Strateg., I, 7, 1]. Четвероногие гиганты стали украшением триумфального шествия Метелла в 252/251 г. до н. э. Поскольку римляне не умели обращаться со слонами, то, не найдя им никакого применения, они перебили животных на потеху толпе на цирковой арене [Plin., NH, VI, 16]²⁴. Однако длительные

Драхма Юбы II

На аверсе изображение царя в профиль и надпись: «REX VBA» («царь Юба»); на реверсе изображение шествующего африканского слона (Sear D. R. Greek Imperial Coins and Their Values. London, 1982. № 5972)

²⁴ «Verrius eos pugnasse in circo interfectosque iaculis tradit paenuria consulii quoniam neque ali placuisset, neque donari regibus» («Верий сообщает, что они сражались в цирке и были перебиты дротиками, так как, отказавшись кормить их или дарить кому-либо из царей, не знали, что с ними делать»). По мнению Ф. Уолбанка, прежде чем перебить слонов на арене, Метелл ввел какое-то их количество в свое войско. После этого изображение слона стало гербом рода Метеллов (Walbank F. W. A Historical commentary on Polybius. Vol I. Oxford, 1957. P. 103).

²³ «Primus Romam elephantos quattuor duxit».

Филипп V (221–179 гг. до н. э.).
Изображение на монете

войны с карфагенянами заставили римлян изменить свое отношение к слонам и продемонстрировали им, что эти животные могут принести большую пользу на полях сражений.

Сломив могущество Карфагена и установив дружеские отношения с Масанассой, а затем и его сыновьями, римляне начинают использовать слонов в военных целях. Впервые они воспользовались слонами уже в войне против македонского царя Филиппа V. В битве при Киноскефалах (197 г. до н. э.) командовавший римской армией Тит Фламинин поставил слонов впереди правого крыла, которое отодвинул немного назад по сравнению с фронтом остальной армии [Liv., XXXIII, 8, 3]. Такое построение принесло римлянам победу: когда их левый фланг начал уже подаваться под натиском македонян, Тит ввел в бой слонов. Напуганные появлением гигантских зверей македоняне сразу же обратились в бегство [Liv., XXXIII, 9, 6]. После окончания войны с Филиппом римляне подарили всех своих слонов состоявшему с ними в союзе пергамскому царю Атталу [Liv., XXXIII, 30, 10].

Спустя всего 7 лет слоны вновь появляются в римской армии. В битве при Магнезии (190 г. до н. э.) у римлян было 16 слонов, которые, однако, так и не при-

няли участия в сражении, находясь в резерве позади линии триариев. И это неудивительно: во-первых, количество этих животных у римлян было несоизмеримо с тем количеством, которое мог противопоставить им противник, а во-вторых, римские слоны были африканской породы, в то время как у сирийцев были большие индийские слоны [Liv., XXXVII, 39, 13].

Во время Третьей Македонской войны (171–168 гг. до н. э.) у римлян было кроме 22 африканских слонов, посланных им Масанассой, еще какое-то количество индийских слонов, полученных ими от сирийского царя Антиоха [Polyaen., IV, 21]. Неясно, о каком Антиохе упоминает Полиен, об Антиохе III или его сыне Антиохе IV Эпифане (175–164 гг. до н. э.). Антиох IV считался другом и союзником римского народа. Римляне не могли не знать, что вопреки условиям Апамейского договора он содержал у себя боевых слонов. Однако когда их посольство, возглавляемое Гаем Поппием, встретилось с царем в Египте, римляне потребовали только, чтобы Антиох прекратил войну и ушел в свои владения [Liv., XLV, 12, 6]. Таким образом, мы должны предположить, что либо слоны, захваченные в результате Сирийской войны, около 10 лет использовались римлянами в военных целях, либо римляне сознательно закрывали глаза на нарушение сирийским царем условий Апамейского мира и даже, более того, получали от него этих животных.

Македонскому царю Персею стало известно, что римляне собираются использовать против него слонов. Зная, что наибольший страх эти животные внушают лошадям, царь будто бы прибег к следующему средству, которое, по его замыслу, должно было приучить македонских коней к их виду и реву: он «приказал ремесленникам изготавливать деревянные фи-

Дидрахма Персея
(179–168 гг. до н. э.)

На аверсе изображен Персей;
на реверсе — стрекало для
управления слоном и надпись
по-гречески: «Царь Персей»
(Munich City Coin Collection.
Munich, 1968. № 1196)

гуры, сходные видом и цветом с настоящими слонами. Но так как более всего страшен был для коней голос этих животных, Персей приказал в каждую деревянную фигуру помещать человека с трубой, который, направляя эту трубу через пасть фигуры, издавал резкий и пронзительный звук. Так македонские кони научились не обращать внимания на голос и вид слонов» [Polyaen., IV, 21; пер. М. М. Холода]. Кроме того, по приказу царя были образованы отряды «слоноборцев» (*elephantomachae*), специально обученных борьбе с четвероногими гигантами [Liv., XLIV, 41, 6].

Война шла уже около трех лет, и никто из противников не мог достичь решающего успеха. Тогда римский главнокомандующий консул Марций Филипп решил пересечь горную цепь Олимпа и перенести военные действия непосредственно на территорию Македонии. Во время этого перехода, который, несомненно, был не менее труден, чем переход Ганнибала через Альпы, слоны сильно препятствовали движению армии. «Неизъяснимо труден был спуск: срывались животные, катились вниз поклажа; и четыре мили еще не прошли, а только о том и мечтали, чтобы воротиться назад, будь это возможно. Да и слоны вносили смятение не хуже неприятеля: дойдя до нехоженых мест, они сбросили погонщиков и подняли такой рев, что всех повергли в трепет, особенно лошадей. Наконец придумали, как их

перевести. Несколько ниже по склону вбивали в землю на одном уровне два крепких столба, отставив один от другого чуть дальше, чем на ширину слона; на поперечную балку накладывали доски по тридцати футов длиною, наподобие мостика, и присыпали землею. Еще ниже по склону на малом расстоянии устраивали такой же второй, затем третий мостик и так далее у каждого обрыва. С твердой земли слон ступал на мостик, но прежде, чем он доходил до края, столбы подрубали, и слон сползал до начала следующего мостика, какой — держась на ногах, какой — скатываясь на зад; когда под ним вновь оказывался ровный мостик, все начиналось сначала, покуда не спустились в долину» [Liv., XLIV, 5, 1–7; пер. О. Л. Левинской].

Решающее сражение между римской и македонской армиями состоялось на следующий год у г. Пидна (168 г. од н. э.). Римской армией командовал консул Эмилий Павел. Он поставил слонов на левом фланге, вероятно, несколько впереди фронта всей остальной армии. Позади них располагались конные отряды союзников. Согласно свидетельству Ливия, именно слоны посеяли панику среди македонян и обратили их в бегство [Liv., XLIV, 41, 3–4]. Позже, когда уже вся македонская армия была уничтожена и остававшиеся в живых пытались найти спасение в реке,

римляне привели к ее берегу слонов, которые топтали и давили насмерть всех тех, кто выбирался из воды [Liv., XLIV, 42, 6]²⁵.

Таким образом, мы видим, что всякий раз, когда римляне выводили на поля сражений этих животных, у них не было повода для сожаления. Поэтому они и далее продолжали требовать от своих нумидийских союзников все новых и новых отрядов четвероногих гигантов, которых использовали для борьбы с племенами испанцев и галлов.

В Нумантинскую войну римляне впервые понесли поражение, виновниками которого во многом оказались слоны (152 г. до н. э.). Проконсул Фульвий Нобилиор приказал поставить имевшихся у него слонов в арьергарде. «Когда началась рукопашный бой, то его солдаты наступились и животные внезапно появились перед врагами. Кельтиберы, и сами, и их кони, никогда прежде не выдавшие слонов на войне, пришли в смтение и бежали в город. Нобилиор повел этих слонов к самым стенам и вел удачно бой до тех пор, пока один из слонов, пораженный большим камнем, упавшим ему на голову, не пришел в ярость и, страшно заревев, не повернулся на своих же и стал убивать всякого, попадавшего ему на пути, не разбирая врагов и друзей. Другие слоны, приведенные в беспокойство его ревом, все стали делать то же, что и он: топтать, рубить и подбрасывать вверх. Перепуганные слоны обыкновенно это и делают и всех считают своими врагами. Поэтому некоторые, чувствуя к ним из-за этого недоверие, называют их “общими

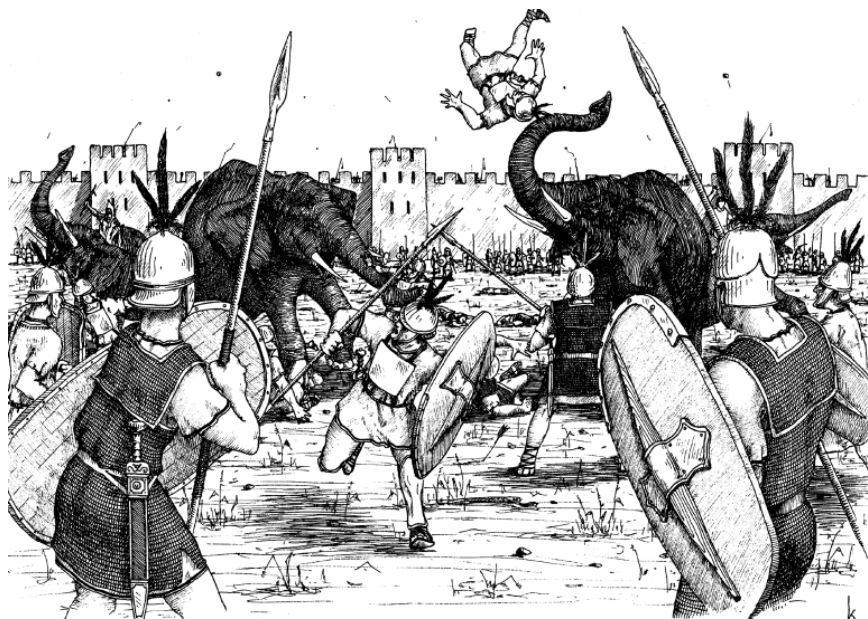
врагами”». Тут началось нестройное бегство римлян. Увидав все это, нумантинцы быстро вышли из-за стен и, преследуя, убили тысячи четыре воинов и трех слонов и захватили много оружия и военные знамена» [App., Iber., 46; пер. С. П. Кондратьева].

Тем не менее римляне продолжали использовать слонов против испанцев, и более того, эти четвероногие стали неотъемлемой частью их вооруженных сил, действовавших на Иберийском полуострове. Римляне несомненно использовали слонов во время войны с луситанами под предводительством Вириата (147–139 гг. до н. э.). Согласно Валерию Максиму, проконсул Метелл, перед тем как уступить командование в Испании своему противнику Квинту Помпею, решил всевозможными средствами ослабить армию и среди прочего приказал оставить без корма слонов [Val. Max., IX, 3, 7]²⁶.

Большую пользу оказали римлянам слоны во время Третьей Пунической войны. Основные военные силы карфагенян, находившиеся под командованием Гасдрубала, в это время были сосредоточены в лагере под городом Неферис. Сципион, стоявший во главе римских войск, решил, прежде чем осадить Карфаген, уничтожить карфагенскую армию в лагере под Неферисом. Чтобы отвлечь внимание противника, он послал на штурм лагеря Гулуссу с его слонами, а сам с отборными воинами совершил нападение на карфагенян с тыла. Как только воины Сципиона неожиданно оказались внутри лагеря, карфагеняне в панике бросились бежать. Однако в это время нумидийские слоны взобрались на вал и, разметав частокол, ринулись на охваченную страхом толпу и произвели страшное избиение. Согласно свидетельству Аппиана, около 70 тысяч

²⁵ «В любом случае любопытно отметить, что те самые животные, которых Александр первым привел с отдаленных восточных берегов, были если не инструментом, то, по крайней мере, свидетелями разрушения его царства» (*Armandi P. D. Histoire militaire... P. 230*).

²⁶ «Elephantis cibaria dari vetulit».

Поражение римлян под Нуманцией. Рис. И. В. Кирсанова

карфагенян было уничтожено и лишь четырьмя тысячам удалось спастись [App., Lib., 126].

Анней Флор и Орозий утверждают, что слоны были использованы римлянами в войнах против аллоброгов (около 121 г. до н. э.) [Flor., I, 33, 7; Oros., V, 13, 2]. Современные исследователи считают подобное маловероятным. Так, например, комментатор «Эпитом» Флора А. И. Немировский утверждает, что Флор путает переход Ганнибала через земли аллоброгов в 219 г. до н. э. с войнами, которые вели римляне²⁷. Впрочем, у нас есть достаточно веские основания полагать, что

сообщения античных авторов не противоречат действительности.

Аллоброги занимали территорию Нарбоннской Галлии. Официальным поводом для начала войны с ними послужили их нападения на владения эдоев, бывших тогда союзниками римского народа [Liv., regiocha 61]. Командование римскими войсками было возложено на проконсула Гнея Домиция Агенобарба (121 г. до н. э.)²⁸. Согласно Орозию, эта война была очень трудной²⁹ и завершилась кровопролитной битвой недалеко от крепости Виндалией. Победу в этом сражении римлянам удалось одержать главным образом благодаря тому, что у них были слоны, поскольку

²⁷ См. примеч. 200 в кн.: Анней Флор. Две книги римских войн // Малые римские истории. М., 1996. С. 347.

²⁸ Консул 122 г.

²⁹ «gravissimo bello vicit».

Гай Юлий Цезарь
(около 100–44 гг. до н. э.).
Мраморный бюст

перепуганные невиданным обликом этих животных лошади врагов и они сами обратились в бегство [Oros., V, 13, 2]³⁰. В этом столкновении аллоброги потеряли 20 000 человек убитыми и 3000 — пленными. Поражение аллоброгов и укрепление позиций Рима в Южной Галлии тут же привели к новой войне с союзниками аллоброгов — арвернами, проживавшими на территории современной Оверни. Страбон утверждает, что арверны собрали 200-тысячную армию, командовал которой их вождь Битуит. Агенобарб нанес поражение галлам при слиянии рек Суль-

ги и Родана [Strab., IV, 2, 3]. Победитель был весьма горд своими военными успехами. То, что немалая заслуга в этом принадлежала слонам, доказывает устроенная Агенобарбом пышная процессия, во время которой он ехал по провинции верхом на одном из этих животных [Suet., Nero, II]³¹.

Однако война с арвернами потребовала от Рима дополнительных усилий. На борьбу с Битуитом был послан консул Квинт Фабий Максим. Согласно Орозию, в сражении у р. Родан галлы потерпели полное поражение, в результате которого из 180-тысячной армии уцелело не более 30 тысяч [Oros., V, 14, 3]. По Ливию, потери галлов составили 120 000 [Liv., periocha 61]. По мнению П. Д. Арманди, столь большие потери можно объяснить участием в сражении слонов, которые посеяли панику в рядах варваров, после чего те обратились в бегство и частью утонули в реке, а частью погибли на берегу под ногами гигантских животных³². Это вполне вероятно, поскольку и Флор связывает поражение Битуита с участием слонов [Flor., I, 37, 5]³³.

Как кажется, это последний пример использования римлянами боевых слонов в войнах с чужеземными народами. Впрочем, в «Стратегемах» Полиена описывается еще один случай, когда римляне бросили против варваров по крайней мере одного слона. «Цезарь в Британии, — сообщает Полиен, — пытался переправиться через большую реку. Царь британцев Кассивеллаун удерживал ее со многими всадниками и колесницами. Говорят, у Цезаря был крупнейший слон, животное,

³⁰ «Elephantorum nova forma equi hostium hostesque conterriti diffugissent».

³¹ «Cn. Domitius, Allobrogibus Arvernisque superatis, elephanto per provinciam vectus est, turba militum quasi inter solemnna triumphi prosequente».

³² Armandi P. D. Histoire militaire... P. 234.

³³ «Maximus barbaris terror elephantum fuisse».

которое ранее британны не видели. Защитив его железной чешуей, поставив на спине огромную башню и расположив лучников и пращников, он велел ввести его в реку. Британцы же были уstraшены, видя ранее невиданного и удивительного зверя. Что же касается лошадей, то что следует описать? Так же как и у эллинов, когда они видели даже невооруженного слона, лошади бежали. Слона же, несущего на себе башню и покрытого вооружением, с которого пускали стрелы и снаряды, не выдержали даже вида. Британцы же бежали со своими конями и колесницами, а римляне беспрепятственно перешли реку, испугав врагов одним животным» [Polyaen., VIII, 23, 5; пер. А. Б. Егорова]. Неясно, содержится ли в этом анекдоте хоть доля истины. Цезарь ничего не сообщает в своих «Записках о Галльской войне» об использовании им огромных животных. П. Д. Арманди склонен доверять Полиену и полагает, что рассказ о слоне историк мог почерпнуть из дневников Цезаря, которые пережили автора и были использованы многими античными писателями, в частности Плутархом³⁴.

Можно привести три аргумента в пользу достоверности рассказа Полиена. Во-первых, нам хорошо известно, что Цезарь намеревался использовать слонов во время похода против парфян [Cic., Phil., V, 17]. Имевшиеся в его распоряжении животные вместе с другими войсками были уже отправлены в Брундисий, однако смерть диктатора помешала осуществлению его грандиозных планов³⁵. Во-вторых, император Клавдий, готовивший вторжение в Британию, также намеревался использовать четвероногих гигантов в предстоящей кампании [Dio. Cass., IX, 4]. П. Д. Арманди считает, что император мог подражать в этом

Изображение на денарии
(49 г. до н. э.)

Цезарю и одновременно получить боевое средство, эффективность которого в столкновении с британными племенами была уже доказана³⁶. Наконец, существует и нумизматическое подтверждение данного факта. Согласно утвердившемуся мнению, на денариях Цезаря на аверсе изображен слон, топчущий змею. По мнению П. Д. Арманди, подобное изображение появилось только после битвы при Тапсе как напоминание о великой победе, одержанной над гигантскими зверями³⁷. Однако непонятно, что в таком случае должна символизировать змея под ногами слона. К тому же, согласно современным датировкам, денарии с подобным изображением стали выпускаться уже за несколько лет до битвы при Тапсе (по крайней мере с 49 г. до н. э.). Вполне возможно, что в данном случае под ногами слона изображена не змея, а *carnyx* — кельтская труба, имевшая змеевидную форму. Тогда представляется вполне очевидным, что это символическое изображение является отражением событий, описанных Полиеном³⁸.

³⁶ Ibid. P. 337, n. 1.

³⁷ Ibid. P. 220, n. 1.

³⁸ Впрочем, существует и другое толкование данного изображения. М. Дейе полагает, что горизонтальная линия под ногами слона представляет море, из которого поднимается голова морского

³⁴ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 337.

³⁵ Ibid. P. 379.

Последний раз римляне использовали слонов в 40-х гг. I в. до н. э. Однако теперь гигантские животные понадобились им не для достижения победы над варварами, а для борьбы с собственными согражданами. В период гражданских войн противники Цезаря укрепились в Африке, где их поддерживал нумидийский царь Юба, который привел на помощь союзника свои войска и слонов. В сражении при Узите Сципион, командовавший войсками помпеянцев, расположил нумидийских слонов на флангах, на одинаковом расстоянии друг от друга. За слонами в резерве были поставлены легковооруженные и нумидийцы [[Caes.], Bell. Afr., 59]. Однако до решительного столкновения дело не дошло, и все закончилось лишь небольшой кавалерийской стычкой, в которой помпеянцы одержали верх [[Caes.], Bell. Afr., 61].

Генеральное сражение, решившее исход кампании, произошло возле г. Тапс

Колесница, запряженная слонами. Изображение на медали, отчеканенной в честь императора Пертинакса (193 г. н. э.) (Cuperus G. *De elephantis in nummis obviis*. Hagae Comitum, 1719. P. 230)

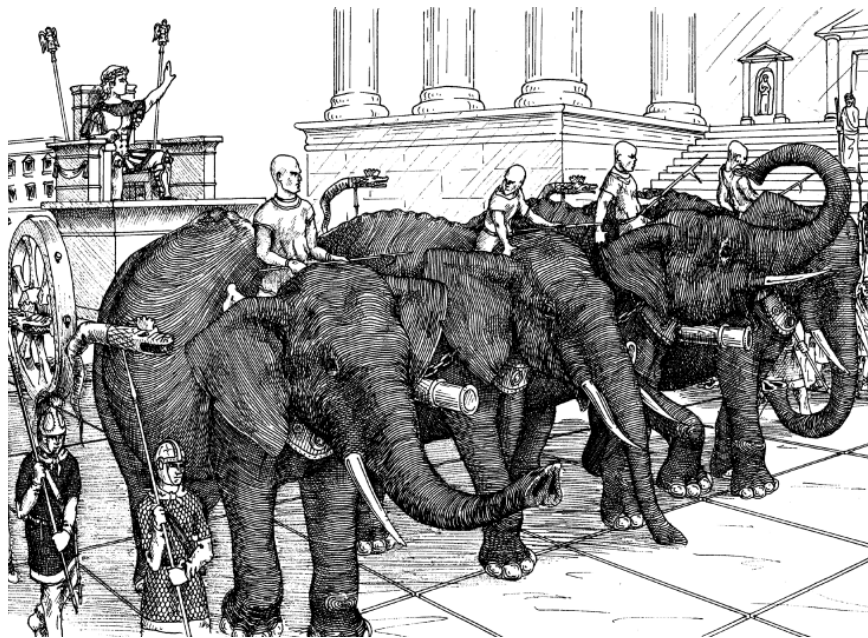
(46 г. до н. э.). Сципион вновь поставил своих слонов на правом и левом флангах [[Caes.], Bell. Afr., 81]. Но в произошедшей битве эти животные не смогли оказать никакой реальной помощи сторонникам Помпея. Уже в самом начале боя они, напуганные свистом пращей, камней и свинцовых пуль, повернули назад и смяли ряды собственной пехоты [[Caes.], Bell. Afr., 83]. Помпеянцы были полностью разгромлены, а Цезарь одержал блестящую победу.

Битва при Тапсе (46 г. до н. э.) подвела черту под первым и наиболее ярким периодом военной истории слонов. С конца поздней республики и в течение всего периода принципата эти животные использовались только в качестве участников в торжественных процессиях или зрелищах, устраивавшихся для развлечения населения столицы.

Захватив большое количество слонов в битве при Тапсе, Цезарь приказал привести их в Рим для того, чтобы они придали больше пышности его триумфу. Чтобы поразить воображение сограждан, он устроил несколько следовавших одно за другим шествий, каждое из которых должно было символизировать страны, где им были одержаны победы. Во время празднования триумфа над Африкой народу было показано 40 слонов, построенных в две шеренги. Когда вечером диктатор поднимался на Капитолий, огромные четвероногие шли перед ним, держа в своих хоботах светильники [Suet., Caes., 37].

Считается, что уже Август во время праздничных шествий стал появляться перед народом на колеснице, запряжен-

чудовища (Dayet M. *Carnet de numismatique celtique VII. Le denier de César au type de l'éléphant. Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est*. 1960. № 11. P. 42–47).

Триумф Диоклетиана. Рис. И. В. Кирсанова

ной слонами³⁹. Гелиогабал показал народу четыре колесницы, каждую из которых везли четыре гигантских зверя, при этом сам император выступал в качестве возницы [SHA, Heliogabal., 23, 1].

В ознаменование победы, одержанной над персами, император Диоклетиан удостоился от римского сената особой почести — колесницы, запряженной слонами, в которой он проехал по Риму во время триумфального шествия, посвященного празднованию 20-летия его правления⁴⁰. Если верить тому, что сообщается в «Истории Августов», прежде подобной почести удостоился Александр Север, а так-

же Гордиан III, после того как весть о его первых победах достигла Рима [SHA, Gord., 27, 9]. Однако сообщение биографа Александра вызывает вполне обоснованные сомнения в своей подлинности, а Гордиан так и не вернулся в Рим из персидского похода. Так что вполне вероятно, что Диоклетиан, чья страсть к внешним эффектам хорошо известна, первым проехал по Риму в триумфальной колеснице, которую везли слоны.

О театральных представлениях и цирковых номерах, участниками которых были слоны, мы говорили выше. Кроме них многие императоры показывали народу бои слонов с людьми или другими животными. Уже Цезарь устроил на цирковой арене два сражения, в первом из которых

³⁹ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 386.

⁴⁰ Ibid. P. 396, n. 3.

20 слонов бились против 500 человек пехоты, во втором такое же количество слонов боролось против 500 пехотинцев и равного количества всадников [Suet., Caes., 39]. Домициан заставил слонов драться с быками [Martial., *De spectac.*, 17; 19], а Гелиогабал устроил бои слонов с тиграми [Xiphilin., LXXIX, 9].

Несомненно, что и другие императоры показывали народу зрелища, в которых принимали участие слоны, доказательством чего могут служить изображения этого животного на монетах Тита, Домициана,

на, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Септимия Севера и Каракаллы. Изображение слона нередко присутствует на серебряных антонинианах Филиппа Араба, что является достаточно весомым свидетельством в пользу того, что слоны стали участниками секулярных игр, посвященных тысячелетию Рима.

Источники сохранили сведения о том, что римляне предприняли несколько попыток вернуть слонов на поля сражений. Впрочем, эти усилия не увенчались успехом, поскольку древнее искусство дрес-

Денарий Луция Цецилия Метелла Дедеметрия (128 г. до н. э.)

На аверсе изображение богини Румы; на реверсе — колесница, под которой изображение головы слона; внизу надпись: «ROMA» (Seaby H. A. *Roman Silver Coinage*. Vol. 1. London, 1978. Caecilia № 38; Sear D. R. *Roman Coins and Their Values*. 5th ed. Vol. 1: *The Republic and the Twelve Caesars*. London, 2000. № 1399)

Денарий Гая Цецилия Метелла Капрария (125 г. до н. э.)

На аверсе изображение богини Румы; внизу слева надпись: «ROMA». На реверсе изображение Юпитера на колеснице, запряженной слонами. Внизу надпись: «METELLVS» (Crawford M. *The Roman Republican Coinage*. 2 volumes. London, 1974. № 269/1; Seaby H. A. *Roman Silver Coinage*. Vol. 1. London, 1978. Caecilia № 14; Sear D. R. *Roman Coins and Their Values*. 5th ed. Vol. 1: *The Republic and the Twelve Caesars*. London, 2000. № 145)

Денарий Квинта Цецилия Метелла Пия (81 г. до н. э.)

На аверсе изображение головы Благочестия (Pietas) в диадеме; перед ним аист; на реверсе — слон и аббревиатура Q. C. M. P. I. (Quintus Caecilius Metellus Pius Imperator) (Crawford M. *The Roman Republican Coinage*. 2 volumes. London, 1974. №374/1; Seaby H. A. *Roman Silver Coinage*. Vol. 1. London, 1978. Caecilia № 43; Sear D. R. *Roman Coins and Their Values*. 5th ed. Vol. 1: *The Republic and the Twelve Caesars*. London, 2000. № 301; Schmitt L., Prieur M. *Les monnaies romaines*. Les Cheveau-légères, 2004. № 2151)

сировки боевых слонов было окончательно забыто. Так Диций Юлиан в страхе перед наступавшей армией Септимия Севера хотел усилить свои войска боевыми слонами. Для этого он приказал собрать всех животных, которые служили римлянам для праздничных процессий, и приучить их носить на спинах башни и людей. Однако осуществить этот замысел не уда-

лось, поскольку слоны отказывались повиноваться [Xiphilin., LXXIII, 16; Herodian., II, 11, 9]. Каракалла, страстный почитатель Александра Великого, создал некое подобие фаланги и обзавелся отрядом слонов, считая, что таким образом он больше походит на македонского завоевателя [Xiphilin., LXXVII, 7]. Впрочем, у нас нет никаких свидетельств того, что

Денарий 49 г. до н. э.

На аверсе африканский слон, и надпись: «CAESAR». На реверсе священные предметы, использовавшиеся при жертвоприношениях, которые являются напоминанием об обязанностях верховного понтифика, выполнявшихся Цезарем (Sear D. R. Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 1: The Republic and the Twelve Caesars. London, 2000. № 1399; Schmitt L., Prieur M. Les monnaies romaines. Les Cheveau-légers, 2004. № 2247)

Денарий Квинта Цецилия Метелла Пия Сципиона (Африка 47–46 гг. до н. э.)

На аверсе изображение Юпитера и надпись: «Q. METELL. PIVS». На реверсе изображение слона и надпись: «SCIPPIO IMP.» (Африка 47–46 гг. до н. э.) (Seaby H. A. Roman Silver Coinage. Vol. 1. London, 1978. Caecilia № 47; Sear D. R. Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 1: The Republic and the Twelve Caesars. London, 2000. № 1379; Schmitt L., Prieur M. Les monnaies romaines. Les Cheveau-légers, 2004, № 2258)

Денарий (47–46 гг. до н. э.)

На реверсе символическое изображение Африки в шлеме в виде головы слона; на аверсе — Геракл (Seaby H. A. Roman Silver Coinage. Vol. 1. London, 1978. Caecilia № 50; Sear D. R. Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 1: The Republic and the Twelve Caesars. London, 2000. № 1380)

Тетрадрахма императора Гальбы, выпущенная в Александрии

На аверсе изображение императора в профиль; на реверсе символическое изображение Африки в шлеме с хоботом слона (Milne J. G. Catalogue of Alexandrian Coins. Oxford, 1971. № 322)

слоны Каракаллы каким-либо образом принимали участие в военных действиях. По всей видимости, им была отведена роль почетного эскорта, сопровождавшего возбалмошного императора.

Но спустя всего несколько лет после смерти Каракаллы на Востоке взойдет звез-

да Сасанидов. Тогда слоны вновь появятся на полях сражений и римлянам придется превратиться из праздных зрителей в непосредственных участников кровавых боев против этих могучих гигантов.

Сестерций императора Тита в честь Веспасиана (80–81 гг. н. э.)

На аверсе император, восседающий на колеснице, запряженной слонами, со статуей победы в левой руке; сверху надпись: «DIVO AVG VESPAS» («Боже-ственному Веспасиану Августу»); внизу надпись: «SPQR»; на реверсе в центре надпись: «SC» («Senatus Consultum»); по окружности надпись: «IMP CAES DIVI VESP AVG PMT R PPP COS VIII» (Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales. T. 1. 2e éd. Paris, 1880. № 206; The Roman Imperial Coinage / ed. H. Mattingly and others. Vol. 2. London, 2007. № 258)

Бронзовая монета Антонина Пия

На аверсе изображение императора Антонина Пия, на реверсе в центре изображение африканского слона; сверху надпись: «MVNIFICENTIA AVG», внизу: «COS III», под ней: «SC» (Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales. T. 2. 2e éd. Paris, 1882. № 565; The Roman Imperial Coinage / ed. H. Mattingly and others. Vol. 3. London, 1930. № 862a; Sear D. R. Roman Coins and Their Values. 4th ed. London, 1988. № 1290)

Бронзовая монета императора Каракаллы, отчеканенная в Тарсе

На аверсе изображение императора в профиль; на реверсе изображение слона (Sylloge Nummorum Graecorum Switzerland I, Edoardo Levante — Cilicia. Bern, 1986 (reprinted 1993). № 269)

Бронзовая монета императора Каракаллы, отчеканенная в Никее (Вифиния)

На аверсе изображение императора в профиль; на реверсе изображение слона, на котором сидит корнак (Recueil General des Monnaies Grecques d'Asie Mineure / Commencé par feu W. H. Waddington, continué et complété E. Babelon et Th. Reinach. Paris, 1872. № 516)

Бронзовая монета императора Каракаллы, отчеканенная в Никее (Вифиния)

На аверсе изображение императора в профиль; на реверсе изображение слона (Recueil General des Monnaies Grecques d'Asie Mineure / Commencé par feu W. H. Waddington, continué et complété E. Babelon et Th. Reinach. Paris, 1872. № 516)

Бронзовая монета Галлиена

На аверсе изображение императора в профиль; на реверсе — колесница, запряженная слонами (Никея, Вифиния) (Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland, Sammlung von Aulock. Vol. 1. Berlin, 1987. № 724)

3. БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АРМИЯХ САСАНИДОВ

Арташир — внук Сасана, правитель небольшого Дарагбирдского княжества, поднял мятеж против парфянского царя Вологеза V, нанес в 224 г. поражение его войскам, в 226 г. захватил Ктесифон, взойшел на трон и принял титул Царя царей. Приход к власти новой династии знаменовал собой радикальные перемены в военном деле восточного соседа Римской империи.

У персов не существовало постоянной армии, по крайней мере в III–IV вв. По приказу царя все способные носить оружие должны были выступить в поход [Herodian., VI, 5, 3; cf. 7, 1; cf. Amm., XXIII, 6, 83]. Поэтому Геродиан говорит, что войско персов «представляет собой скорее неорганизованную толпу народа, чем армию» [Herodian., VI, 7, 1]. Слова Геродиана подтверждает и анонимный автор *Itinerarium Alexandri*, утверждающий, что все

персы являются для царя солдатами во время войны и рабами во время мира [Itiner. Alex., 5]. Основной частью парфянских армий были конные лучники, поэтому парфяне избегали прямого столкновения с противником и предпочитали обстреливать его на расстоянии. У персов после введения всеобщей воинской повинности самой многочисленной частью армии стала пехота, которую образовывали насильственно призванные под знамена крестьяне. Аммиан Марцеллин очень пренебрежительно отзываясь о боевых качествах и вооружении персидских пехотинцев, утверждая, что они несут службу обозных и следуют за конницей, «как бы обреченные на вечное рабство». Главной силой персидской армии, по Аммиану, была панцирная конница, состоявшая из представителей персидской знати [Amm., XXIII, 6, 83]. Не смотря на это, описание военных действий, в которых принимала участие персидская армия, показывает, что мы не должны недооценивать значение ее пехоты. Во-первых, кавалерия, состоявшая из знатных, была не слишком многочисленной,

Арташир I (226–241 гг.).
Изображение на монете

и если мы учтем, что персидские цари могли собирать сотысячные армии, то станет ясно, насколько велика была в них доля пехоты. Хотя боевые качества персидских пеших воинов оставляли желать лучшего, однако их большое количество в значительной степени компенсировало эти недостатки. Наличие многочисленного пешего войска стало главной причиной того, что персы брали приступом самые сильные крепости, не обращая внимания на собственные потери: пехотинцы строили осадные сооружения, обслуживали военные машины и шли на штурм вражеских укреплений.

Уже Арташир I обзавелся большим количеством слонов, сделав, таким образом, практически бесполезной всю военную тактику парфян. По мнению М. Б. Чарльза, Сасаниды восстановили корпус боевых слонов, существовавший при Ахеменидах, как дань памяти древним устоям, наследниками и хранителями которых они видели себя⁴¹. Однако представляется, что в данном случае мы должны говорить не о ностальгии по безвозвратно ушедшей эпохе,

а о насущной необходимости, заставившей новую династию привлекать на помощь своим армиям могучих животных. Сасанидская пехота, составленная из крестьян, была бы беспомощной против всадников парфянского царя и римских легионов, если бы не поддержка большого количества слонов.

Четвероногие гиганты могли не только успешно бороться с конницей, но и обеспечивали поддержку пехоте и прорывали вражеский боевой порядок во время прямого столкновения с неприятелем⁴². Своих слонов персы облачали в броню, а на спинах устанавливали башни, в которых находились стрелки с большим запасом стрел [SHA, Alex., 56, 3–5]⁴³. В отличие от эллинистической эпохи персы не вешали щитов для придания башням дополнительной защиты, но стали целиком покрывать их железными листами⁴⁴. Вожаки персидских слонов имели при себе ножи с длинной рукояткой, привязанные к правой руке, ко-

⁴² Изменения, произошедшие в военном деле персов, привели к тому, что сасанидская армия стала соответствовать модели эллинистического типа. Сами римляне — современники прихода к власти Сасанидов — отмечали, насколько сильно отличался их новый противник на Востоке от парфян. Геродиан объясняет эту перемену тем, что после окончания гражданской войны между Септимием Севером и Песценнием Нигером к персидскому царю перебежало множество воинов побежденной партии, научивших персов использовать и изготавливать тяжелое вооружение [Herodian., III, 4, 8–9]. См.: *Le Bohec Y. L'armée Romaine sous le Bas-Empire*. Paris, 2006. P. 127.

⁴³ Сообщение в панегирике Юлиана об осаде Нисибиса содержит описание сасанидского боевого слона индийского происхождения с железной башней и многочисленными лучниками в ней (Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps. P. 314). По мнению М. Б. Чарльза, Юлиан использовал в данном случае риторический оборот и к его информации нельзя относиться как к стопроцентно надежной.

⁴⁴ Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов. С. 109.

⁴¹ Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps: Elephants and the Later Roman Empire // *Iranica Antiqua*. Vol. XLII, 2007. P. 305.

торые они сильным ударом вонзали в шею животного, если оно приходило в ярость и начинало кидаться на своих [Amm., XXV, 1, 15]⁴⁵. Характерной особенностью использования слонов сасанидскими царями является большое количество этих четвероногих, которое находилось в их армиях. Святой Амвросий сообщает, что строй слонов,двигающихся перед персидской армией, напоминает живую стену [Ambros., *Nexamer.* VI, 5]⁴⁶. Возможно, утверждение, что в армии Арташира было 700 слонов, — не более чем преувеличение, однако нам известно, что у Шапура II было их не менее

⁴⁵ К такому средству персы стали прибегать только после страшных потерь, понесенных ими при осаде Нисибиса (350 г.), когда слоны растоптали около 10 000 персидских солдат (*Armandi P. D. Histoire militaire...* P. 403). Ф. Рейнс полагает, что в рассказе о персидских погонщиках Аммиан лишь подражает Ливию, описывающему схожий прием, который применил Гасдрубал в битве при Метавре (*Reins Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности // Para bellum.* 2008. № 29. С. 18). Однако здесь естественным образом возникает вопрос: каким другим способом можно было остановить разбушевавшегося слона? Одинаковые обстоятельства заставляют прибегать к одинаковым действиям. По всей видимости, прав в этом вопросе П. Д. Арманди, считающий, что, несмотря на авторитетность Тита Ливия, который приписывает честь изобретения этого способа избавляться от слонов Гасдрубалу, на Востоке он был в ходу во все времена (*Armandi P. D. Histoire militaire...* P. 365, n. 1).

⁴⁶ «... Acies eorum velut gradientibus turribus septa procedit... Quis eas adire audeat, cum desuper iaculis facile figatur, inferius elephantorum conteratur incursu?... Intolerabili impetu in hostes ruunt ut nullo agmine bellatorum, nulla costipatione militum, nullo clypeorum retardentur obiectu; velut quidam mobiles montes versantur in praeliis...». («...Строй их представляет собой как бы ограду из движущихся башен... Кто отважился бы нападать на них? Даже тот, кто стойко переносит удары дротиков, был бы сметен натиском слонов. Слоны обрушиваются в столь неудержимом порыве на врагов, что никакой боевой порядок, никакое единодушие воинов, никакая преграда из щитов не удержит их; подобно неким движущимся горам они участвуют в битвах...»).

300⁴⁷, а у Хосрова II, даже после всех понесенных поражений и потери столицы Дастагерда (628 г.), — 200⁴⁸.

Согласно утверждению Аммиана Марцеллина, на поле сражения персы могли по-разному располагать этих огромных зверей. В битве при Наармальхе первую линию боевого порядка персов образовывали катафракты, вторую — фаланга пехоты, слоны же стояли в третьей (Amm., XXIV, 6, 8). В сражении в области Маранга персы сначала кинули в бой слонов, а затем подкрепили их натиск атаккой панцирной кавалерии [Amm., XXV, 6, 1–2].

Несмотря на свидетельства наших источников, М. Б. Чарльз делает вывод о том, что отряды слонов играли в сасанидских армиях лишь символическую роль⁴⁹. Заключение это достаточно странное и практически ничем не обоснованное. Как отмечает тот же самый исследователь, защитное вооружение, которое имели персидские слоны, указывает на их военное значение⁵⁰. Это, впрочем, не исключает того, что они использовались также и для тыловых нужд⁵¹. Кроме этого, слоны у персов играли роль верховых животных во время охоты⁵².

Ф. Рейнс утверждает, что большинство указаний, содержащихся в литературных текстах, являются не более чем данью традиции и слоны в армиях Сасанидов использовались, как правило, в качестве выючных животных или для ведения осадных операций⁵³. Основанием для такого предположения послужили описания

⁴⁷ *Armandi P. D. Histoire militaire...* P. 402.

⁴⁸ *Ibid.* P. 427.

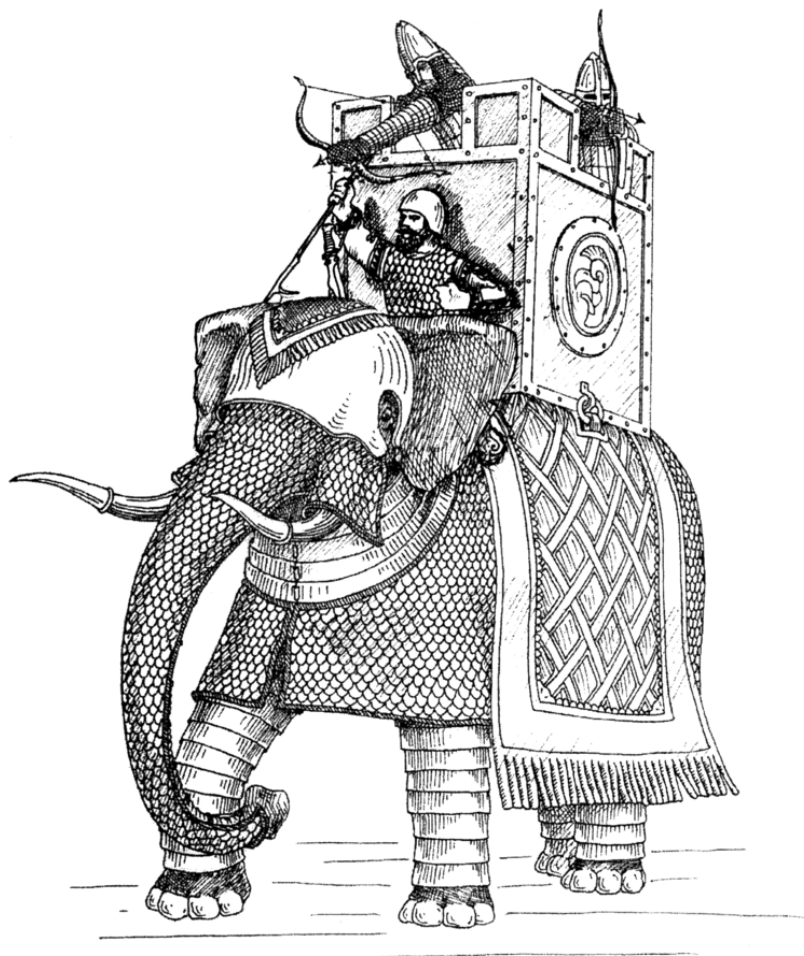
⁴⁹ *Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps.* P. 340.

⁵⁰ *Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps.* P. 323.

⁵¹ *Ibid.* P. 329–330.

⁵² *Nicolle D. Sassanian Armies. The Iranian Empire early 3rd to mid-7th centuries AD.* Stockport, 1996. P. 28–29.

⁵³ *Reins Ф. Боевые слоны...* С. 10.

Персидский боевой слон. Рис. И. В. Кирсанова

многочисленных осад персидскими войсками городов и крепостей, в которых участвовали слоны. Однако противоборство между Римской империей и Персидским царством далеко не всегда носило характер позиционной войны. Уже Арта-

шир I (224–241 гг.), видевший в себе прямого наследника Кира и Дария и считавший, что вся Азия от берегов Геллеспонта до Ливийской пустыни по праву наследования должна принадлежать ему [Herodian., VI, 2, 2], начал в 230 г. масштабную

Персы штурмуют римскую крепость в Месопотамии.
Рис. И. В. Кирсанова

Шапур I (241–272 гг.).
Изображение на монете

войну с империей. Согласно тому, что говорит автор биографии Александра Севера, персидская армия насчитывала не менее 120 000 кавалерии, 1800 боевых колесниц⁵⁴ и 700 слонов [SHA, Alex., 56, 3–5]. Война с персами завершилась якобы полной победой римлян, уничтоживших около 10 тысяч противников и захвативших

⁵⁴ Большинство современных историков весьма скептически относятся к сообщению о том, что в Сасанидскую эпоху персы использовали серпоносные колесницы, поскольку ни в одном нарративном источнике более нет упоминания о них. Вегетий говорит о колесницах как об устаревшем роде войск, забытом со времен Антиоха III и Митридата VI [Veg., III, 24]. М. Б. Чарльз выражает сомнения относительно использования персами колесниц и слонов и считает данное сообщение литературным анахронизмом, сравнением произошедших событий со сражениями при Гавгамелах и Гидаспе, где в первом случае Александр Великий одержал победу над колесницами, а во втором — над слонами (Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps. P. 305–308). Однако Я. Ле Боэк полагает, что Сасаниды действительно вернулись к их использованию. В качестве доказательства этого он ссылается на один рельеф из Бишапура, на котором можно видеть изображение слона и колесницы (Le Boeck Y. L'armée Romaine dans la tourmente. Une nouvelle approche de la «crise du III siècle». Editions du Rocher, 2009. P. 148, n. 404).

большое количество пленных⁵⁵. Император Александр Север объявил в своем донесении сенату, что римскими войсками было убито 200 слонов и 300 захвачено живыми⁵⁶. Восемнадцать животных были отправлены в Рим [SHA, loc. cit.]⁵⁷.

В 242 г. в пределы империи вторгся сын Арташира Шапур I (241–272 гг.). К 243 г. персы захватили большую часть Сирии и овладели даже ее столицей — Антиохией [SHA, Gord., 26, 5]. Однако в битве при Ресене император Гордиан III нанес поражение сасанидским войскам⁵⁸, а затем отнял у персов Антиохию, Карры и Нисибис и

⁵⁵ С этой версией согласуются и свидетельства некоторых других историков, утверждающих, что Александр со славой закончил войну на Востоке [Eutrop., VIII, 23; Aurel. Victor, De caesar., 24]. Однако большее доверие вызывает рассказ современника событий — историка Геродиана, не столь льстящий национальному самолюбию, но зато более подробный и достоверный. Согласно Геродиану, в этом походе император показал себя бездарным стратегом и даже не отважился ступить на персидскую территорию, чтобы оказать помощь своим армиям, попавшим в затруднительное положение, одна из которых была полностью истреблена, а другая понесла большие потери и была вынуждена отступить [Herodian., VI, 5–6].

⁵⁶ По мнению Г. Х. Скелларда, император умышленно преувеличил масштабы своей победы, желая таким образом уподобить себя Александру Великому. (Scullard H. H. The Elephant in the Greek and Roman World. London, 1974. P. 201). Но более вероятно, что этот пассаж лишь литературный тоpos, к которому прибег автор, писавший много времени спустя после указанных событий (Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps. P. 306).

⁵⁷ «Trecentos cepimus ducenti interfecti jacent, decem et octo perduximus». П. Д. Арманди полагает, что в данном случае в тексте «Истории Августов» допущена явная ошибка, поскольку остается непонятным: почему в Рим было отослано только 18 животных, если было захвачено 300? Поэтому П. Д. Арманди предлагает читать вместо *trecentos et ducenti* (триста и двести) *triginta et viginti* (тридцать и двадцать) (Armandi P. D. Histoire militaire... P. 392).

⁵⁸ Le Boeck Y. L'armée Romaine dans la tourmente. P. 151.

Шапур II (309–379 гг.).
Изображение на монете

перенес войну на территорию противника [SHA, Gord., 26, 6; 27, 1–6]. Если верить жизнеописанию Гордиана, то и в этой войне римлянам пришлось сражаться с персидскими слонами: 12 из этих животных были захвачены живыми и отосланы императором в Рим для участия в предполагавшемся триумфе [SHA, Gord., 33, 1].

В IV в. войны между Римской империей и Персией принимают все более ожесточенный и затяжной характер. Только в течение периода с 337 по 350 г. противники девять раз сталкивались на поле сражения, причем дважды во главе римской армии стоял сам император [Fest., XXVII, 1]⁵⁹. За столь длительный период времени римлянам ни разу не удалось одержать победу над персами [Eutrop., X, 10, 1]. Несомненно, возникает вопрос: что могли противопоставить Сасаниды римским легионам? Катафракты были немно-

гочисленны, пехота, плохо обученная и вооруженная «наподобие мирмиллонов» [Amm., XXIII, 6, 83]⁶⁰, со щитами, сплетенными из тростника и покрытыми сырой кожей [Amm., XXIV, 6, 8], была не в состоянии сражаться в одиночку. Естественно будет предположить, что победы были достигнуты персами не без участия большого количества слонов. Именно вторичное появление слонов на полях сражений может объяснить, почему Вегетий, живший во второй половине IV — первой половине V в., счел нужным привести в своем сочинении описание возможных способов борьбы с четвероногими гигантами. Военные писатели досасанидского периода обошли вниманием данный сюжет, поскольку в эпоху, когда они создавали свои трактаты, слонов давно уже перестали использовать в военных целях, и никто не мог предвидеть, что однажды эти способы вновь станут актуальны.

Аммиан, Зосим и Созомен неоднократно описывают столкновение римских войск с персидскими слонами во время восточного похода Юлиана [Amm., XXIV, 6, 8; XXV, 1, 14–15; 3, 5; 11; 6, 2–4; 7, 11; Zos., III, 30, 2–3; Soz., VI, 1]. Наиболее крупное сражение с участием этих животных

⁵⁹ Лишь нападение диких племен на восточные рубежи царства Сасанидов заставило Шапура II на время приостановить военные действия. Наступившее затишье позволило императору Констанцию II увести свою армию на запад для борьбы с узурпатором Магненцием. Поэтому, когда персы вновь вторглись в империю, у правительства не оказалось необходимых сил, чтобы противостоять им в открытом поле, и римляне были вынуждены ограничиться обороной своих фортификационных сооружений. Именно в это время происходит осада Амиды (359 г.), в которой принимали участие персидские слоны. Данное событие, столь живо и ярко воссозданное Аммианом, а также отсутствие каких-либо подробных описаний предыдущих сражений создали у исследователей неверное представление о характере военных столкновений на Востоке.

⁶⁰ «*pedites enim in speciem mirmillonum contexti*».

Римляне отражают атаку персидских слонов в Маранге.
Рис. И. В. Кирсанова

Прорисовки изображений сасанидских наскальных рельефов в Таге-Бустане и реконструкция, сделанная на основании этих изображений (Nicolle D. Sassanian Armies. The Iranian Empire early 3rd to mid-7th centuries AD. Stockport, 1996. P. 29)

произошло в области под названием Мара́нга. Персы выстроили слонов впереди своей армии и бросили их на римлян, чтобы посеять смятение и ужас в их рядах [Amm., XXV, 3, 5]. Несмотря на тяжелые потери, legionерам удалось обратить громадных зверей в бегство, во время которого они подрезали им сухожилия на ногах⁶¹. По мнению П. Д. Арманди, римским солдатам были розданы для этой цели

специальные кривые ножи или серпы, подобные кописам (*copides*), упоминавшимися выше⁶².

Согласно утверждению Сократа Схоластика, персидский царь Бахрам VI (421–434 гг.) выступил против римлян, осаждавших Нисибис, с армией, в которой было множество слонов. Весть об этом так испугала осаждавших, что они отступили, уничтожив все свои военные машины [Socr., VII, 18].

Слонов продолжали использовать и в VI в. Известно, что однажды они оказались

⁶¹ «nostra succinctior armatura, aversorumque Persarum et beluarum suffragines concidebat et dorsa» («наша специально подготовленная пехота поражала обративших тыл персов и слонов в лодыжки и спины»).

⁶² Armandi P. D. Histoire militaire... P. 412.

Персидская армия штурмует Нисибис.
Рис. И. В. Кирсанова

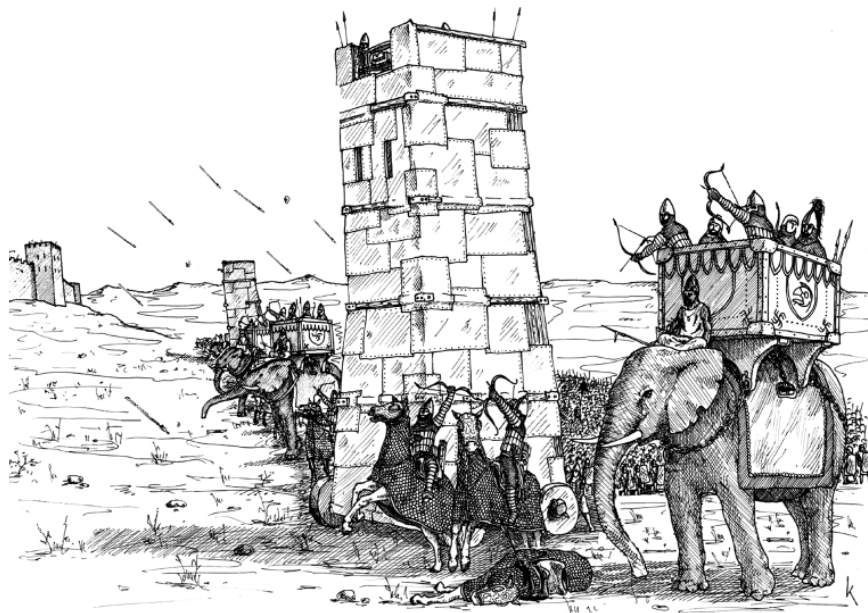
в составе не только персидской, но и византийской армии. Когда в Персии в результате переворота к власти пришел Бахрам, император Маврикий вступился за бежавшего в Константинополь персидского царевича Хосрова и отправил вместе с ним войско под командованием Нарсеа (591 г.). Византийский военачальник, отлично зная, что у персов есть большое количество слонов, решил противопоставить им тех животных, которые были захвачены греками в предыдущих войнах [Theophyl. Simocatt., V, 10, 6]⁶³.

⁶³ «Кроме того, он поставил и слонов, чтобы эти индийские чудовища, словно некие передовые бастионы, двигались перед конницей, а самых

Когда первая волна арабов-мусульман докатилась до Персидского царства, то и она разбилась о стену персидских слонов: в битве при Куфе один из этих колоссов схватил хоботом и раздавил предводителя завоевателей Абу Обейду, после чего все арабы в ужасе обратились в бегство. Тысячи их погибли под ногами огромных зверей, и этот день вошел в анналы арабской истории как «Битва слонов»⁶⁴. Даже в сражении при Кадесии (636 г.) — послед-

храбрых из своих воинов посадил на этих животных... Но и другое войско не было лишено помощи этих диких животных» (пер. С. П. Кондратьева).

⁶⁴ Armandi P. D. Histoire militaire.... P. 428.

Персы готовятся к штурму Амиды.

Рис. И. В. Кирсанова

нем, которое дала сасанидская армия, в ее составе находилось 33 слона: 18 животных прикрывало центр построения персов, 7 — один фланг и 8 — другой. Именно слонам в первый день битвы удалось опрокинуть конницу арабов.

Как уже отмечалось, персы использовали слонов не только в открытых сражениях, но и при штурме вражеских укреплений. В этом случае животные играли роль живых подвижных башен и, подходя на близкое расстояние к вражеским стенам, давали возможность сидевшим на их спинах стрелкам уничтожать защитников. Прокопий, сообщая о мерах, принятых императором Юстинианом по укреплению границы, дал достаточно конкрет-

ное описание того, как действовали персы в этом случае: «...Он предвидел, что за ними последует целое стадо слонов и эти слоны повезут поставленные им на спины башни; опираясь на них, как на какой-нибудь фундамент, они будут стоять на этих башнях; а что являлось обычно более тяжелым для неприятелей, это то, что их можно было обводить вокруг укреплений и сами на себе они несли стену, которая следовала куда угодно по мысли их хозяев» [Procop., Aed., II, 1, 11; пер. С. П. Кондратьева].

Наиболее известные из предприятий подобного рода — это осады Нисибиса (350 г.), Амиды (359 г.), Эдессы (551 г.), Археополя (552 г.) и Фасиса (555 г.).

Во время осады Нисибиса персам удалось пробить брешь в крепостной стене. Затем осаждающие забросали ров фашинами и пустили в атаку слонов. Тогда римляне стали метать в этих животных камни и зажженные стрелы. Слоны, пришедшие в бешенство из-за ран, перестали подчиняться погонщикам, сбросили на землю башни и, повернув назад, начали прокладывать себе путь через густые ряды персидской пехоты. Под ногами слонов в тот день погибло более 10 тысяч человек. Четырехмесячная осада закончилась неудачей, и царь Шапур должен был уйти, потеряв под стенами крепости 20 000 человек⁶⁵.

Осаду Амиды персы провели с большим успехом. Однако и в данном случае слоны не смогли оказать им какой-либо существенной поддержки. В ходе этих событий римляне применили испытанное еще в эпоху Пунических войн средство против слонов — огонь: «...на них, — пишет Аммиан, — мы со всех сторон бросали амбидеры. Когда огонь коснулся их тела, они попятнулись назад, и вожак не могли их сдержать» [Amm., XIX, 7, 7; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни]⁶⁶.

Осада Эдессы вновь была неудачной для персов. На этот раз персидский слон испугался визга поросенка и, не слушаясь погонщика, развернулся и побежал прочь от стен города [Procop., BG, IV, 14]⁶⁷.

Гораздо более крупная неудача постигла персов при их попытке захватить город Фасис — важный стратегический пункт в Лазике. Персидский полководец Нахораган подошел к городу и стал готовиться к его штурму. Римский гарнизон, понимая, что обветшалые городские

стены не выдержат персидского натиска, совершил вылазку, надеясь отбросить осаждавших. Нахораган пустил против защитников города слонов, которые ворвались в гущу римского строя и привели его в смятение. Лучники, сидевшие на спинах животных, наносили римлянам дополнительный урон, без промаха поражая тех, кто стоял в глубине их боевого порядка. В это время один из римских солдат поразил в бровь слона, напавшего на него. «Страдая от полученной раны и сверх того напуганный болтающимся у глаза дротиком, слон тотчас попятился назад и начал метаться в разные стороны. То, болтая хоботом наподобие бича, он поражал многих персов и бросал их вверх, то, протягивая его в длину, издавал какой-то страшный крик. Сидящих на нем воинов он сильным толчком сбросил вниз и умертвил, растоптав ногами, наконец, привел в беспорядок все персидское войско, а лошадей, к которым он приближался, приводил в бешенство» [Agath., III, 27, 5; пер. С. П. Кондратьева]. Персы обратились в беспорядочное бегство, оставив на поле боя более 10 тысяч погибших.

Практически то же самое случилось и под стенами другого города в Лазике — Археополя. Римский гарнизон города сделал вылазку и напал на еще готовящегося к штурму противника. «Один из слонов, — сообщает Прокопий Кесарийский, — раненный или сам по себе пришедший в беспокойство, повернул назад, не слушая приказов, стал строптивым, сбросил с себя тех, кто на нем сидел, и ворвался в строй других слонов. Варвары бросились от него бежать, а римляне с тем большим бесстрашием преследовали их по пятам и избивали» [Procop., BG, IV, 14; пер. С. П. Кондратьева].

На основании всех этих описаний может сложиться мнение, что польза от

⁶⁵ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 404.

⁶⁶ Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps. P. 317.

⁶⁷ См. выше, с. 32.

участия огромных зверей в осадах городов и крепостей была невелика, и даже более того, что они часто приносили больше вреда как раз той стороне, которая возлагала на них свои надежды. Тем не менее сам факт, что персы не отказывались от подобного способа действий на протяжении как минимум трех столетий, позволяет предположить, что они считали его весьма эффективным и, следовательно, именно участие слонов неоднократно позволяло им захватывать вражеские укрепления.

Приведенные случаи использования слонов персами во время осад никоим образом не свидетельствуют в пользу теории Ф. Рейнса. Выше уже отмечалось, что существует достаточное количество примеров, позволяющих утверждать, что роль живых подвижных башен была далеко не единственной, которую эти животные играли в персидских армиях. Подробные описания штурма городов в источниках VI в. объясняются тем, что в это время в Лазике не было достаточного количества римских войск, способных встретиться с большими персидскими армиями. Основная часть военных сил империи была отвлечена затянувшимися войнами на Западе. Поэтому, так же как и два столетия назад, римлянам приходилось ограничиваться оборонительными действиями, отсиживаясь за стенами своих крепостей. Но даже во время описанных выше осад как минимум дважды слоны были использованы не в качестве осадных башен, а как таран против выстроившейся фалангой пехоты. С другой стороны, у нас нет никаких веских оснований утверждать, что персы использовали слонов как вьючных животных или применяли их для выполнения тяжелых строительных работ. Пример Ф. Рейнса, когда эти четвероногие

образовали на реке живую дамбу⁶⁸, не может служить тому подтверждением: точно таким же образом поступил, например, Пердикка, когда ему нужно было переправить свою армию через рукав Нила. Однако это не означало, что македонский полководец видел в слонах лишь средство для перевозки грузов или возведения укреплений.

⁶⁸ Рейнс Ф. Боевые слоны... С. 24.

ЭПИЛОГ

Г. Дельбрюк, сопоставив основные сражения, в которых принимали участие слоны, приходит практически к тому же выводу, что и П. Д. Арманди: «...ни в одном достоверном описании сражения мы не находим существенного, совершенного слонами; наоборот, сторона, имевшая в своем распоряжении больше слонов, терпела в большинстве случаев поражение... Сводя воедино весь опыт военной истории, мы приходим к заключению, что пригодность слонов и польза от них в сражениях не должны быть высоко расцениваемы. Они имели успехи в сражениях против народов, которые их никогда не видали, и против всадников, и стрелков; но успехи эти были сильно преувеличены побежденными, чтобы оправдать себя, как, например, в сражениях с Пирром. Войска, знакомые с ними и не боявшиеся их, умели и избегать их, и нападать на них, даже, подобно Александру при Гидаспе, они умели справляться с ними не посредством фокусов в виде огненных стрел и запугивания их, а благодаря правильному употреблению оружия»¹.

На наш взгляд, подобное суждение выглядит несколько односторонним. Поэтому мы предлагаем сосредоточить внимание не только на эффективности или неэффективности действий слонов на полях сражений, но и на таких немаловажных вопросах, как влияние этого рода войск на развитие военного дела в Античности и раннем Средневековье, а также на причинах, по которым произошел отказ от его использования.

¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории: в 4 т. Т. I. Античный мир. СПб., 1994. С. 395, 396.

Появление слонов в эллинистических армиях придало новый вектор развития всему греческому военному искусству. Большое значение, которое придавали слонам, привело к тому, что военная мысль эллинистического Востока отказалась от эволюции греко-македонских основ военной системы. Македонская фаланга, которая еще во времена Пирра была достаточно подвижной и мобильной, становилась все более и более инертной. Главной ее задачей было теперь удерживать позиции, ожидая возможной атаки противника, в то время как слоны, кавалерия и легковооруженные подразделения должны были попытаться нанести удар во фланг неприятельского построения. С другой стороны, некоторые государства, не обладавшие сильной и многочисленной национальной армией, наиболее значительным из которых был Карфаген, изначально сделали ставку на боевых слонов, и нельзя сказать, что их надежды не оправдались. Несмотря на ряд крупных неудач, которые постигли карфагенян в столкновении с римлянами, не будем забывать, что именно участие слонов спасло Карфаген от неминуемой капитуляции в 256 г. до н. э., когда римские войска уже высадились в Африке. Вторично эти животные спасли Карфаген, когда вспыхнуло восстание наемников и у республики, по сути, не было никакого другого рода войск, который она могла бы противопоставить десяткам тысяч врагов жаждавших ее уничтожения. В завоевании карфагенянами Испании слонам также принадлежит немаловажная роль.

Победа при Каннах — крупнейший успех, которого добился Ганнибал в борьбе с Римом, — была одержана без участия слонов, а самой большой неудачей этого полководца стала битва при Заме, где, согласно нашим источникам, у него их было больше, чем когда-либо прежде. И. Ш. Кораблев приходит к выводу, что

использование карфагенским вождем в последнем сражении слонов является наглядным свидетельством того, что его тактический талант «увял»². Однако не будем забывать, что Ганнибал — это гений, который мог поставить на службу себе любые обстоятельства, как это случилось при Каннах. С другой стороны, он был наиболее ярким представителем карфагенской школы военного искусства, выдвинувшей целую плеяду блестящих полководцев, выдающиеся качества которых не могли отрицать даже их противники. Логично предположить, что все тактические приемы, разработанные этой школой в III столетии до н. э., должны были учитывать и были сориентированы на участие в сражениях слонов. Именно слоны превратили Карфаген в самого опасного соперника Рима. Даже П. Д. Арманди, полагавший, что действия слонов на полях сражений были не только неэффективными, но и опасными для своей же стороны, вынужден признать, что «использование этих животных продлило сопротивление карфагенян и часто расстраивало планы их противников, поэтому римляне сразу же, как только почувствовали себя достаточно сильными, чтобы продиктовать условия мира, потребовали от карфагенян уничтожить всех слонов»³. Он же пишет о том, что «ничего не давалось римлянам с таким трудом, как привычка хладнокровно выдерживать вид слонов», а далее еще более определенно: «...по правде сказать, сенат и люди образованные не разделяли страхов толпы, однако все испытывали отвращение к военному средству, которое расстраивало их тактику, заставляло их изобретать новые виды оружия и новые приемы, ставило под сомнение их успехи, которые без него могли бы

быть неизбежными, и, наконец, в любом случае служило дополнительным препятствием, которое нужно было преодолевать»⁴. Не следует отделять слонов от карфагенской армии. Они были ее неотъемлемой частью, и их исчезновение из ее состава означало, по сути, крах карфагенской военной системы в том виде, в котором она существовала на протяжении почти всего III в. до н. э.

Почему отказались от использования боевых слонов римляне? Мы рассмотрели все упоминавшиеся в наших источниках случаи, когда римляне использовали этих животных при проведении своих военных операций. Они оказали большую помощь римским армиям во время Македонских войн, во время Третьей Пунической, при покорении Испании, а также в борьбе с различными галльскими и, возможно, британскими племенами. Мы можем назвать только один случай, когда римляне потерпели неудачу по вине своих слонов — это сражение под Нуманцией. Можно также привести в пример сражение при Тапсе, показавшее крайнюю неэффективность этого вида войск даже в лобовом столкновении с противником. Не это ли событие заставило римлян с пренебрежением относиться к слонам как к боевому средству?

По мнению П. Д. Арманди, то, что римляне не использовали слонов против кимвров и Митридата VI, хотя они могли получить от этого большую пользу, является лучшим доказательством того, что они «никогда не испытывали большого доверия к этому роду войск»⁵. Однако так ли это? Намерения Цезаря в отношении использования слонов в парфянском походе позволяют усомниться в правоте П. Д. Арманди. Одним из доказательств,

² Корблев И. Ш. Ганнибал. М., 1976. С. 353.

³ Armandi P. D. Histoire militaire... P. 138.

⁴ Ibid. P. 243.

⁵ Ibid. P. 235.

подтверждающих в глазах этого исследователя его главный вывод, является, пожалуй, тот факт, что римляне, став повелителями Африки, не пожелали подкрепить свои военные силы слонами и положили конец «эпохе боевых слонов».

Однако является ли данное обстоятельство свидетельством неэффективности действий слонов на полях сражений? Если римляне с пренебрежением относились к слонам, то почему в каждый мирный договор с противником, использовавшим этот род войск, они вводили статью, содержащую запрет на него? Данный факт, кстати, отмечает и сам П. Д. Арманди. Римляне запрещали своим побежденным противникам содержать боевых слонов, подобно тому как они налагали запрет на содержание военных флотов. Такое внимание римлян к боевым слонам должно свидетельствовать не о пренебрежении, а о вполне обоснованном опасении.

Слон стал для них самым наглядным символом и зримым воплощением военной мощи их наиболее грозных противников. Официальная пропаганда утверждала, что римский солдат был непобедим, что нет такой силы, которая не отступила бы перед его мужеством и отвагой. Римский солдат мог в одиночку вступить в борьбу со слонем и непременно должен был выйти из этого поединка победителем. Наши литературные источники донесли до нас несколько подобных анекдотов, о которых уже упоминалось выше. Истребление слонов, захваченных у неприятеля, на цирковых аренах говорило опять же не о презрении римлян к этим животным, а скорее, наоборот, о том большом значении, которое в глазах народа имели эти четвероногие для их врагов. Принося в жертву своей мстительности слонов Пирра или карфагенян, римляне тем самым праздновали

победу над самой военной организацией неприятеля.

Сокрушив Карфаген, римляне вдруг увидели, что слоны, их самый страшный и опасный соперник на полях сражений, могут быть теперь использованы к их собственной выгоде. Поэтому, забыв о своем «пренебрежении», они при первой же возможности поспешили обзавестись этим боевым средством. Парадоксальным является тот факт, что римляне использовали боевых слонов на протяжении более длительного периода, чем карфагеняне. Пунийцы, как отмечалось выше, обзавелись слонами только после сицилийской кампании Пирра (вторая половина 70-х гг. III в. до н. э.), а последний раз вывели их на поле сражения в 202 г. до н. э. Римляне же впервые использовали слонов в битве при Киноскефалах (197 г. до н. э.); они определенно использовали их в 121 г. до н. э. против аллоброгов и могли бы располагать этим боевым средством и далее, если бы не перестали поддерживать дружеские отношения с нумидийскими царями. Наконец, римляне вернулись к использованию боевых слонов в эпоху гражданских войн, и кто знает, как бы сложилась военная история слонов, если бы не меч Брута.

Последним сражением, в которой римляне попытались использовать слонов, как отмечалось выше, была битва при Тапсе (46 г. до н. э.). Нельзя не заметить существенную разницу между этой битвой и описаниями более ранних сражений, в которых принимали участие эти животные. В Индии слоны Пора топтали македонскую пехоту, врываясь в ее ряды; в битве при Тунете они прорвали римские боевые порядки, а во время восстания наемников взяли штурмом неприятельский лагерь. Единственным сражением, в котором слоны ведут себя так же, как при Тапсе, является сражение при Заме (202 г. до н. э.).

По сообщению Полибия, уже в начале боя звуки труб и рожков испугали некоторых слонов, которые тут же повернули назад [Polyb., XV, 12, 1–2]. Согласно Ливию, лишь нескольких слонов удалось погнать на врага, остальные же, напуганные шумом, смяли собственный строй [Liv., XXX, 33, 13–14]. Картина представляется более чем странной. Если слонов можно было напугать звуками труб и рожков, то тогда становится непонятным, почему римляне и другие народы, которым приходилось бороться против этих гигантов, никогда не прибегали к столь простому и эффективному средству. Ответ напрашивается сам собой: в сражении при Заме участвовали животные, не привыкшие к такого рода шумам. Другими словами, последние слоны, на которых возлагали свои надежды карфагеняне, были плохо обучены и не имели никакого боевого опыта. Эти животные были отловлены не ранее 203 г. до н. э. Согласно сообщению Аппиана, когда в Карфагене стало известно, что Сципион уже готовится высадиться в Африке, только тогда пунийцы отправили Гасдрубала, сына Гескона, на охоту за слонами [App., Lib., II, 9].

Данное наблюдение кажется весьма важным. Выше мы уже говорили, что в Карфагене были сделаны стойла для 300 животных. Однако к концу войны слонов оставалось только 80, да и те были недавно пойманы и плохо обучены. Возможно, возросшие потребности Карфагена в боевых слонах привели к тому, что эти животные исчезли из областей, где обычно происходил их отлов, и карфагеняне испытывали все больше трудностей, пытаясь обеспечить ими свою армию. Если во время Первой Пунической войны карфагеняне могли выставить 100 и даже 140 слонов, то их количество в период Второй Пунической войны не превышает четырех десятков. В конце войны, когда решалась

судьба самого государства, карфагеняне уже не могли дать своим армиям необходимое количество этих четвероногих: Гасдрубал должен был вторгнуться в Италию, имея всего 10 слонов, а его брат Магон получил от правительства только 7 животных. Сама природа обрекала Карфаген на поражение.

Снова вернемся к сражению при Тапсе. Как передает автор «Африканской войны», слоны, приведенные нумидийцами на помощь своим союзникам, были совершенно не подготовлены к участию в боевых действиях. Это подтверждается сообщением Флора. Согласно ему Юба привел своим союзникам животных, которые только недавно были отловлены в лесах, не были приучены к битве и при первых же звуках труб повернули вспять, опрокидывая ряды своих же [Flor., II, 67]. Римлянам, которые никогда не занимались дрессировкой огромных зверей, пришлось самим взять на себя эту задачу. Понятно, что выведенные на поле боя после кратковременной и неискусной дрессировки животные могли обратиться вспять уже от свиста прашей. Сам автор «Африканской войны» замечает, что даже после многолетнего обучения и длительного опыта слоны по большей части оставались малопослушными [[Caes.], Bell. Afr., 27].

Таким образом, мы приходим к очень интересному выводу: даже нумидийский царь, по сути дела последний средиземноморский правитель, использовавший в военных целях слонов, не располагал настоящими боевыми слонами и привел к Сципиону хотя и большое количество животных, но совершенно не обученных. Логично предположить, что в этом регионе вековое искусство дрессировки слонов было утрачено. Какие же причины способствовали этому?

Со всей определенностью можно утверждать, что только одно государство в За-

падном Средиземноморье имело постоянную потребность в боевых слонах и опытных корнаках. Этим государством был Карфаген, который вел многолетние войны в Африке, Сицилии, Испании и Италии. После окончания Второй Пунической войны и утратой Карфагеном своего политического значения содержать боевых слонов могли позволить себе и нумидийские цари, ставшие союзниками Рима. Но были ли нумидийцы так же искусны в дрессировке зверей, как карфагеняне? Это представляется маловероятным. Хотя слоны в большом количестве обитали на территории Нумидии, сами нумидийцы никогда не занимались их дрессировкой или просто отловом. После того как Нумидия оказалась в вассальной зависимости от Карфагена, не могло быть и речи, чтобы пунийцы позволили подчиненному им народу содержать у себя боевых слонов. Даже тогда, когда Нумидия обрела независимость и наследники Масанассы повернули это страшное боевое средство против самого Карфагена, нумидийцы все равно не могли сравняться в искусстве дрессировки со своими учителями, поскольку локальные конфликты, в которых участвовали их войска, не могут идти ни в какое сравнение с теми крупномасштабными сражениями, участницей которых была армия пунийцев. В этих битвах совершенствовались искусство карфагенских корнаков, а также выучка самих слонов.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, мы не должны удивляться легкости победы прашников Цезаря над слонами помпеянцев. Ведь гораздо проще научить человека не бояться слона, чем научить слона спокойно переносить пушечные в него камни, стрелы и копья. Цезарю оказалось достаточно показать слонов своим солдатам, чтобы приучить их не пугаться страшных четвероногих.

Попытка Сципиона выдрессировать своих животных была заранее обречена на неудачу, так же как некогда, под конец Второй Пунической войны, безуспешными оказались и усилия карфагенян. Но если последним не хватало для этого лишь времени, то Сципион и его нумидийские союзники не располагали ни достаточным количеством времени, ни необходимыми знаниями и опытом.

Ответ на вопрос, почему римляне отказались от использования боевых слонов, кажется на первый взгляд простым: римляне научились блестяще справляться с ними и вполне осознали неэффективность и опасность использования этих животных на полях сражений. Однако, с другой стороны, не будем забывать, что римляне использовали их на протяжении целого столетия и отказались от этой практики лишь тогда, когда были побеждены все народы, сохранявшие хотя бы в какой-то степени навыки их дрессировки. И это неудивительно, ведь сами римляне обучением слонов никогда не занимались.

Спорным также является и вопрос об эффективности или неэффективности действий слонов на поле боя. Можно говорить, конечно, что им в большинстве случаев не удавалось прорвать строй тяжеловооруженной пехоты. Но ведь участие слонов в сражениях не ограничивалось исключительно этой задачей. С таким же успехом мы можем объявить бесполезным использование катафрактариев, которые также обычно пасовали перед сплоченной массой тяжеловооруженных пехотинцев⁶.

⁶ Например, Ф. Ришардо, проанализировав свидетельства литературных источников, приходит к выводу, что применение катафрактариев на полях сражений было больше данью военной моде, чем следствием тактического прогресса. Это был престижный род войск, служивший якобы для императорской пропаганды военной мощи государства. В бою же он приносил мало пользы, особенно про-

На наш взгляд, точку в этом вопросе может поставить сама история.

Современный исследователь военного дела, особенно времен столь отдаленных, — это теоретик, который лишь в общих чертах и зачастую весьма условно может реконструировать реалии изучаемой эпохи. Можем ли мы, сидя в своих кабинетах, правильно судить о действиях военачальников, за плечами которых десятилетия, отмеченные походами и сражениями?

Выше уже было показано, что величайшие полководцы древности — Александр,

Эвмен, Пирр, Ганнибал и Цезарь — не отказывались от применения боевых слонов. Какое еще нужно доказательство? Как тут не вспомнить о Вегеции, давшем один ответ на множество вопросов, которыми задаются историки: какие отряды против каких поставить — должен решать полководец, ибо «я не знаю, по какой такой причине, можно сказать, почти по божьему соизволению, один вид войска сражается лучше против определенного вида вражеского войска и те, которые победили более сильных, бывают побеждены более слабыми» [Veg., III, 16; пер. С. П. Кондратьева].

А. В. Банников, А. А. Попов
1 июня 2010 г.

тив «решительно настроенной» пехоты (*Richardot Ph. La fin de l'armée romaine (284–476)*. Paris, 2005. P. 285).

SUMMARY

This book is dedicated to the one of the most interesting themes in the art of warfare in Ancient World — the history of war elephants, «tanks» of the Antiquity. The main idea of this research is the most correct and full reconstruction of the history and the role of war elephants on the battlefields and in wars of the Hellenistic and the Roman times, from Alexander the Great to the Sassanid epoch.

The main stages of evolution of the use of elephants in the ancient warfare base on the literary tradition of the Antiquity and Ancient East, on numismatic and other sources of material culture.

The first Greeks who wrote about elephants were the logographers. Ctesias and Aristotle formed the opinion about these beasts among Hellenes of the Classical time. However, Alexander, king of Macedonia (336–323 BC), was the first ruler to have war elephants in his army. After Darius' defeat at Gaugamela (331 BC) several beasts became the trophy of the great Macedonian ruler. Alexander used elephants in his Indian campaign but only for carrying the baggage and other heavy things such as some parts of his fleet.

In the Battle of the Hydaspes River in 326 BC Alexander won the victory over Hindu king Porus who used many war elephants against Macedonian army in this struggle. According to these circumstances, it went down in the Alexander's history as «The Battle with Elephants» and it was the last general battle in the Eastern Campaign of the great king. It was the first struggle in which the Greeks and the Macedonians sew war elephants and had to use special tactic against them.

In his own army Alexander didn't use these animals on battlefields. The elephants

demonstrated the power of the ruler in Babylon, took part in the Alexander's burial ceremony in 323 BC, saw the decline and dissolution of his Empire.

After Alexander's death began the war between the Diadochi in which elephants were playing one of the main roles on the battlefields. In this period have turrets (towers) appeared on these beasts, little castles with several warriors with Macedonian or Greek equipment.

Perdiccas used these animals in the campaign against Ptolemy's Egypt (321 BC). When he was killed, they became the trophy of Antigonus the One-eyed and Antipater.

Antigonus took elephants with his army to attack and defeat Eumenes and Alcetas (320 BC). The first struggles in which both of the Macedonian armies used these beasts were the Battles in Paraetacene (317 BC) and in Gabiene (316 BC) between Antigonus and Eumenes. Previously, Eumenes had 125 elephants from Indian satrap Eudamos and then many of them became the trophy of Antigonus. After Eumenes' death the last one had the largest elephant corps in the Hellenistic East.

Antipater took these beasts to Greece and they are considered the first of that kind of animals appeared in Europe (320 BC). In 318 BC Polyperchon attacked Megalopolis by war elephants but was defeated. In 317 BC Cassander captured Polyperchon's elephants. Then Olympias took them and fled to Pydna. Cassander besieged this city and all of the animals in the city died during the siege (317–316 BC).

In 312 BC Demetrius, the son of Antigonus One-Eyed, used war elephants in the Battle of Gaza against the Egyptian army. Later, in 306 BC, Antigonus took many of these beasts with his army in the campaign against Egypt. But he failed in his attempts to defeat Ptolemy.

In 305 BC Seleucus received from Hindu king Chandragupta Maurya 500 elephants

(ceded the the Indus' valley to him). Ptolemy, Seleucus, Lysimachus, Cassander formed an alliance against Antigonus. In 301 BC in the Battle of Ipsus (Asia Minor) the army of Lysimachus and Seleucus defeated Antigonus and his son Demetrius the Besieger. The war elephants of Seleucus played the major role in this struggle which terrified the houses of the Demetrius' cavalry. Antigonus was killed and this struggle was the greatest elephants' battle of Antiquity. The last battle in the history of the Diadochi was between Lysimachus and Seleucus in 281 BC. Probably in this struggle both of these commanders used these beasts. The same year Seleucus was killed by Ptolemy the Thunderbolt who became a new Macedonian king. Many elephants brought by Seleucus to Europe were seized by the new ruler.

In 280 BC Pyrrhus received from Ptolemy the Thunderbolt war elephants and ferried them to Italy where he wanted to help Tarentus against the Romans. In the Battles of Heraclea (280 BC) and of Asculum (279 BC) Pyrrhus used elephants against the Roman army. In 278–276 BC Pyrrhus' elephants were fighting with the Carthaginians in Sicily. Some of them were captured by the Romans in 275 BC in the Battle of Beneventum. Pyrrhus was the first who acquainted the Romans and the Carthaginians with these beasts and showed their power.

Seleucids all over their history had war elephants in the army and placed the corps of these beasts in Apamea. There were Indian elephants in the Syrian forces. After the Galatians' invasion in Asia Minor in 276 BC Antiochus I defeated them with the help of 16 war elephants in the battle in Phrygia. In 217 BC in the Battle of Raphia Antiochus III defeated African beasts of Ptolemy IV by his Indian elephants but he didn't win the victory in the struggle. After Antiochus' Eastern campaign he received from Bactria and India 150 animals. In 190 BC in the Battle of Magnesia his giants were fighting against the

Romans and according to the treaty in Apamea he was prohibited to keep war elephants. Antiochus' successors still had the Syrian army these animals. Antiochus IV showed two chariots with elephants on the parade in Daphna (166 BC). Antioch V and Demetrius II possessed these animals.

In the reign of Ptolemy Lagos Egypt never produced elephants for military purposes but during the reign of Ptolemy II and Ptolemy III the elephants' industry was arranged. Many of them were caught in the Central Africa and were brought to Alexandria. Some of these animals were captured during the wars between the Ptolemies and the Seleucids. Only after the Battle of Raphia, where African animals were defeated by Indian beasts of Syrian rulers, the Ptolemies stopped to be interested in the African elephants' producing.

Greco-Bactrian kings (III–II centuries BC) and their successors in Indo-Greek kingdoms (II–I centuries BC) had the corps of war elephants. Euthydemus I and his son Demetrius I utilized these animals in their forces. Later their successor Indo-Greek ruler Menander I had a special corps of them. One of the most important sources for the reconstruction of the Hellenistic war elephant's look is the faler from the collection of Peter the Great from the Hermitage might have been made in Greco-Bactria.

During the Punic Wars war elephants played a very important role on the battlefields. The Carthaginians and the Romans during this period used African beasts.

In the course of the First Punic War (264–241 BC) the Carthaginians utilized these animals against the Romans in Sicily and in the Battle of Tunis (256 BC). Afterwards these animals were employed in the Carthaginian army during the Mercenary War and the conquering of Spain. Hannibal began the Second Punic war (218–201 BC) with these beasts in his forces. He used war elephants against the Romans near Capua, in the Battles

of Canusia and of Zama. In the end of this war Hasdrubal and Mago utilized these animals in Northern Italy. After the Carthaginians' defeat they were forced to own these beasts anymore.

Subsequently, the Numidians and the Romans used war elephants nearly 150 years. Romans' war elephants crushed Roman enemies in Macedonian Wars in the Battles of Cynocephalus (197 BC) and of Pydna (148 BC), in Spain, in Africa against of Carthaginians in the Third Punic War (149–146 BC) and in Gallia against the Allobroges and the Arvernes.

The latest episodes of usage of these animals in the Roman military history: the Battle of Thapsus (46 BC) where Numidian elephants were in the Pompeian's army and were fighting against Caesar's legions and the Caesar's campaign in Britain.

During the epoch of the Empire Romans used elephants for fun in the circus, for construction works and for triumphs but not on the battlefields. These giants could have destroyed right Romans' tactic. As a result, the Romans stopped employing elephants in the military science.

In the Late Antiquity and the Early Middle Ages these animals appeared in the Sassanid army. Persian kings used them from the 3rd century against the Romans, then against the Armenians and the Arabs on the battlefields, for besieging of the Romans' castles and cities, for carrying baggage and harem, for hunting. Dramatic events of sieges of Nisibis (350 AD), of Amida (359 AD), of Edessa (551 AD), of Archeopolis (552 AD), of Phasis (555 AD), of the Battle in Maranga and Julian's death (363 AD) were connected with the Persian war elephants.

Источники

- Артахашастра* / пер. В. И. Кальянова. М., 1993.
- Афанасий Никитин*. Хожение за три моря / пер. А. Д. Желтяков, Л. С. Семенов. Л., 1986.
- Марко Поло*. Книга чудес света / пер. И. П. Минаева. М., 2009.
- Парибок А. В.* Вопросы Милинды (Милиндапанха). М., 1989.
- Скилак Кариандский*. Перипл обитаемого моря / пер. Ф. В. Шелова-Коведяева // ВДИ. 1988. № 1–2.
- Aelianus*. De natura animalium. Berolini, 2009.
- Ammianus Marcellinus*. Res gestae / rec. V. Gardthausen. Leipzig, 1879. — Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. СПб., 1994.
- Appiani* Historia Romana / ed. P. Viereck et A. G. Roos. Editio stereotypa correctior addenda et corrigenda adiecit E. Gabba. Vol. 1–2. Lipsiae, 1962. — *Аппиан*. Римская история / пер. С. П. Кондратьева // Римские войны. СПб., 1994.
- Aristotle*. Historia Animalium. Cambridge, 2002. — Аристотель. История животных / пер. В. П. Карпова, под ред. Б. А. Старостина. М., 1996.
- Caesar, Gaius Julius*. De bello civili. Paris, 1967. — Записки Юлия Цезаря и его продолжателей / пер. М. М. Покровского. М., 1993.
- Dio Cassius*. Historia / ed. E. Cary. Cambridge. Loeb Classical Laybrary, 1960–1961.
- Diodorus of Sicily* in twelve volumes / With an Engl. transl. by C. H. Oldfather, Ch. L. Sherman, C. B. Welles, R. M. Geer, F. R. Walton. Cambridge (Mass.); London, 1933–1967. — Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / пер. И. Алексеева. Т. I–VI. СПб., 1774–1775; Диодор. Историческая библиотека. Книга XVII / пер. М. Е. Сергеев // Арриан. Поход Александра. СПб., 1993. С. 267–342.
- Dionysius of Halicarnassus*. Vol. 1–7. Cambridge (Mass); London, 1940–1963. — Дионисий Галикарнассский. Римские древности / пер. Н. Г. Майоровой, И. Л. Маяк, Л. Л. Кофанова, А. М. Смородкова, В. Н. Токмакова, А. Я. Тыжова, А. В. Щеголева. М., 2005.
- Eutropius*. Breviarium ab Urbe Condita, cum versionibus graecis, et Pauli Landolfique additamentis / rec. et adnot. H. Droysen. Monumenta Germanial Historica, LXII. München, 1978. — *Евтропий*. Бrevиарий от основания города / пер. Д. В. Кареева и Л. А. Самуткиной; отв. ред. И. В. Кривушин. СПб., 2001.
- Flavii Arriani*. Quae exstant omnia / ed. A. G. Roos. Vol. I–II. Lipsiae, 1907–1928. — Арриан. Поход Александра / пер. М. Е. Сергеев. 2-е изд. СПб., 1993; Арриан. Индия / пер. О. В. Кудрявцева // ВДИ. 1940. № 2.
- Fragmenta Historicorum Graecorum* / ed. C. et Th. Muelleri. Vol. I–V. Parisiis, 1846–1870.
- Geographi Graeci Minores* / ed. C. Muellerus. Vol. I–II. Parisiis, 1855–1861.
- Herodotus*. Historiae / rec. C. Hude. Ed. III. Vol. I–II. Oxonii, 1933. — Геродот. История: в 9 кн. / пер. Г. А. Стратановского. 2-е изд. М., 1993.
- Itinerarium Alexandri ad Constantium Augustum, Constantini M. Filium* / Testo, apparato critico, introduzione, traduzione e commento di Raffaella Tabacco. Firenze: L. S. Olschki, 2000.
- Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. I–III. Berlin; Leiden, 1923–1958.
- Luciani opera* / rec. Breviae adnotatione critica instruxit M. D. Macleod. T. 1–4. Oxonii, 1972–1987. — Лукиан Самосатский. Сочинения: в 2 т. / под общей ред. А. И. Зайцева. Т. I–II. СПб., 2001.
- M. Iuniani Iustini*. Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Accedunt Prologi in Pompeium Trogum / ed. O. Seel. Ed. II. Stutgardiae, 1985 — Юстин М. Юниан. Эпитома сочинений Помпея Трога «Historiae Philippicae» / пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского; под ред. М. Е. Грабарь-Пассек; коммент. К. В. Вержбицкого, М. М. Холода; вст. ст. К. К. Зельина. СПб., 2005.
- M. Tullii Ciceronis Orationes*. Vol. II. Oxonii, 1918.
- M. Valerii Martialis. Epigrammaton Libri* / Recogn. W. Heraeus. Ed. corr. curavit I. Borovskij. Lipsiae, 1976. — Марциал М. Валерий. Эпиграммы / пер. Ф. А. Петровского. СПб., 1994.
- Pausaniae Graeciae descriptio* / ed. M. H. Rocha-Pereira. Vol. I–III. Lipsiae, 1973–1981. — Павсаний. Описание Эллады: в 2 т. / пер. С. П. Кондратьева под ред. Е. В. Никитюк и Э. Д. Фролова. Т. I–II. М., 1996.

Der Periplus des Erythraischen Meeres von einem Unbekannten / ed. B. Fabricius. Leipzig, 1883. — Псевдо-Арриан. Плавание вокруг Эритрейского моря // ВДИ. 1940. № 2.

Photius. Bibliothèque. T. 1–9. Paris, 1959–1991.

Plinius Secundus (maior). *Naturalis historia*. London, 1938–1963. Vol. 1–10.

Plutarchius Vitae parallelae / ed. C. Lindskog, K. Ziegler, H. Gartner. Ed. II. Vol. I–IV. Lipsiae, 1978–1980. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / изд. подготовили С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. 2-е изд. М., 1994.

Polybii Historiae / ed. a L. Dindorfio curatam retr. Th. Buettnier-Wobst. Stutgardiae, 1962. — Полибий. Всеобщая история: в 3 т. / пер. Ф. Г. Мищенко. 2-е изд. Т. I–III. СПб., 1994–1995.

Procopius. *Opera omnia* / rec. J. Naury, G. Wirt. T. I–IV. Leipzig, 1962–1964. — *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / пер. А. А. Чекаловой. М., 1993; *Прокопий Кесарийский*. Война с готами / пер. С. П. Кондратьева. М., 1996.

Q. Curtii Rufi. *Historiarum Alexandri Magni Macedonis Libri qui supersunt* / rec. E. Hedicke. Lipsiae, 1908. — Кв. Курций Руф. История Александра Македонского / под ред. А. А. Вигасина. М., 1993.

Orosius Paulus. *Historiae adversum paganos libri VII* / rec. C. Zangemeister. Leipzig, 1891. — Павел Орозий. История против язычников. Кн. I–VII / пер. В. М. Тюленева. СПб., 2001–2003.

Sallustius C. Crispus. *Bellum Jugurthinum* / Collection des Universités de France publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé: Salluste. *Catilina, Iugurtha, Fragments des Histoires* / Texte établi. Et trad. Par Alfred Ernout. Paris, 1971. — Гай

Саллюстий Крисп. Сочинения / пер. В. О. Горенштейна. М., 1981.

Sancti Ambrosii Opera. Pars I. Qua continentur librè Exameron, De paradiso, De Cain et Abel, De Noe / rec. C. Schenkel. Pragae; Vindobonae; Lipsiae, 1986.

Scriptores Historiae Augustae / rec. H. Peter. Leipzig, 1884. — Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / пер. С. П. Кондратьева; под ред. А. И. Доватура. М., 1992.

Strabo. *Geography* / With an Engl. trans. by H. L. Jones. Vol. I–VIII. Cambridge (Mass.); London, 1944–1961. — Страбон. География: в 17 кн. / пер. Г. А. Стратановского. 2-е изд. М., 1994.

Tacitus, Publius Cornelius. *Libri qui supersunt* / rec. E. Koestermann. Vol. I–II. Leipzig, 1965–1969. — Корнелий Тацит. Сочинения / изд. подгот. А. С. Борович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеев. Т. I–II. М., 1993.

Theodoret. *Kirchenge Schichte* / hrsg. L. Parnetier. G. Ch. Hansen. Berlin, 1998.

Theophylacti Simocatae. *Historiae* / ed. C. de Boor, ed. correctiorem curavit explicationibusque recentioribus adornavit P. Wirth. Stutgardiae, 1972. — Феофилакт Симокатта. История / пер. С. П. Кондратьева. М., 1996.

Vegetius Flavii Renatus. *Epitoma rei militaris* / rec. C. Lang. Leipzig. Teubner, 1885. — Флавий Вегетий Ренат / пер. С. П. Кондратьева. СПб., 1996.

Zonarae Ioannis. *Annales* // Migne J.-P. *Patrologiae. Cursus completus. Seriae graeca*. T. 134. Turnhout, 1977.

Zosimus comes et exadvocatus fisci. *Historia nova*. Leipzig, 1887.

Библиография

- Абакумов А. А. Боевые слоны эллинистического Египта // *Para bellum*. 2010. № 32. С. 5–20.
- Берзина С. Я. Древняя Африка и Индия // Историко-культурные связи. М., 1982. С. 17–41.
- Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.
- Вэрри Дж. Войны античности от греко-персидских войн до падения Рима. М., 2004.
- Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории: в 4 т. Т. I. Античный мир. СПб., 1994.
- Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 1–3. СПб., 1997–1999.
- Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесола Л. С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М., 1984.
- Казаров С. С. Последняя кампания царя Пирра в Италии // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 15–22.
- Кораблев И. Ш. Ганнибал. М., 1976.
- Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): в 3 т. Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.
- Немировский А. И. Комментарии // Анней Флор. Две книги римских войн // Малые римские историки. М., 1996.
- Нефедкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов // ВДИ. 2010. № 2. С. 99–114.
- Нефедкин А. К. Новая книга о боевых слонах [рец. на: Kistler J. M. War Elephants. Westport; London: Praeger, 2006] // *Para bellum*. 2009. № 31. С. 105–108.
- Рейнс Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности // *Para bellum*. 2008. № 29. С. 5–30.
- Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства в собраниях Гос. Эрмитажа. Т. I. М.; Л., 1940.
- Шукин М. Б. «Сарматские» серебряные фалары: «Греко-Бактрийский стиль» или «стиль Малибу» // Евразия сквозь века. СПб., 2001.
- Allen D. F. The Sark Hoard. Oxford, 1971.
- Armandi P. D. Histoire militaire des éléphants, depuis les temps les plus reculés jusqu' à l'introduction des armes à feu. Paris, 1843 (reprint. 2007).
- Bayer Th. S. Historia regni Graecorum Bactriani in qua simul Graecarum in India coloniarum vetus memoria. Petropoli, 1738.
- Berthelot A. Questions hannibaliennes: les éléphants d'Hannibal au Mont-Cenis // *Revue des études anciennes*. Vol. 38. 1936. P. 36–40.
- Boppearachi. O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris, 1991.
- Brizzi G. Fatti d'arme sull'Ofanto: considerazioni sulla battaglia di Asculum (279 a. C.) // *Revue des Études Militaires Anciennes*. № 2, 2005. P. 63–68.
- Brizzi G. Il guerriero, l'oplita, il legionario. Gli eserciti nel mondo classico. Bologna, 2008.
- Burnett A., Amandry M. Roman Provincial Coinage. Vol. 1: From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC-AD 69). In 2 Parts. London; Paris, 1992.
- Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps: Elephants and the Later Roman Empire // *Iranica Antiqua*. 2007. Vol. XLII.
- Charles M. B. Elephants at Raphia: Reinterpreting Polybius 5. 84–5 // *Classical Quarterly*. 2007. № 57.
- Charles M. B. Alexander, Elephants and Gaugamela // *Museion: Journal of the Classical Association of Canada*. Vol. 8. № 1. 2008. P. 9–23.
- Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales. T. 1–8. 2e éd. Paris, 1880–1892.
- Crawford M. The Roman Republican Coinage. 2 volumes. London, 1974.
- Cuperus G. De elephantis in nummis obviis. Hagae Comitum, 1719.
- Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments. Paris, 1877–1919.
- Dayet M. Carnet de numismatique celtique VII. Le dénier de César au type de l'éléphant. *Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est*. 1960. № 11. P. 42–47.
- Eltringham S. K. The illustrated Encyclopedia of Elephants: From Their Origins and Evolution to Their

Ceremonial and Working Relationship with Man. New York, 1991.

Francofort H.-P. Fouilles d'Ai Khanoum. T. III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. Ptie II. Les trouvailles // Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afganistan. 1984. T. XXVII.

Froehner W. Collection J. Gréau. Catalogue des bronzes antiques. Paris, 1885.

Gardner P. Catalogue of the Greek coins in the British Museum. Vol. 4: The Seleucid Kings of Syria. London, 1878 (reprinted Bologna, 1963).

Göbl R. Munzprägung des Kushanreiches, Verlag Der Österreichischen Akademie Der Wissenschaften. Wien, 1984.

Goldworthy A. Les guerres romaines (281 av. J.-C. — 476 ap. J.-C.) / trad. de l'anglais par M. Pécastaing-Boissière. Paris, 2000.

Goldworthy A. The Complete Roman Army. London, 2003.

Gowers W. African elephants and ancient authors // African Affairs. 1948. № 47.

Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants Again // Numismatic Chronicle. № 6. Ser. 10. 1950. P. 271–283.

Greek Coins in the British Museum. 27 volumes. London, 1873–1910.

Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars (359 BC to 146 BC). Goring-by-Sea, 1982.

Holt F. L. Alexander the Great and the Mystery or the Elephant Medallions. Berkely; Los Angeles; London, 2003.

Houghton A., Loeber C. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002.

Houghton A., Spaer A. Sylloge Nummorum Graecorum Israel I. Collection of Arnold Spaer of Seleucid Coins. Jerusalem, 1998.

Jaynes M. From War Elephants to Circus Elephants: Humanity's Abuse of Elephants // Journal for Critical Animal Studies. Vol. VII. Issue 1. 2009.

Kistler J. M. War elephants. Lincoln; London, 2007.

Knox R. An Historical Relation of the Island Ceylon. London, 1681.

Le Bohec Y. L'armée Romaine dans la tourmente. Une nouvelle approche de la «crise du III siècle». Editions du Rocher, 2009.

Le Rider G. Suse Sous les Séleucides et les Parthes. Les Travaux Monétaires et L'Histoire de la Ville. Paris, 1967.

Les Éléphants / sous la direction du Dr. J. Shoshani. Paris, 1993.

Macsey K. Tank Warfare. London, 1971.

Milne J. G. Catalogue of Alexandrian Coins. Oxford, 1971.

Mitchiner M. B. Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. 9 volumes. London, 1975–1976.

Mitchiner M. B. Oriental Coins and their values: in 3 vols. Vol. 2: The Ancient and Classical World. London, 1978.

Moushmov N. Ancient Coins of the Balkan Peninsula and the Coins of the Bulgarian Monarchs. 1912.

Munich City Coin Collection. Munich, 1968.

Newell E. T. The coinage of the Western Seleucid Mints. From Seleucus I to Antiochus III. New York, 1941.

Nicolle D. Sassanian Armies. The Iranian Empire early 3rd to mid-7th centuries AD. Stockport, 1996.

Nikonov V. P. The Armies of Bactria (700 BC–450 AD). Vol. I. Stockport, 1997.

Nossov K. War Elephants. Oxford; New York, 2008.

Rawlinson H. G. Intercourse between India and the western world from the earliest times to the fall of Rome. Cambridge, 1926.

Recueil General des Monnaies Grecques d'Asie Mineure / Commencé par feu W. H. Waddington, continué et complété E. Babelon et Th. Reinach. Paris, 1872.

Richardot Ph. La fin de l'armée romaine (284–476). Paris, 2005.

Saint-Girons P., Préferre P. Les éléphants. Paris, 1993.

Schmitt L., Prieur M. Les monnaies romaines. Les Cheveau-légers, 2004.

Scullard H. H. The Elephant in the Greek and Roman World. London, 1974.

Seaby H. A. Roman Silver Coinage. Vol. 1–5. London, 1978–1987.

Sear D. R. Greek Coins and Their Values. Vol. 2: Asia and Africa. London, 1979 (reprinted 2000).

Sear D. R. Greek Imperial Coins and Their Values. London, 1982.

Sear D. R. Roman Coins and Their Values. 4th ed. London, 1988.

- Sear D. R.* Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 1: The Republic and the Twelve Caesars. London, 2000.
- Sear D. R.* Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 2: The Accession of Nerva to the Overthrow of Severan Dynasty AD 96–AD 235. London, 2002.
- Sear D. R.* Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 3: The Third Century Crisis and Recovery AD 235–AD 285 (The Accession of Maximus to the Death of Carinus). London, 2005.
- Sekunda N.* Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies (168–145 BC). Vol. 1: The Seleucid Army under Antiochus IV Epiphanes; Vol. 2: Ptolemaic Army under Ptolemy VI Philometor. Stockport, 1995–1995.
- Sukumar R.* The Living Elephants: Evolutionary, Ecology, Behavior and Conservation. Oxford, 2003.
- Svoronos J. N.* Τα νομίσματα του Κρατους των Πτολεμαίων (Ptolemaic Coins). Athens, 1904.
- Sylloge Nummorum Graecorum Copenhagen: The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. Vol. 8: Egypt, North Africa, Spain and Gaul. Copenhagen, 1982.
- Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland, Sammlung von Aulock. Vol. 1–4. Berlin, 1964.
- Sylloge Nummorum Graecorum Switzerland I, Edoardo Levante — Cilicia. Bern, 1986 (reprinted 1993).
- Tarn W. W.* Hellenistic Military and Naval Developments. New York, 1966.
- The Roman Imperial Coinage / ed. H. Mattingly and others. Vol. 1–10. London, 1984–2007.
- Thompson M.* The New Style Silver Coinage of Athens. New York, 1961.
- Toynbee J. M. C.* Animals in Roman Life and Art. London, 1973.
- Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius: in 3 vols. Vol. I. Oxford, 1957.
- Wibberforce A.* The Great Battles of All Nations. Vol. 1. New York, 1900.
- Wroth W. W.* Catalogue of the Greek Coins of Galatia, Cappadocia and Syria. London, 2006.

Список сокращений

- АМА — Античный мир археологии
ВДИ — Вестник древней истории
Aelian., Animal. — Элиан «О природе животных»
Agath. — Агафий Миринейский «О царствовании Юстиниана»
Agatharchid. — Агатархид «О Красном море»
Ambros., Hexamer. — Амвросий «Шестоднев»
Amm. — Аммиан Марцеллин «Римская История»
App. — Аппиан
Iber. — «Иберийские войны»
Lib. — «События в Ливии»
Syr. — «Сирийские дела»
Arist., Hist. anim. — Аристотель «История животных»
Agr. — Арриан
Anab. — «Поход Александра»
Ars tactica — «Искусство войны»
Ind. — «Индия»
[Arr.], Per. mar. Eryth. — Псевдо-Арриан «Перипл Эритрейского моря»
Art. — Артхашастра
Aurel. Victor, De caesar. — Аврелий Виктор «О цезарях»
[Caes.], Bell. Afr. — «Африканская война» (неизвестного автора)
Cic., Phil. — Цицерон «Филиппики»
Curt. — Курций Руф «История Александра Великого»
Dio Cass. — Дион Кассий «Римская история»
Dionys. — Дионисий Галикарнасский «Римские древности»
Eutrop. — Евтропий «Бревиарий римской истории»
Fest. — Фест «О значении слов»
Flav. Iud. — Иосиф Флавий «Иудейские древности»
Flor. — Флор «Две книги римских войн»
Frontin. — Фронтин «Стратегемы»
Heliodor. Aethiopic. — Гелиодор «Эфиопика»
Herod. — Геродот «История»
Herodian. — Геродиан «История римских императоров»
Hieronym., Dan. — Иероним «Комментарии на пророчества Даниила»
Itiner. Alex. — «Итинерарий Александра» (неизвестного автора)
Just. — Юстин «Эпитома сочинения Помпея Трога "История Филиппа"»
Liv. — Ливий «История Рима от основания города»
Lucan., Pharsal. — Лукан «Фарсалия»
Luc., Zeux. vel Ant. — Лукиан «Зевксис, или Антиох»
Lucret. — Лукреций «О природе вещей»
Martial. — Марциал «Эпиграммы»
De spectac. — «Книга зрелищ»
Maccab. — «Ветхий Завет. Книги Маккавеев»
Nep., Eum. — Корнелий Непот «Эвмен»
Oros. — Орозий «История против язычников»
Paus. — Павсаний «Описание Эллады»
Philostrat., Apollon. vit. — Филострат «Жизнь Аполлония Тианского»
Phot. — Фотий «Библиотека»
Plin., NH. — Плиний Старший «Естественная история»
Plut. — Плутарх
Alex. — «Жизнеописание Александра»
Ant. — «Жизнеописание Марка Антония»
Camil. — «Жизнеописание Камилла»
Demet. — «Жизнеописание Деметрия»
Eum. — «Жизнеописание Евмена»
Pyrr. — «Жизнеописание Пирра»
Poliaen. — Полиен «Стратегемы»
Polyb. — Полибий «Всеобщая история»
Pompon. Mela — Помпоний Мела «О строении земли»
Procop. — Прокопий Кесарийский
Aed. — «О постройках»
BG — «Война с готами»
Sallust., Bell. Iugurt. — Саллюстий «Югуртинская война»
Seneca — Сенека
Epist. — «Нравственные письма к Луцилию»
De ira — «О гневе»
SHA — Scriptores Historiae Augustae — «Писатели истории Августов»
Alex. — «Александр Север»
Aurel. — «Божественный Аврелиан»

Claud. — «Божественный Клавдий»	Tac. — Тацит
Comm. — «Коммод Антонин»	Ann. — «Анналы»
Gord. — «Трое Гордианов»	Hist. — «История»
Hadrian. — «Жизнеописание Адриана»	Theodor., Hist. eccles. — Феодорит «Церковная история»
Heliogabal. — «Антонин Гелиогабал»	Theophyl. Simocatt. — Феофилакт Симокатта «История»
Prob. — «Проб»	Val. Max. — Валерий Максим «Достопримечательные деяния и высказывания»
Sil. Ital., Punic. — Силий Италик «Повесть о Пунической войне»	Varro, De ling. Lat. — Варрон «О латинском языке»
Socr. — Сократ Схоластик «Церковная история»	Veg. — Вегетий «Краткое изложение военного дела»
Soz. — Созомен «Церковная история»	Xiphilin. — Ксифилин «Эпитома»
Strab. — Страбон «География»	Zon. — Зонара «История»
Suet. — Светоний	Zos. — Зосим «Новая история»
Caes. — «Жизнеописание Юлия Цезаря»	
Nero. — «Жизнеописание Нерона»	
Galba — «Жизнеописание Гальбы»	

Список иллюстраций

1. Ламинарный доспех для слона, а также фрагмент брони (XVII в.). Королевская оружейная палата (Лидс).
2. Расписное блюдо из Капены, на котором изображен боевой слон, предположительно из армии Пирра (III в. до н. э.).
3. Индийский боевой слон. Рельеф из Байон Ангкор.
4. Бронзовая монета Шунги, 0,25 каршапаны (187–175 гг. до н. э.). На аверсе изображен слон; на реверсе — чайтья с полумесяцем (Mitchiner M. B. *Oriental Coins and their values*. Vol. 2: *The Ancient and Classical World*. London, 1978. № 4366–4370).
5. Бронзовая монета Таксилы. 1,5 каршапаны (185–160 гг. до н. э.). На аверсе изображен слон; на реверсе — лев (Mitchiner M. B. *Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage*. Vol. 1. London, 1975. № 538; Mitchiner M. B. *Oriental Coins and their values*. Vol. 2: *The Ancient and Classical World*. London, 1978. № 4101–4103).
6. Серебряная монета Таксилы. 0,5 каршапаны (230–180 гг. до н. э.). На аверсе изображен слон вправо; на реверсе — чайтья (Mitchiner M. B. *Oriental Coins and their values*. Vol. 2: *The Ancient and Classical World*. London, 1978. № 2697).
7. Бронзовая монета государства Маурья. 0,25 вимшатики (200 г. до н. э.). На аверсе изображены слон, крест, свастика и штандарт; на реверсе — дерево, чайтья, таурин и штандарт (Mitchiner M. B. *Oriental Coins and their values*. Vol. 2: *The Ancient and Classical World*. London, 1978. № 4287–4289).
8. Бронзовая монета кушанского царя Хувишки I (126–164 гг. н. э.). Бронзовая монета Хувишки I. На аверсе изображен царь верхом на слоне; на реверсе — бог Митра (Göbl R. *Münzprägung des Kushanreiches*, Verlag Der Österreichischen Akademie Der Wissenschaften. Wien, 1984. № 930).
9. Золотая монета кушанского царя Хувишки I (126–164 гг. н. э.). На аверсе изображен царь верхом на слоне; на реверсе — Геракл.
10. Золотая монета кушанского царя Хувишки I. На аверсе изображен царь верхом на слоне; на реверсе — богиня Ардокшо.
11. Индо-скифская медная монета достоинством в пять халков (35–30 гг. до н. э.). На аверсе изображен слон; на реверсе — зебу (Mitchiner M. B. *Oriental Coins and their values*. Vol. 2: *The Ancient and Classical World*. London, 1978. № 2299).
12. Бронза Антиоха III. На аверсе изображение Медузы Горгоны. На реверсе — слон. (Houghton A., Loeber C. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002. № 1089, 3а).
13. Бронза. Апамея На аверсе — изображение Зевса; на реверсе — слон (Wroth W. W. *Catalogue of the Greek Coins of Galatia, Cappadocia and Syria*. London, 2006. Pl. XXVII, 2, 6).
14. Бронза Антиоха III. На аверсе изображение царя в лавровом венке; на реверсе — слон (Houghton A., Loeber C. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002. № 1272).
15. Бронзовая монета Селевка I. На аверсе изображен Геракл; на реверсе рогатый слон (Houghton A., Loeber C. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002. № 264).
16. Бронза Селевка II. На реверсе изображены братья Диоскуры; на аверсе — голова слона (Newell E. T. *The coinage of the Western Seleucid Mints. From Seleucus I to Antiochus III*. New York, 1941. № 867).
17. Бронзовая монета Селевка I. На аверсе изображен слон; на реверсе — голова коня (Houghton A., Loeber C. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002. № 35).
18. Бронза Антиоха IV. На аверсе — изображение, вероятно, Лаодики IV; на реверсе — голова слона (Houghton A., Loeber C. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002. № 113).
19. Серебряная драхма Селевка. На аверсе изображена голова Зевса; на реверсе — Афина

в колеснице, запряженной парой слонов (Houghton A., Loeber C. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2.* New York; Lincoln; London, 2002. № 262).

20. Афинская тетрадрахма с буквой I на амфоре. На аверсе изображена богиня Афина; на реверсе — афинская сова на амфоре, справа от которой изображение слона (Thompson M. *The New Style Silver Coinage of Athens.* New York, 1961. № 400f).

21. Бронза Александра I Баласа. На аверсе изображен портрет царя; на реверсе — слон (Houghton A., Spaer A. *Sylloge Nummorum Graecorum Israel I. Collection of Arnold Spaer of Seleucid Coins.* Jerusalem, 1998. № 1477).

22. Обол Птолемея V. На аверсе изображен Александр, голову которого покрывает шкура слона; на реверсе — птолемеевский орел (Svoronos J. N. *Τα νομίσματα του Κρατούς των Πτολεμαίων* (Ptolemaic Coins). Athens, 1904. Pl. XVII. № 14–15).

23. Статер Птолемея I. На аверсе портрет царя; на реверсе — колесница, запряженная четверкой слонов, и надпись по-гречески: «Царь Птолемеи» (Svoronos J. N. *Τα νομίσματα του Κρατούς των Πτολεμαίων* (Ptolemaic Coins). Athens, 1904. № 126).

24, 27. Фалары из Эрмитажа.

25, 28. Обратная сторона фалара из Эрмитажа.

26. Корнак на фаларе из Эрмитажа.

29. Башня на фаларе из Эрмитажа.

30. Битва при Метавре. Рис. И. В. Кирсанова

31. Бронзовая монета из Гадрумета. Проконсул Фабий Африкан 6–5 гг. до н. э. (Burnett A., Amandry M. *Roman Provincial Coinage. Vol. 1: From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC — AD 69): in 2 parts.* London; Paris, 1992. № 781).

32. Денарий императора Тита. На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение слона (The Roman Imperial Coinage / ed. H. Mattingly and others. Vol. 2. London, 2007. № 115; Sear D. R. *Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 1: The Republic and the Twelve Caesars.* London, 2000. № 2512).

33. Сестерций императора Тита в честь Веспасиана (80–81 гг. н. э.). На аверсе император, восседающий на колеснице, запряженной слонами, со статуей победы в левой руке;верху надпись: «DIVO AVG VESPAS» («Божественному Веспасиану Августу»);внизу надпись: «SPQR»; на реверсе в центре надпись: «SC» («Senatus Consultum»); по окружности надпись: «IMP CAES DIVI VESP AVG PMT R PPP COS VIII» (Cohen H. *Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales.* T. 1. 2e éd. Paris, 1880. № 205; Sear D. R. *Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 1: The Republic and the Twelve Caesars.* London, 2000. № 2572; The Roman Imperial Coinage / ed. H. Mattingly and others. Vol. 2. London, 2007. № 257).

34. Полудрахма императора Домициана (Александрия). На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение колесницы, запряженной четырьмя слонами (Milne J. G. *Catalogue of Alexandrian Coins.* Oxford, 1971. № 528; Sear D. R. *Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 1: The Republic and the Twelve Caesars.* London, 2000. № 2849).

35. Аууреус императора Тита. На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение слона (The Roman Imperial Coinage / ed. H. Mattingly and others. Vol. 2. London, 2007. № 114; Sear D. R. *Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 1: The Republic and the Twelve Caesars.* London, 2000. № 2895).

36. Полудрахма императора Траяна (Александрия). На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение колесницы, запряженной четырьмя слонами (Milne J. G. *Catalogue of Alexandrian Coins.* Oxford, 1971. № 812; Sear D. R. *Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 2: The Accession of Nerva to the Overthrow of Severan Dynasty AD 96 — AD 235.* London, 2002. № 3298).

37. Драхма императора Адриана (Александрия). На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение

колесницы, запряженной четырьмя слонами (Milne J. G. *Catalogue of Alexandrian Coins*. Oxford, 1971. № 846).

38. Сестерций Филиппа Араба. На аверсе изображение императора; на реверсе — африканский слон, на котором сидит корнак (Sear D. R. *Roman Coins and Their Values*. 5th ed. Vol. 3: *The Third Century Crisis and Recovery AD 235 — AD 285 (The Accession of Maximus to the Death of Carinus)*. London, 2005. № 8989; *The Roman Imperial Coinage* / ed. H. Mattingly and others. Vol. 4. London, 1936. № 167a).

39. Бронзовая монета Антонина Пия. На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение слона (Cohen H. *Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales*. T. 2. 2e éd. Paris, 1882. № 565; *The Roman Imperial Coinage* / ed. H. Mattingly and others. Vol. 3. London, 1930. № 862a; Sear D. R. *Roman Coins and Their Values*. 5th ed. Vol. 2: *The Accession of Nerva to the Overthrow of Severan Dynasty AD 96 — AD 235*. London, 2002. № 4308).

40. Антониниан императора Филиппа Араба (249 г.). На аверсе изображение императора. По окружности идет надпись: «IMP PHILIPPVS AVG». На реверсе слон, на спине которого сидит корнак. Вокруг изображения надпись: «AETERNITAS AVGG» («Вечность Августов») («The Accession of Maximus to the Death of Carinus»). London, 2005. № 8921; *The Roman Imperial Coinage* / ed. H. Mattingly and others. Vol. 4. London, 1936. № 58; Sear D. R. *Roman Coins and Their Values*. 5th ed. Vol. 3: *The Third Century Crisis and Recovery AD 235 — AD 285*; Schmitt L., Prieur M. *Les monnaies romaines*. Les Cheveau-légers, 2004. № 3039).

41. Бронзовая монета Антонина Пия. На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение слона (Cohen H. *Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales*. T. 2. 2e éd. Paris, 1882. № 564; *The Roman Imperial Coinage* / ed. H. Mattingly and others. Vol. 3. London, 1930. № 863).

42. Денарий Септимия Севера. На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение слона, по-видимому, облаченного в броню, (The Roman Imperial Coinage / ed. H. Mattingly and others. Vol. 4. London, 1936. № 84, 1; Sear D. R. *Roman Coins and Their Values*. 5th ed. Vol. 3: *The Third Century Crisis and Recovery AD 235 — AD 285 (The Accession of Maximus to the Death of Carinus)*. London, 2005. № 6317).

43. Денарий Септимия Севера. На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение слона (The Roman Imperial Coinage / ed. H. Mattingly and others. Vol. 4. London, 1936. № 100; Sear D. R. *Roman Coins and Their Values*. 4th ed. London, 1988. № 1766).

44. Бронзовая монета императора Каракалы (Никополь на Истре). На аверсе изображение императора в лавровом венке; на аверсе изображение слона (Moushmov N. *Ancient Coins of the Balkan Peninsula and the Coins of the Bulgarian Monarchs*. 1912. № 1125).

45. Боевой слон. Миниатюра из Бестиария (Англия, после 1400 г.).

46. Подвиг Елеазара. Миниатюра из манускрипта *Speculum Humanae Salvationis*.

47, 48. Слон, обвивший хоботом римского воина. Скульптура в парке Бомарцо герцогов Орсини XVI в.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О БОЕВЫХ СЛОНАХ	8
1. Что было известно древним о слонах	8
2. Боевые слоны	16
3. Организация подразделений слонов в эллинистических государствах и тактические приемы использования этих животных	26
4. Способы борьбы со слонами	29
Глава II. СЛОНЫ В ИНДИЙСКИХ АРМИЯХ. ПЕРВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ ГРЕКОВ С БОЕВЫМИ СЛОНАМИ. СЛОНЫ В АРМИЯХ ДИАДОХОВ. СЛОНЫ ПИРРА	40
1. Слоны в индийских армиях	40
2. Боевые слоны в эпоху Александра Великого	41
3. Боевые слоны в армиях диадохов	50
4. Слоны в армии Пирра	57
Глава III. БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АРМИЯХ СЕЛЕВКИДОВ, ПТОЛЕМЕЕВ, ГРЕКО-БАКТРИЙСКИХ И ИНДО-ГРЕЧЕСКИХ ЦАРЕЙ	65
1. Боевые слоны в армии Селевкидов	65
2. Боевые слоны в армии Лагидов	79
3. Боевые слоны в армиях греко-бактрийских и индо-греческих царей	87
Глава IV. БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АРМИЯХ КАРФАГЕНЯН, РИМЛЯН И НУМИДИЙЦЕВ. ЗАКАТ «ЭПОХИ БОЕВЫХ СЛОНОВ». ВТОРИЧНОЕ ПОЯВЛЕНИЕ СЛОНОВ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ ДИНАСТИИ САСАНИДОВ	96
1. Боевые слоны в карфагенских армиях	96
2. Использование боевых слонов нумидийцами и римлянами. Закат «эпохи боевых слонов»	121
3. Боевые слоны в армиях Сасанидов	135
Эпилог	148
Summary	154
Источники	157
Библиография	159
Список сокращений	162
Список иллюстраций	164

Банников Андрей Валерьевич, Попов Артем Анатольевич

БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АНТИЧНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Редактор К. В. Белецкая

Корректор М. К. Одиноква

Технический редактор Е. М. Денисова

Художественное оформление С. В. Лебединского

В оформлении обложки использован рисунок Игоря Кирсанова

Обложка С. А. Владимировой

Подписано в печать 22.01.2013. Формат 70×90 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,5. Тир. 40. Зак. 13774

ФГБОУВПО «Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств»
191186, Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 2. Тел. 312 85 73

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Турусел»

197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 38